

Per. 277^d (1861, 5)

ОСНОВА

1861

М А И

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзъръ, XIV—XIX. Предсмертнѣ думи, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Салатка, Д. Л. Мордовцева.
- IV. Липовыя пуши, Д. И. Хоречко.
- V. Сиротѣна—Олександра Конисьского.
- VI. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
- VII. Автобиографія Бѣлокопытенка, М. Т. Номиса.
- VIII. Плачь Россійскій, съ предисловіемъ Н. А. Кулиша. /
- IX. Багѣта Кутѣ, М. Т. Номиса.
- X. Обзоръ украинской словесности. IV. Гоголь, Н. А. Кулиша.
- XI. Гимназическая переписка, Лимейкина.
- XII. Хуртовина, С. Д. Носа.
- XIII. Письма о пчеловодствѣ, И. И. Костенецкаго.
- XIV. Географическое обозрѣніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ, И. М.
- XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Немчужиникова.
- XVI. Приглашеніе, И. И. Анненкова.
- XVII. Вѣсти. (письма изъ разныхъ мѣстъ южнорусскаго края).
- XVIII. Отъ Редакціи.
- XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XX. Музыкальное и библиографическое извѣстіе.

Fg/ 86/ 50009

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

М А Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Минули літа молоді...
Холоднимъ вітромъ одъ надіи
Ужé повіяло... Зіма!...
Сиди одінь въ холодній хаті...
Нема-сь-кимъ тихо розмовляти
А ні порадитись... Нема!
А нікогісінько нема!
Сиди жъ одінь, поки надія
Одурить дурня, осміє...
Морозомъ очи огує,
А думи гóрдї розвіє,
Якъ ту сніжину по степу...
Сиди жъ одінь-собі въ кутку,
Не жди весні—святбі дблї!
Вона не зійде вже ніколи
Садочокъ твій позеленїть,
Твою надію оновить—

(*) Прочитавши опі *предсмертні думи*, всякъ зрозуміє—щó голубила, на останку життя свого, велика душа Тарасова,—и кожному невїрі б́уде ясно—чому-то такъ високо ставіли ми, Українці, свого єдиного, всенароднєго, Кобзаря.

И думу вольную на волю
 Не прийде випустить.... Сіди—
 И нічогосінько не жди!...

18 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всюди—скрізь погано!...
 Душа убога встала рано,
 Напряла мало, та й лягла
 Одпочивать собі небга.
 А воля душу стерегла...
 «Прокійнься», каже: «плачь, уббога!
 Не зійде сонце!.. тьма и тьма!
 И правди на землі нема!»
 Ледача воля одуріла
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде!..

30 октября, 1860 р.
 Петербургъ.

XVI.

Въ ночі и ожеледь и мряга,
 И снігъ, и холоди... и Невá
 Тихесенько кудись несла
 Тоненьку крігу попідь мбстомъ.
 А я, отó-жь-таки въ ночі,
 Иду та кашляю йдучи.
 Дивлюсь:-ниначе ті ягнята,
 Идуть задріпані дівчата,
 А дідъ (сердешний инвалидъ)
 За ними гнѣтця—шкандибáе,
 Мовъ у кошáру заганяе
 Чужу худобу.... Дѣжь той свѣтъ!..?

И дѣ та правда?!... Горе! горе!
 Ненагодіванихъ и гóлихъ
 Дівчаточокъ, якъ ту отáру,
 Женуть!... Чи буде судъ и кáра
 Усімъ неправдамъ на землі?
 Чи буде правда міжъ людми?..
 Повінна бути!.. бо сонце стáне
 И осквернённу зéмлю спáлити.

3 жовбря, 1860 р.

Петербургъ.

XVII.

И день идѣ, и нічъ идѣ...
 И, гóлову схопівши въ рúки,
 Дивуєся—чому не йдѣ
 Апóстоля правди и науки?!

5 жовбря 1860 р.

Петербургъ.

XVIII (*).

Чи не покінуть намъ, небóго,
 Моя сусідонько убóга,
 Вірши пікчёмні віршувать,
 Та заходятьця рештувать
 Возі въ далёкую дорóгу?—
 На *тóй світь*, друже мій, до Бóга,
 Почимчикуємъ спочивать...
 Втомілися и підтоптались
 И рбзуму-таки набрались,—

(*) Стихи оці, (набуть—*До Музи*), здається, останнє поетичне слово нашого вічно-пам'ятного Тараса. На підлиннику, під першою ёго половиною (після стиха: *Славою святю*), стоить «14 февраля»; під другою половиною—дня не означено.

То й буде зъ насъ!—ходімо спать—
 Ходімо *въ хату* спочивать...
 Весела хата, щобъ ти знала!...

Ой не йдімо, не ходімо,
 Рано, друже, рано;
 Походімо, посидимó—
 На *сей світъ* поглянемъ!
 Поглянемо, моя доле...
 Бачъ, який ширóкий,
 И ширóкий та веселий,
 Ясний та глибóкий...
 Походімо жъ, моя зоре!
 Зійдемо на гóру—!
 Спочи́немо... а тимъ-часомъ
 Твої сестри-зорі,
 Безвiчнii, попідъ небомъ
 Попливуть, засяють...
 Подождімо жъ, моя сестро,
 Дружино святая!
 Та несквёрними ўстами
 Помóлимось Богу,
 Та й рúшимо тихесенько
 Въ далёку дорóгу...
 Надъ Лётою бездóбною
 Та каламутною
 Благослові мене, друже,
 Славою святою!...

А поки те, да се, да бне,
 Ходімо прóсто—навпростецъ
 До Эскулапа на ралецъ—
 Чи не одурить вінъ Харóна
 И Парку-прялку?... И тогдi,
 Попки бъ химеривъ мўдрий дiдъ,
 Творили бъ, лежа, эпопею—
 Парили бъ скрiзь по-надъ землею—
 Та всё бъ гекзаметри плели,
 Та на горiще бъ однесли

Мишамъ на снідання.... А потімъ
Співали бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудь...

Друже мій,
О мій сопутниче святій!
Покій огонь не захолюнувь,
Ходімо лучче до Харона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Перепливе́мъ, перенесе́мъ
И славу святую —
Безвічною—молодую...
Абб—цурь ій, друже!
И безъ неі обійдуся—
Та якъ буду здужать,
То надъ самимъ Флегетіномъ
Абб надъ Стіксомъ у рабъ,
Ниначе надъ Дніпромъ широкимъ,
Въ гаю—предвічнєму гаю,
Поставлю хаточку,—садочокъ
Кругомъ хатини насажу:
Примінешь ти у холодочокъ,
Тебѣ, мовъ краю, посажу:
Дніпрѣ, Україну згадаємъ,
Веселі сѣлица въ гаїхъ,
Могіли-гори на степахъ—
И веселенько заспіваємъ....

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для поминутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что-то необыкновенное въ сію цеструю книгу. Слу-

(*) Въ-увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлю — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10-лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоценныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1838 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подарокъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л.—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, выстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго само-сознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашого Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно—что дало ему силы—вынести горестную свою долю: безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ-что увлекало его до забвенія о собѣ-самомъ, о своей собственной участи...

... віть не просить,
Не плаче, не стогне:
Разъ добромъ наліте сѣрце
Вікъ не прохолоне.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою гениальнаго ума и сердца, безъ которой для человека не возможно истинное величіе. — Гениальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и такъ-вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякаго научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искусства, человека, родины и—себя-самого?

чпсь этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещьца для грамотнаго человѣка, *какъ на-примръ—я*, дорого стоить; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину—маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяць — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумеется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вамъ съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чпхиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,—что «мы люди коммерческіе, люди неграмотные,—всего не упоминашь.» Что вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,—а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрьмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать—охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— ищи что ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шанпчныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго—пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, но я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлечения, для забавы,

Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы то была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, и сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатого окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорачію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, мой коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбець... — — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, что сердце продукуеть.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 73 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожъ нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распорихеній помяну-таго штаба, сопровождаю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда приѣзжаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ рассказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, какъ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пассажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разные, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожъ на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумеется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и — главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, какъ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолвившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ, — не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня — довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздно, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идетъ черезъ Гурьевъ — городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человекъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопробываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ — мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благороднѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лѣтъ — и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это — рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучая, какъ онъ пишетъ, послучая полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 23 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человека большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когда я ему воздамъ за эту искреннюю илицемѣрную жертву.

Послучая этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположился — было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К — у. Пасмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ — въ Минскъ, Песвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обьявъ своего друга и товарища... Бр. 3 — го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнилъ письмо М. Л — го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини П — и И — ы Тол — ой и ея великодушнаго супруга, графа Т — ра П — ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкѣ—Волгѣ. Но состоитъ ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ стать, что я еще, въ своей хламидѣ, поуплыву въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неутомонному воображенію. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, что завтра будетъ? Или, лучше сказать, что привезетъ Гурьевская почта.

14 іюня.

Я что—то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а такъ—отъ нечего дѣлать. На бездѣльи и это руководяще. Записному литератору, какому—нибудь поставщику фельетона—тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненіе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненіе пера. Такъ дѣлаютъ и гениальные писатели, такъ дѣлаютъ и пачкуны. Гениальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они паче себя и не воображаютъ, какъ гениальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали. ———

Кажется, кто—то написалъ книгу подъ заглавіемъ *солдатскіе досуги*. Заглавіе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... ———

Солдату простиительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофъ свухи. ———

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобныя досуги? И что нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненіе*, т. е. фантазія, то опять—какая цѣль подобной фантазій? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшій авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинныя досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этими онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюбивымъ—родителямъ.

15 іюня.

Чтоже я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно нечего занести, а ни ни ничего хоть сколько—нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала, — я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита — молчалиша. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ — офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его свосму, еще трезвому, дядкѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *тѣрбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М — скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ, — послѣ обѣда, по доброду общаю предковъ, заснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно нѣчего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М — скаго. М — скій — человекъ, котораго я люблю и уважаю; человекъ — не сплетня, не верхоглядъ, человекъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говоритъ плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ. — Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достоинно замѣчанія то, что онъ рассказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человекѣ, тѣмъ-болѣе — въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М — скій — человекъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ — не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ поборѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевилъ, разумѣется, водевилъ для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ! — — — И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученя и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачтѣ я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтущей красавицы матерн-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человекъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за чтѣ приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сяжу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимою вербою и хоть бы на-смѣхъ чтѣ-нибудь шевельнулся въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревскаго. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, чтѣ съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебнѣ-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лириками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ—было дѣлать замѣчанія, но когда прочп-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои—замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромя Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоценной ткани. Я общалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К—ку, и теперь жагю, что общалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не начитаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы негѣшими замѣчаниями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петербурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевилъ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать—чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую—Криницу, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квшицу! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожидаемой почты и съ такимъ трепетомъ ожидаемой свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

XIX.

Въ неволі тяжко, - хоча й волі,
Сказать по правді, не було,
Та все-таки якось жилось
Хоть на чужому—та на полі;
Теперь же злої тії долі
Якъ Бóга ждати довелось,
И жду її, и виглядаю,
Дурний свій рбзумъ проклипаю,
Що дався дурнямъ одурить—
Въ калюжі волю утопіть...
Холоне серце, якъ згадаю,
Що не въ Україні поховáють,
Що не въ Україні бóду жить,
Людéй и Гóспода любить.

1847 р.

Т. Шевченко.

САЛДАТКА.

(Іереміі Галці, на-незабудь.)

I.

Товкачісі радість—Богъ давъ сїна; двійко бігає, трєте у колїсці,— кричїть. А Товкачєві й байдужки: сидїть край вікна; думки та гадки одолїли. Любївъ, небѣга, мірковати самъ зъ собѣю, хочъ и голова ѣму не розумїла, про щѣ думала.

«Якъ-то вже, «думаетъ», усє чуждо та наче нерозумно на свїті постановлено: панї рожає паничá, Товкачїха—паробка; одному—хольвѣля; другому—панщина. Отъ якъ невидно—ревїзія; несі, бáтько, за Товкачєнка подушне, бо й Товкачєнко дивитця на бѣжий свїть...»

Думавъ, думавъ, ажъ плїнувъ.

Лежїть синокъ у колїсці, пручáетця. Ёго охрестїли—ставъ Семєнкомъ.

Семенко вже хлопчикъ чимáлий—стáрші братї погѣбничами.

Братї поженїлись, и Семенко вже парубокъ, білолиций, чорнявий, та висѣпий. Бáтько й мáти не надївлятця на Семєна.

Чáсомъ мáти тужїла, що найкращу дитїну писано до муштри,— та ще бїльшъ пильновáла за нею: «Нехáй, каже, хочъ у мáтерї на роскѣпї поживє:—спомнáтїме».

Товкáчъ ходївъ до кума, зъ кумомъ до писаря: »Чи не мѣжно сѣго миновáти?«

— Не мѣжно, — каже.

«Нехáй буде воля бѣжа».

II.

Ніч якъ день: ясна та тёпла. Місяць високо стоїть надъ левадою. Тіхо.

Хтось іде при місяці, співає:

«Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ голівоньку клонить...»

Товкачєннівъ глосъ; ёго пісня. Лёгко на серці молодій дитині,—лёгко и вєсело.

Семєнь порівнявъ съ Солошиною хатою. У садку, підъ черешнею, щось стояло коло самої ліси.

— Се ти, Кáтре?

— Я, — каже.

— Добрівечіръ. Кого виглядаєшь?

— Се я такъ,—нікого... Мóтря казала—прійде...

А сама почервоніла. Семєнь ставъ передъ дівчиною.

— Кáтре,—почавъ Товкачєнко, та й забувъ що́ думавъ сказати...

«Кáтрé...»

Кáтря мовчить. Семєнь одчинивъ двєрці и ввійшовъ у горóдчикъ.

— Я... ти вийдешъ сєгóдни на ўлицю?

— Ні, въ мене голова болить,—каже Кáтря.

Семєнь глянувъ їй прýмо у вічі. Кáтря рукавóмъ закрілась. Товкачєнко хотівъ узятъ їй за руку—не посмівъ, и вернувъ на ўлицю.

— Я пійду додóму.

— Постривай! Я чула... Люде казали, що у восєні хлòпцїв у москалі брáтимуть.

— Брáтимуть,—каже,—и менє візьмуть.

Жаль стáло Семєна. Отяжáли слїзьмі очїці у Кáтрі... Вона хотіла щось промовить... Семєнь тихєнько узивъ їй за руку. Кáтря стоїть якъ укóпана.

— А ти за мнòю тужитимешъ?

— Тужитиму.

— И по Андрїєві тужитимешъ?

Кáтря мовчить.

— Прощай, Кáтре.

Кáтря заплакала.

— Хибá тобі менє жаль?

Кáтря мовчить.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дужче вона заплакала. Семёнъ обнявъ її рукою коло стáну. Катря одвела ёго рúку.

— Пусті мене,—я пйду.

— Катре, постривай, не втікай такъ сáбро.

Вінъ узявъ її за руку. Катря зновъ почервоніла якъ магъ. Товкачénко стоявъ мовъ несамовітій.

— Катре!

Катря тільки глянула на ёго. Товкачénко нахилився и тихесенько поцілувавъ її у гóлову.—А вона, мовъ тáя дитина, пригорнулась до Семéна, хотіла дé-що сказати — склепилися уста дитячі; обхопила рученятами ёго шию, крiпко-крiпко поцілувала — и якъ божевільна побігла у хáту.

Товкачénко прикипівъ на мiстi,—не побігъ за нею. Вінъ самъ не тямивъ, щó зъ нимъ робилось.

Ту ніч на улицi не бачили Семена, не було й Катрі.

III.

— Старій!

— А гóу?...

— Чи Семéну-пакъ буде гóдiвъ зъ двáдцять?

— А тóжъ!—розмовляли поміжъ сéбе Товкáчъ сь Товкáчихою, у недiлю сидючі за ворiтьми на прiзьбi. А дáлi впять обé змóвкли. Товкáчъ сидiть та палiчкою по пiску пише.

— Старій!

— А гóу!

— Щó я тобі казати му...

— А нужъ...

— Чи не часъ вже намъ Семéна одружити?

— А щó сь тóго?

— Щó! хибá вінъ не такий якъ усi лóдe?

— Звiсно, що не такий. Не те ёму одвiку написано. Семéнко — некруть.—Хибá кому дiрно свiтъ завязати? шкодá!... нехай Богъ боронить...

— Та дéжъ—такi видано, щóбъ дитина до двáдцяти лiть дружини не мала?

— Ні, старá, гріхъ одъ Бóга, гріхъ и одъ людéй: утопіти дівчину мóжно, та якъ-то на тімъ світі держáтимешъ одвіть передъ Бóгомъ.. Семéнкові зъ рóду-віку така дóля випала, а чужу дитину страхъ зарізати... Такá мой думка.

Товкачíха вáжко зітхнула.

— И хлопья́ жаль, — промóвила старá: — бідна дитина що-дня вбивáється, и Кáтры плаче.

— Кáтры?

— Та Солохíвна жъ, Ивáнівни дочкá... Сóхне, и мáтирь сýше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ сáме: хочъ у пéкло, важе, та зъ Кáтрею. Старá перехрестялась.

Товкáчъ довго сидівъ смýтний-невесéлий.

IV.

Судили-рядили Товкачі поміжъ себе, гадали и сé и тé, казали Семéнкові, щобъ подумавъ—не губивъ дівчини... Уже старий и сюди й туди умомъ роскидувавъ, и до пан'отця ходивъ, чи не розсудить ёго Письмомъ Святимъ да розумнимъ слóвомъ, навідувався и до бабусі Зáтирки, — такъ ніщо не помогло. «Коли́,» каже, «менé не ожéните, самъ на себе рúки підійму́, бо мені за-одно пропадати.» — Старий Товкáчъ и погрози́вся би на сина, мóже бъ то дé-чимъ и полякáвъ ёго, та самóму жаль було хлопця. Оцé часомъ якъ побáче ихъ у-купі на ўлиці, почуе якъ Кáтры шебече, — підбіжить до Товкачёвої призьби, любéнько поздорóвкається — «живе́нькі-здорове́нькі дідусю зъ бабúсею,» — то Товкачёві й рúки опустятця. А ще до то́го й старá просвітку ёму не давала: стóгне та плаче, та на свою дóлю нарікае, що ажъ нудьга́ взяла чоловiка, світь ёму немiлий, и очі ні на що бъ не дивiлись. 'Иноді грiмне на неi, а далi мерщiй за шапку, та й пiйде до кума тугу розважати. Чогó-то вже вони не перебалáкають, сидючи́ собі у холодóчку підъ повіткою: и якъ-то теперички усé на світі дiетця не по бóжому, и якъ-то вáжко стáло чоловiкові хлiбъ заробляти... и чимáло дé-чого булó згадiють та недóбримъ слóвомъ помьянуть. Отó вонó наче трóхи й полéгша пiсля такiй розмóви, бо се такiй вонó бачъ лучáється, що коли вже чоловiкові не-въ-си́лу тяжкá дóля тра́питця, то якъ побáче,

що й кругомъ ёго ко́жне зъ своїмъ лихомъ, якъ москаль зъ ори́жжямъ, о́ддаєтця, що ко́жному той хлібъ гіркий та свій панъ важкий, — то ніби й те лишенько не такé доса́дне буде и геть-геть відъ сёрця одкóтнтця.

Оце такъ якось верну́всь старий одъ кума, та й ка́же: «Поси́лаймо, жінко, старості до Солóшихи, — хай Семённо хочъ рóвнїв зó-два поживе́ чоловікомъ, поки ёго у некрути не взято; а тамъ — щó Богъ дасть, — Ёго́ святá во́ля.»

По́слано. Старості верну́лись зъ рушника́ми. — «Тільки, — ка́жуть, — стара́ Іва́нівна дуже вбива́лась.»

А Товба́чъ и ка́же: «Щó-то вже ті ба́бі пова́дні пла́кати! Ото́ й мо́я — скільки тїжнївъ очі те́рла та хліпала, що Семённо ба́йдки бпвъ, а тепе́рь обїдві, и мо́я й Солóшиха, роспусти́лись, що дітєй до-купи́ зведі!»

А кумъ: «Оце́, якъби світъ та на жінка́хъ сто́явъ,» — ка́же, — «то́ бъ чудасія вїйшла!»

Ні вь ко́го жъ-то такъ я́сно та те́пло на душі не бу́ло, якъ у Ка́трі. Мовъ та́я я́сочка дивїлась вона́ вь вічі старій не́нці, розва́жала іі тугу щєбетáннямъ щїримъ, лóбою лáскою дитячо́ю.

— Ма́мочко мо́я рїдна, не́не мо́я лóбала! не пла́чте, не жу-рїтця, ма́мо.

— Якъ ми́ні, до́ню, не пла́кати? Бо́літь моє́ сёрденько, — тимъ и пла́чу.

— Ма́мо! якъ-би́ ви зна́ли ёго, — мо́го Семёно́чка, — якъ-би́ ви тї́лько зна́ли!!

— Зна́ю ёго́, дитя́но мо́я, зна́ю, сёрденько.

— Ні, ма́мочко, ні, мо́я возу́ленько! не то́го Семё́нка ви зна́єте...

— Го́ді, до́чко, го́ді-бо.

— А хїба́ жъ, ма́мо, вїнъ не га́рний?

— Та га́рний (ка́же), га́рний.

— То́то жъ, ма́мо, я ка́зала...

— Яка́ ти ду́рнá, Катру́сю, — ка́же Солóшиха.

Ото́ ма́ти на́че трóхи й повеселїшала, пригорну́ла до себе дитя́ну свою́ лóбу. щїро поцілува́ла й перєхрїстїла. — Ка́тря ху-тєнько вобїгла до кімнати, зачїни́лась тамъ, щóбъ іі ма́ти не ба́чила, одїжнїла малєвану свї́рню, и ста́ла вбїратись та рядїтись, мовъ на Вели́кт-де́нь; и те примїрає — скїне, и дру́ге на́діне, — по-дївнїтця, та зновъ скїне, — бу́цїмъ ма́ла дитя́на цяцкáми гра́єтця, —

ажъ втомілась: личко її розкраснілось якъ макъ у городі, очіці мовъ зіронькі сяють. Тамъ кинулось до дзеркальця, що ще ма́ти молодію біля віконця вмázала, подивілась, осміхну́лась, — та й за-соромілась... «Яка́ я гáрна... Семéнко правду ка́же.» — А далі, дурна́ дитина, за́разъ и засмутилась, зітхнула тяжéнько-тяжéнько — и голóвку повісила. Чогóсь стра́шно її ста́ло після тако́ї радости, за-щеміло коло сéрденька, мовъ вонó що недóбре вщувáло. Катря мерщій на-вкóлюшки, мо́литця — сама́ не зна́е про щó, та ажъ за-плакала сeрдéшна дитина. Чи молилась вона́, чи та́къ, бідна, пла-кала, — тільки чу́ти було — шептáла: «Ма́ти Бóжа! неха́й не беру́ть у москалі могó Семéнка...»

Коли ось увійшла ма́ти — зиркь, ажъ дочка́ вже плаче. Хита́е старá головóю, та:

— «Дурна́, дурна́ дитина,» ка́же. — «Не плачъ, доню: таки́хъ якъ оцé ти, безневіннихъ дитéй, самъ Госпóдь доглядáе.»

V.

Справи́ли весілля. Катря молодіцею ста́ла — и яка́-то вже гáрна молодічка була́!

Любивъ її Семéнь надъ ба́тька и нeньку; люби́ла й вона́ Семéна бiльшъ усéго на сві́ті. И щó-то вже, Бóже, за кохáння булó!

Не мину́ло ще либóнь та́къ и пiврóку, якъ отъ при́йшла зъ Москви бума́га: «Очерeдний набóръ трéба привезти́.»

И призвели́.

Семéнь Товкачeнко бувъ на очерeді. — «Твоя́ чeрга, Пили́повпчу,» ка́же де́сятникъ Товкачeві:} «благослові́,» ка́же, «си́ла...» И Семéна привели́, — узали дeсь сь поля — ора́въ зъ брата́ми.

— Благослови́ть, панóче.

Благослови́въ... підня́лась рука́! — — —

Забря́жчали важкі кайдáни у ха́ті: закува́ли Семéнка.

Стои́ть ба́тько середъ ха́ти, а самъ білий, білий, якъ крeйда. Ва́жно ёму́ на сeрці, та́къ ва́жно, та́къ ва́жно — оди́нь Богъ зна́е. Не споді́вався на оста́нку ли́тъ дiждáтисъ сéго. — — —

— Бóже милостивий, — ка́же, — та й запла́навъ, — старий ба́тько запла́кавъ!

У-перше Семёнъ побачивъ, якъ батько плаче... Світъ ёму наче туманомъ заволоклó, ніби тёмно у очахъ стало, ноги ёму затрусїлись. Семёнъ перехрестивсь, та: «Тату, каже, не вбивайтесь».

— Бога ви не боїтесь, Пилиповичу, — озвався кумъ, бо и въ ёго сэрце надривалося, дивлячись на такий сумъ та слёзи.

А Товкачъ мовъ нічого не чує й не бачить: стоїть, пону́ривсь сівомо головою, а слёзи ёму, одна за другою, якъ градъ на помість капають. А далі й промовивъ: «Дежъ,» каже, «мати та Катря? Вони може й не знають, що въ насъ рóбитця.»

Катрі такі не було домá—пішла до матері навіда́тця; старбі тежъ не видно у господі. Може й справді нічого не знають.

Отъ и каже десятникъ: «Чи не часъ бува, Пилиповичу, до кантори рушати, — а то началство гніватиметця. Чуєте бо, Пилиповичу?»

Пилиповичъ ні пари зъ усть.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'оче: може бува зайдете до церкви — пожолптесь». — Шкода! — озвався Семёнъ.

А батько ніби прогінувсь та й каже: «Схаменісь, сінку. Не гніви́ Бога: теперъ тво́я моли́тва дохóднійша до Гóспода.

Отъ и пішли до церкви — а люде дивлятця, та плачуть, идучи за ними слідкомъ. — Ідуть такъ, та плачуть, — коли якъ закрпчять: «Лишенько жъ наше! то Катря біжить...» А вона, Бóже мій милій! біжить якъ песамовіта, мовъ нічого не бачить и не чує. Люде розступились. Вона до Семёнка, та такъ и повисла въ ёго на шії, такъ и обомліла, и не плаче — хочъ би тобі слізиночка. — Вінъ стоїть та труситця, а самъ білий-білий, якъ мертвець.

— Катре, — каже...

— Охъ, Семёночку! тебе беруть!

— Беруть, матінко, — каже, та й обнявъ її, а вона заплакала, да такъ же гірко да невтішно, що Гóсподи! На що вже старий десятникъ — не одну дитину на своїмъ віку довелось одірвати одъ матері, — и той стоїть та кулакомъ слёзи втирає: «Оце, гаспидська мұха», каже: «якже жъ жалко кусаетця!» — а въ са́мого слёзи тільки капъ, капъ, —десь вража мұха саме за око вусіла...

Катря жъ, знай, плаче та обнімає Семёна. А тамъ незабаромъ и де-які жіночки заголосили, а за ними діти — то такий плачъ піднявся, що ажъ сүмно стало.

Семенъ и каже, якось гірко всміхаючись: «Не плачь, Батре,— салдátkою будешъ».

Такъ ёго й привели до канто́ри.

VI.

А скілько-то тамъ було такихъже, якъ ото Семенко, в'язнівъ; який-то тамъ, го́мінъ та га́ласъ, старе й мале, матері та діти,— плачь та сумъ такий, що Госпо́ди! И ніхто жъ то такъ не плакавъ, якъ ті матері. Молоде поплаче да й втішитця, бо ёму ще надія зосталась: «Хочъ калікою колись, на дерев'янци», думає, «вёрнетця до насъ ро́ківъ черезъ два́дцять, то все-таки побачимо»,— а старому—де вже пережити сі два́дцять літъ? Тимъ и вбиваю́тця такъ матері, тимъ и плачуть.

Чи скільки тамъ тижнівъ зоставались дома новобранці, а треба було рушати до го́рода. Припасли гро́шей одáтчики. Пошли хлопцямъ кожухи нові, тёплі, а де-які й на́пкою або кита́йкою крі́ті; перев'язали ихъ стрічками та хустіцями червоними,—да такъ, у па́хмурний да хо́лодний осінній день, и стали випроважати.—Що Бо́же мій! скільки міру рушило провóдити їхъ та попрощáтись геть за слободóю, бо у ко́жного було своє, котре йшло у да́льню незна́ему сто́рону. За батьками та матерями уся дівторá виспала. Одно кричить: «дядінька! якъ будешъ салдáтомъ, припòсь мині я́блучка;» друге:—«братіку, вертайся якъ Різдву́ або къ Вели́кодню: у насъ то́гді корба отéлетця и молочко́ буде;» трéте—«Васі́лечку! заріжь скорі́йшъ Турка́ та приходь ху́тко до́дому, щобъ ма́ти не пла́гала.»

А матері плачуть, плачуть!

А новобранці, де-які молодші, котрі пічо́го, окрімъ дівча́тъ, не зоставляли на ро́дині, йдуть по́переду та го́лосно, го́лосно співа́ють:

Ой Бо́же мій, Бо́же, на щó я вроді́вся?
 Кінъ вороний, самъ молодий, та ще не жени́вся!
 Треба мені, дівчино, ма́тері спита́ти:
 Чи звелить ма́ти коня́ продава́ти?—
 Не звеліла ма́ти коня́ продава́ти,
 Та звеліла ма́ти вь похóдь виступа́ти...

А матері такъ до нігъ и припада́ють та го́лбсять, мовъ у домо́вину синівъ опуска́ють. И дівча́та змóвли—не хихі́вають: одна

буцїмъ по дяднї тужить, що торїкъ вмєрна; у дрўгої очїці краснї — сусїдиної тїтки жалко. А нєкрути гóлосно, та жалїбно спївають:

Идї, сїну, за рїднеє брátтя,—
 Дадуть тобї, сїну, салдáцькеє плáття;
 Идї, сїну, за рїдну дитáну,
 Дадуть тобї, сїну, салдáцьку ружїну;
 Идї, сїну, за рїдну сестрїцю,
 Дадуть тобї, сїну, салдáцьку мунїцю.

А якъ вїйшли геть за слóбоду та зблїжились до «прощáльної могїли» (бо у тнєї могїли ко́жне булó прощáється зъ рóдичами, якъ колї впрїжають хлóпцїв у прїсўствїє, абó хто їде вь гóродь у судáхъ тягáтьця), — якъ зблїжились до тїї могїли, помолились, стáлн опрощєння брать, — то вже нїбї ї плачў не чўти булó, — такá смўта та жаль мїжъ нарóдомъ стáла, що Мáти Бóжа!

Попростїлись. Дє-якї пїйшли зъ хлóпцями до гóроду, а дрўгї вернўлись додóму.

У слободї такъ-то сўмно та невєсело стáло, — хочъ и не чўти вже тогó плачў.

Кáтря пїйшла за Семєномъ.

VII.

И поповєштáлась же сердєшна Кáтря, чужї порóги оббїваючи та свою дóлю гїркў проклїнаючи.

Сказáли Семєнковї «лобъ», и стáла Кáтря салдáткою.

Що-рáнку ходїла вона дивїтись на мўштру, не такъ на ту мўштру, якъ на Семєнка, и немáло її сєрдєнько переболїло, дивлячїсь на се мўштровáння — тáка мўка, — здавалось їй, — що боронї Боже! — Оцє постанóвлять їхъ лáвою, а вони, соколїки, стóять не живї, не мертвї. Отó старшїй и почнє ихъ рївнáти, — а самъ сердїтнїй, розсердїтнїй та страшнїй. Гóсподи, поки-то нáвчять їхъ ходїти помоскóвськї — щобъ-то ї рука́ми не махáти и пїдъ нóги не дивїтись!

Семєновї Товкачєнкову (се батъ Товкачєнко ставъ Товкачєнковимъ) давъ Богъ грўди висóкї, — то оцє колї старшїй порївнáє москалївъ, самъ и зáйде зъ бóку, дївнтця, та булó оцє ї крикне: «Товкачєнковъ! ховáй грўди... флангóвого не вїдно», — той и посўпитця назáдъ, щобъ грудєй не булó вїдно, та такъ и гóлову нєхїть сховá за дрўгого. А той зновъ: «Подáй», гукá, «гóлову до лїнїи!» — подáсть гóлову, а грўди собї впьять упєредъ вїлїзуть.

Якось разъ вінъ дуже сілно розлютовавсь, — такъ, що й не приведі Господи! Рáзівъ шість зачинавъ муштру, рівнявъ плéчi та випрямлювавъ нóги, а далі принявъ уп'ять за Семéнови грúди — ажъ скавучають. Що Бóже мій милостивий! — — — Сердéшний Семéнь не встоявъ на погáхъ, упавъ...

Кáтры якъ кинетця туди, якъ заголóснить: «Пáночку-голúбчику!»

А вінъ и зопинивсь, та: «Хто сміє нарушáти порáдокъ? Чогó тобі трéба?» питаєтця.

— Семéночку... се мій Семéнко! — каже вона, гiрко плачучи.

— Се твій мужикъ? — зновъ питаєтця, а въ самого óчi такъ и загорілись, якъ у котá на сáло.

— Мій, пáночку.

Той нiби трóхи втихомiривсь, та й каже: «Не плачь, дúшенька...»

Кáтры ёму въ нóги: «Спасiбi,» каже, «пáночку;» а той пiднявъ iй, та й закарáвъ удруге клáняться. «Колi,» каже, «твій чоловикъ слúхатиме муштри, то й клáняться не трéба, бо я такий же чоловикъ, якъ и ти».

Кáтры подивилась на ёго, та й нiчого не сказала.

А Семéнь стоить блiдий-блiдий.

VIII.

Перебули вони такъ тiжнівъ съ пять чи шість у тому гóродi, та бiцiмъ трóхи й попривияли, — тiлько чáсто згáдували про свiй рiдъ и слободу, де росли й любились, де кóжне ихъ знáло и кóжного вони знáли. Чáсомъ було потúжять, потúжять, а Кáтры й поплаче нiшкомъ, — то Семéнь iй розважáе, абó вона ёго, якъ колi прийде зъ муштри смúтний та невесéлий. Кáтры нáче трóхи зъ лiчка спáла, а все жъ такi була гáрна-розгáрна, — iй и Семéну на гóре....

Одногó рáзу, нáдъ вечiръ, сидять вони собi двiйкó та-такi жýрятця, колi у хáту ввiйшовъ деньщикъ, звичайно помоливсь та й позвáвъ Кáтры сорочки шити.

Довго одмовлялась Кáтры, казáла, що не здужае й не вмiе, а той пристáвъ, и манить та й манить iй. Пiшла сердéшна. «Тiлько, будь ласкова, моторнiше одягáйсь,» додáвъ.

Одягáетця Кáтры, а у самiй рúки й нóги трúсятця. Семéнь мов-

чіть, не сміє й дихнути, а коло серця мовь отрутою палить-такъ вѣжко!

Одяглась Кятря, попрощалась зъ Семѣномъ а сама холодна-холодна... Семѣнъ лѣдвѣ промовивъ: «швидче, любко, вертайся,» та й сівъ на лавку, мовь після тяжкої праці заслабъ.

Переждавши такъ чимало, посумовавши, бачить—не йде Катря; погодивъ ще тріхи—нема, мовь у воду впала. Вінъ и пішовъ такъ якъ би сұпроти півночі: «може,» думає, «чи не зустріну дѣ на дорозі. Вийшовъ на улицю—тѣмно, холодно. Сухий та різкий вітрѣць де-не-де сніжокъ по дорозі зриває та крутить, а ні душі людської не чути, тільки шибі бѣ-зна звідки по вітру доносить, якъ еобака у-ночі гавкне. Городокъ малѣнький — усѣ спить. У-горі ні хмарки, ані місяця,—тільки зірочки далеко у небі блімають: Візъ ставъ сұпроти півночі; надъ хатами *Ченіа* вияснилась.

Сумно у холодну нічъ одному на улиці та щѣ вь когѣ журба пекуча. Усюди тїхо якъ у домовині, такъ тїхо, що чути, якъ серце колотитця. Довго стоявъ вінъ на улиці якъ знависнілпй; десь, на цѣркві, годинникъ прозвонивъ перву годину, — а Катрі нежѣ та й нема. Ажъ острахъ обнявъ Семѣна.

«А може вона дома,—менѣ дождѣе,» - дума Семѣнъ, — та мерщій й побігъ до себе на кватірю.

Ні, не верталась Катря!.. Такъ и нічъ перейшла.

У-досвітку вже вернулаь вона, та на Семѣна й очей не зведѣ,—упала на стілъ—а сама плаче-плаче....

IX.

Саме підъ Різдво казано новобранцямъ у походъ виступати. Далі имъ казѣнну одѣжу — одягли й обули якъ слідъ велить. Сірі шапочкы й свиточки та абі-які чобіткы — бѣ-зна-що, каже Катря: и холодно и узько, и мало й коротко.

Налагодились у дорѣгу й Товкачѣнки, а самі якъ у воду впущені: дѣ-то дівалися Катрини жарты й сміхи, скоки та співання? Усѣ мовчать, неначѣ иі заворѣжено. И Семѣнъ ставъ не той, якимъ колись ѣго люде зазнали, а найгіршъ сь того часу зажуривсь.

Зібрали свою худібоньку — сорочечкы, та хусточкы, незбілшъ того якъ у зайвого цыгана; помолились, написали листъ до своїхъ у

слабоду, що оттакъ и такъ, тату та мамо, виходимо до війська, — та й рúшили ранкомъ изъ гóрода. Завирюха така, що й свiту бóжого не видно... Якъ-то вже церемáялись вони цiлий день, а на́дъ вечiръ пiдъ Рiздвó, саме тодi, якъ кутя стоiть на покутi, сiпцeмъ облóжена, — увiйшли вь якeсь лóдне та багáте сeлó, що на шляху стояло. Розвели салдáтiвъ по двóрахъ, и нáшихъ постановили до якiхъ-сь дóбрихъ, богóбоязнихъ лóдeй: — що-то вже за щiра та прiязна сiмья!

Привiтали Кáтрю якъ рiдну дитiну и до Семéна були такi-то ласкáви та дóбри: не знáють, куди й посадити, якiмъ слóвомъ роспитати.

— Та якá жь молодeнька!» каже старá бабúся: «звiдки, дóбри лóдe?» питаeтця.

— Зь Улáсiвки, бабúсю,» каже Кáтря.

— Чúла, чúла про Улáсiвку, моя рiбка. — А далеко!

— Далeко, бабúсе.

— А се твiй чоловiкъ?» друге питаeтця.

— Чоловiкъ, тiточко.

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» каже бабúся: — «здáлека: та якiжъ-то ще молодeньки обe. Отъ и вь мeне Ївасичокъ дeсь на чужинi бiдкаeтця: рóкiвъ зо три вiсточки одъ ёго немаeмо.... охъ, ли́хо, ли́хо! А то дe-коли булó й пише, — плачeтця на насъ, що оддали. Та якъ ёго не оддасi, коли панъ велiть? Се вже такъ намъ, чóрнимъ лóдямъ, дeсь на роду написано, щобъ чужi слeзи ковтати.

— «Про се й я такъ, бабúсе, думаю,» каже Кáтря: «та нiчимъ пособити.»

— Нiчимъ, моя рiбка, нiчимъ, бо такъ вонó зрóду-вiку вeдeтця. — — — Усе отъ Бóга, моя рiбка, — нiхтó ёго писання не змiнить. — Отъ хибá чи не...»

— А дiтeй, бабúсю, нiхтó жь не iсть?» питаeтця малeнький хлóпчикъ, лiть шeстi, що сидiвъ собi у запiчку та слухавъ, якъ бабúся розмовляла зь молодiцею. — «Аджe-жъ лóдeй, бабúсю, не iдять?»

— Нi, моe дiтятко, не iдять лóдeй; а коли дитiна неслухняна, то звáразъ ягá-баба у стúпку посадить.

Хлóпчикъ сховáвсь ще дальшъ у запiчокъ. А баба зновъ за свое:

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» каже: «оцe ми усe журимосъ, що Ївась

давно не писавъ. Де вінъ, що зъ нимъ, нічого не знаємо; може хворий де-небудь лежить, або на війні вбито, то й поховати нікому.... А чомъже ми-своїхъ любихъ гостей не нагодуємо? Часъ вже вечеряти и кутю на стілъ ставити.

Повечеряли. Горліва бабуся, якъ матінка рідна, годіла дорогімъ гостямъ — «и сѣгѣ поїжте, и тогѣ покоштуйте,» — тілько й чути, якъ старá лепече.

Скоро дівчора полягала спати, а Семѣнь зъ мужиками вийшовъ у другу хату опочити; невістки посідали за гребні куделю прѣсти и старá зъ Кáтрею коло їхъ притулилась.... И довго ще чути було, якъ веретѣна у хаті сюрчали, а бабуся зъ Кáтрею тихенько базикала та здихала. А на дворі метѣ та сипле такѣ, що Мати Божа!

— Охъ, лихо, лихо,» каже бабуся: «се бѣ то мені, молодіце, здаѣтця, що твого чоловіка журба сѣшить: десь тужить сердѣшний по бáтькові-мáтері.

— Тãкъ-то тужить, бабусянько, що дивитись на ёго — такъ уся душа переболить.... Отъ и въ мене зосталась старá матінка, однá якъ персть, а все жъ то будимъ я не стáкъ жалкую та вбиваюсь: оцѣ коли дуже тãжко стáне на сѣрці, помолюсь, поплачу, то нибі и полѣгшае. А вінъ усѣ журитця, усѣ журитця.

— О, лихо, лихо!» каже старá, зитхнѣвши: «якъ-то чудно оцѣ на бѣжому свѣті ведѣтця, коли подивлюсь. Лѣде-то хочъ и кажутъ, що у старовину було лѣчче жити — нѣ, не вѣрь, моя дитино: отъ ужѣ дев'яятий десятокъ очáми на бѣжий свѣтъ блáмаю, а мені здаѣтця, що вінъ усѣ такий. «Бáтьки,» кажутъ, «плакали у жиѣню, а діти—прѣгоршнями; бáтьківъ бѣто стоячї, а дітокъ и въ-лѣжку бьють...» Охъ, лихо, лихо... Та мѣже я тебѣ втомїла, молодїчко: ти бѣ спочїла трѣхи, бо мѣже зáвтра васъ погбнѣть, и не розговїетесь.

— «Спасїбі вамъ, бабусянько, за вáшу лáску,» сказала на се Кáтря, помолїлась и лягла спати.... та щось довго не спáлось. Дѣбрі лѣде та їхъ щїра лáска збудїли Кáтрине гѣре. Усѣ тоді згадалось — и старá мáти, садѣкъ коло хáтки, и весїння нїчь, и дівованнѣячко, весїлля, и муштра.... Гѣсподи, такъ и згорїла, якъ згадала ёго...

X.

Чи довго, чи коротко вони тамъ плéнтались по білому світу, сёго не скаж́у, — мóже рóківъ зо три й б́уде; тілько Семéнь скóро Бóгу д́ушу одд́авъ: усé кашлявъ та хорівъ, до-тóго звівъсь, що було на м́штрі й ружиню не зд́жае б́язнути. Усé ёму щось у гр́удяхъ боліло. Було лікарі й лічать, и м́ятою напов́ають, и бу-зйною, и липовимъ цв́томъ, такъ ніщо не допомóгло. Кашлявъ, кашлявъ, та такъ весно́ю об́ь тéплому Олексéві и похов́али ёго. Тимъ часомъ, т́ижнівъ за чот́іри до ёго смéрти, Кáтря привел́а дит́ину, — хлоп́чика Богъ давъ. А якъ умéръ Семéнь, то вона й загадал́а верну́тись додóму. Узйал́а свогó Пили́пка, обгорну́ла свит́иною, та сáме у великóдну суббóту и вийшла рáнкомъ изъ гóрода, дé ихъ полжъ сто́явъ.

День бувъ тéплий та ясний. Травка чи всп́ала-то й вит́кнутись изъ земл́и, а вже степъ зеленівъ, и вёрби набрóстились. Надъ шляхóмъ, в́исоко, якъ паўкъ, сну́е ж́айворонокъ, весну стрич́ае, гнз́ада п́идъ б́иліною шука́е. Сóнце такъ гр́е, що буц́имъ в́идно, якъ травка сам́а до ёго тя́гнетця зъ вóхкої земл́и, густіе та моги́лки вкрив́ае. И Кáтрі полéгшало.

Чи сќільки тамъ вона йшла, а, пóки, ли́ха не б́ачила. С́умно, було, й стра́шно ста́не середъ степу; окр́уги тілько нéбо, та сóнце печé, та моги́лки сто́ять пó полю розсип́ані, а тутъ йно́ді шляхъ перестрич́ають другі шлях́и, або дорóга розіхóдитця, вона й не зна́е, якій шляхъ додóму доведé: то, було, посто́ить, та й в́ізьме на ту дорóгу, якá найб́ільшъ вёрне насх́ідъ сóнца, аб́б б́ижить до яко́го б́лизького жил́я. 'Ино́ді хто перестри́не, чи об́гони́ть, Кáтря спит́ае про шляхъ, то було дóбрі лю́де й навч́ать. Ч́асомъ бува́ притóмитця йдуч́и; с́аде собі де-нéбудь у холодо́чку, ко́лі тра́пнтця, п́идъ дубо́мъ коло яко́ї грéбельки, чи б́иля чума́цької крини́ці, аб́б й такъ в́ь степу п́идъ моги́лою, — нагод́уе Пили́пка, то й споч́ине. Ночув́ала йно́ді в́ь подорóжніхъ сéлахъ, а часомъ тра́пилось й у пóлі в́ь плуѓатирівъ, якъ нічъ середъ степу заст́игне. И на чужин́и не безъ дóбрыхъ лю́дэй, пéвпе м́ижъ прóстими та б́ідними.

За т́иждень добрел́а Кáтря до яко́гось пезна́мого гóрода. Гóродъ вели́кий та гáрний. Ще зв́ідки чу́ти було, якъ по церкв́ахъ у дзвóни дзвонили, бо веч́ирня сл́ужба йшла. Ув́ийшла Катер́ина в́ь гóродъ,

та й сама не знає, де їй дітись, бо тимъ часомъ смеркалось. Вона до якоїсь маленької хатки — підійшла, та чує що гомонять, и каже:

— Помагайбі, люде добрі: пустіть странну у хату переночувати.»

— А ти хто така?» питаютьця.

— «Салдатка,» каже: «мій чоловікъ умеръ, то я оце зъ дитиною додому йду.»

— «Э, шкода,» кажуть: — «салдатка, та ще десь зъ байстраймъ?»

— «Ні, люде добрі,» каже Катеріна, та й засоромилась, а въ самбі на серці стало тяжко-тяжко, що Господи!

— «Знаємо ми,» кажуть, «тихъ салдатокъ, які вони есть. Пдї геть одъ нашихъ віконъ.»

Пшла Катеріна одъ тихъ віконъ, слези ковтаючи, — та до другихъ:

— «Добривечіръ,» каже, «люде добрі: чи не пустите христовимъ імьямъ убогу переночувати?»

— А звідки ти, молодіце?» питаютьця. Та якъ почули, що вона салдатка, то заразъ и обізвали негожимъ словомъ, урикаючи, що вона зъ себе вродлива та чорнява, та ще й молоденька. — «Пдї собі, любко,» кажуть, «до іншихъ.»

Нічого не сказала Катеріна, — тільки більшъ ужé до віконъ и не підходила. Треба було десь підъ тиномъ ночувати — и переночувала: такъ, зъ дитиною на рукахъ, и заснула.

XI.

Сказано: «На кого люде гомонять, на того й свїні хрюгають.» Такъ и Катрі. Не вспіла вона очі протерти, якъ ось иде по улиці чоловічокъ, самъ мерзений, мідяні гудзики, на шапці бляшка зъ доброго семпгривенного. Пізнала Катря, що воно такé ё, та дуже злякалась, бо чувала одъ людей про якихъсь гайдамаківъ, що по судяхъ пішуть та людей до смерти записують, — а сé жъ вінъ и бувъ.

— Якого біса ти тутъ по-підъ тинню валяєся? «Що ти такé есть?» питає її.

— Я салдатка, пане; йду зъ дитиною на свою сторону.» А сама боїтця, що Господи!

— Салдатка... гмъ... а білётъ маєшь!

— «И білетъ, пане, маю,» каже.

— А кѣ ёго сюді: — подивлюсь, чи твій то білетъ?»

Подала ёму Кятря білетъ, а у самій рўки й нѳги трўсятця — такъ-то бѳязно. — Ставъ вінъ той білетъ прочітувати, а самъ усѣ на неї очіма свїдуе та щѳсь собі шѳпче: «росту середнѳго,» каже: — «таакъ, невелична;» «волоси темнорўсли: — таакъ, чорнїва й гърна;» підборѳдокъ крўглий: — гмъ, не дўже крўглий!... Та се не твій білетъ,» каже: «ти ёго вкрала.»

Кятря ажъ похолѳнула. «Нї, пѳночку,» каже: — «нехай менѣ Богъ убѣе, коли я ёго вкрала. Се мій.

— Шкодѳ,» каже: «тутъ прописано, що підборѳдокъ крўглий, а въ тебѣ гѳстрий, — га?

— Нїтъ-бо, пѳночку: далѣбі я не вкрала. Оцѣ я схудала трѳхи, висохла, тимъ и борода гѳстра стала.»

— Оввѳ! висохла... такъ би й прописано було, що висохла; а тѳ бачъ пїше — крўгла. — Ти, я бачу, бродяга, безъ пїсьменного вїду. Тебѣ въ турмў треба посадїти.»

У Катрі рўки й нѳги однялись, побїлїла, якъ ряднѳ, стоїть и очѣй не зведѣ. А той и каже: «Жѳлко менї тебѣ, молодїце, отъ якъ Богъ святъ жѳлко, — та щѳ маю робїти! Слўжба — святѣ дїло. Отъ колибъ у тебѣ булі грѳши, то я бъ попрохавъ начѳлство, щѳбъ тебѣ у турмў не садовїли.»

— Охъ, пѳночку! а скїльки начѳлству треба? мѳже въ мѳне й достѳне.

— Та скїльки? — таїй й немѳло. Якъ би ти була безъ дїтїни... а тѳ й цїлкового нѳмалї. Слўжба — святѣ дїло... Хпѳа цїлкового та семигрївенного. Кѣ сюді цїлкового та семигрївенного: — я добрий чоловїкъ, оборонїю тебѣ передъ начѳлствомъ.»

У Катрі й на душі полѣгшало, що доброго чоловїка зпайшла, — заразъ ёмў у нѳги. «Спасїбі вамъ», каже, «пѳночку, за вѳшу лѳску». Вїтрусила изъ калїточки того цїлкового, зпайшовсь и семигрївенний. А той — таїй добрий, та щїрий, — узявъ та ще й дякує: «спасїбі тобї», каже, «молодїце: тепѣръ иді зъ Бѳгомъ, та нїчѳго не бїйся».

— Чимъ же васъ, пѳночку, дяковати?» питѳетця Кятря.

— Менѣ Богъ наградїть», той каже. Сь тимъ и повїявся собі геть по ўлицї.

Перехрестілась Кятря, и пішла своєю дорігою: «Отъ же», думает: «и въ городі знайшлась душа щіра та богобоязна. Якъби більшъ такихъ...» А їх и такъ доволі...

XII.

Довго йшла Кятря, бо не близько була та Уласівка. Притоміла на ніженьки білі; натерпілась ліха й сорому, а більшъ тимъ, що була салдатка, та Бога боялась.

Коли якось уранці забованила геть-геть въ степу «прощальна могила», замиготіли въ очахъ хатки білі й зелені верби знаєми. Се жъ и була Уласівка.

Згадала Катерина про Семєна, и гірко заплакала.

Дійшла отó вона до могили и сіла спочіти та дитину погодувати, бо хочъ и близько вже було до Уласівки, та вона дуже втомилась. Коли ось идуть шляхомъ, до Уласівки жъ, якісь перехожі: бабуся, старєнька, а зъ нею дівчина, идуть и поміжъ себе тихєнько розмовляють. Зблизились до Катерини и «добридень» сказали.

— Спасибі, люде добрі», каже Кятря: «чи не въ Уласівку Богъ несє?»

— Та въ Уласівку жъ.

Тутъ старá стала пильно придивляйтись до Катрі, а далі и каже:

— Колибъ, молодіце, не опізнатись оце на старости літахъ. Здаєтця мені, що ти Кятря Солохівна, покойної Іванівни дочка?

— Та Солохівна жъ була... А хибá моя мати вмерла?» питаєтця, а у самóй и дитина трóхи зъ рукъ не випала.

— Умерла, дочко. Отó торікъ, саме підъ Пречісту, поховали, нехай царствує. А якъ по тобі моя голубочка вбивалась....

Кятря гірко, гірко плакала.

— А дежъ твій чоловікъ?» питають.

— И Семєна поховала», каже Катря, а самá плаче, плаче....

— Нехай ёму земля перомъ: тамъ, може, лүчче буде», каже бабуся, и перехрестілась, а дівчина, що була зъ нею, и заплакала.— «Годі тобі, дбню, плакати, годі, сєрце.... Се, коли зазнала, Яструбєнкова дочка: ту весну була засвátана, а отó у осєні и її женихá узятó до мұштри, такъ оце и ходили у городъ, — я — угóд-

нику помолітись, а вона хлопця навідати. — Охъ, лиха година та нещаслива... Ходімъ, Катрусю, и ти зъ нами, — вже недалечко. — А сѣжъ твоє?

— Моє, бабусе.

— А скільки ёму?

— Оце вчора третій місяць пішовъ, и Семёнові вже другий буде.

Прийшли въ Уласівку. Тяжко стало Катрі, Боже, якъ тяжко. Хочъ усє було ніби постарому, и левада съ зелєними вѣрбами, и ставокъ, и липа кучерява била цѣркви, и той садокъ, де упѣрве съ Семёномъ спізналась, — та на сѣрці вже не по старому: сумъ та жаль такий, що, Господи, якъ вѣжно!

Свєкірь принявъ її до себе. Жила вона въ ёго, а все така невесєла. Товкѣчь було частєнько її про Семєна роспитує, про мѣштру, про звичаї салдѣцьки, про панівъ; а самъ, якъ хмара, сѣмний, сѣмний. Катря було плаче, якъ розказує ёму про все, що бачила, а старий мовчить, тильки слухає та иноді головою хитає.

Такъ до смѣрти й осталась Катря салдѣткою, а Пилипка діти звали салдѣтенкомъ, и мовъ цурались.

Такий случай!

Д. Мордовцевъ.

1839 р.

ЛИПОВЫЯ ПУЩІ.

Начало романа, найденнаго въ бумагахъ покойнаго
Д. П. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извѣстно только небольшому кружку его друзей, которые любили его за его прямой, искрѣнный характеръ. Никто, однакожь, не видѣлъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человѣкомъ, умнымъ человѣкомъ, человѣкомъ съ душою—и только. Смерть обнаружила, что онъ готовилъ себя къ литературному поприщу съ тѣмъ уваженіемъ къ своему призванію, которое въ наше время становится рѣдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повѣстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслѣ, который для читателей долженъ былъ быть выраженъ пластически. Начатыя имъ повѣсти показываютъ, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романѣ не развита еще *исторія*. Выведены только лица, которыя должны начать дѣйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись правовъ недавно пещзнувшаго панскаго быта въ Украинѣ, того быта, который сохранилъ на себѣ отпечатокъ стариннаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, рѣшились послать его въ *Основу*. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолженіе романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодарѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ яѣкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано *рукопись*. Хоречко, на вопросы наши, отвѣчалъ бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и проситъ его совѣтовъ. Теперь дѣло является въ обратномъ смыслѣ. Мы отнесли къ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе *Литовыхъ Пущъ* (въ чемъ мы почти увѣрены) прислать также въ редакцію *Основы*.

П. Шишакъ-Васильевскій-Гребля.

П Р О Л О Г Ъ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній, — въ которой именно, нѣтъ надобности знать, — процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Последніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву *и*, и назывались *Вѣиковыми*; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющеіся *Литовыми Пущами*. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Вѣникъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагораживать свои фамильные имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переименованіемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось *Литовыми Пущами*, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реэстрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а *Литовыя Пущи* уже значились въ спискѣ старыхъ *рановыхъ* (1) помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностью своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи; но историческое имя начинается съ недавняго *и*, надобно сказать, пустаго событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло, выразилъ свою

(1) Такъ назывались земли, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе гетману и генеральнымъ старшинамъ.

преданность полковнику Носачу необычнымъ способомъ: собственно-ручно связалъ изъ степнаго бурьяну вѣникъ и подмелъ земляной полъ въ полковничьей палаткѣ. Козаки прозвали его, за этотъ подвигъ. Вѣникомъ, и до такой степени новое прозвище сдѣлалось общеупотребительнымъ, что дѣти и внуки услужливаго сотника уже не приипмали его себѣ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реестръ, и пошли они писаться Вѣниками, забывъ свое прежнее прозвище Мурло, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскаго похода, ранговое помѣстье *Липовыя Пущи*, доставшееся впоследствии Вѣникамъ, соответствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лѣсовъ; но въ наше время, липы уцѣляли только въ видѣ бревенъ, въ стѣнахъ помѣщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусевъ и, благодаря плотной, *очеретной* крышѣ, которую смѣнявшіяся поколѣнія владѣльцевъ возобновляли своевременно, пережилъ окрестные лѣса, состоявшіе преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладѣвало моей душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свѣтлицѣ господъ Вѣниковыхъ, срубленной изъ благороднаго липоваго дерева, съ *мытыми* (1), стѣнами вспоминалъ, по какой причинѣ все это имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется *Липовыми Пущами*. Кругомъ—ни одной липы на корняхъ, а названіе помѣстья и чрезвычайная толщина брусевъ въ стѣнахъ дома воздвигаютъ въ воображеніи необозримыя массы густыхъ вѣтвей, высокотолпящіяся вокругъ липоваго дома. Домъ построенъ во вкусѣ гетманскихъ временъ съ тяжелою вычурною отдѣлкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навѣсовъ, по оглавіямъ и поднесіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колонокъ, по слуховымъ окнамъ, вырѣзавшимся далеко впередъ изъ мшистой очеретяной крыши и по самымъ *дымарямъ*, которые высоко чернѣютъ съ своими острыми кровельками на малороссійскомъ, почти всегда ясномъ, небѣ. Въ главной, такъ называемой крестовой, свѣтлицѣ (2), на толстомъ рѣзномъ сволокѣ, вы читаете сла-

(1) То-есть, не покрашенными краскою и безъ обоевъ. Такія стѣны отъ времени до времени моютъ и скоблятъ и это сообщаетъ комнатѣ чистоту шпатулки.

(2) Старинные люди вѣшали, или вѣлывали въ стѣны, четыре креста въ свѣтлицѣ.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивымъ рабомъ Божіимъ, полковникомъ Вѣникомъ, року Божіого 1760». Не прошло, значить и столѣтія, а ужъ все кругомъ до такой степени измѣнилось! Выходите на *рундукъ* (1), срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткѣ между каштановъ, отлогій скатъ къ пруду и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наклоненными къ водѣ, вербами; тутъ, подлѣ васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвѣтскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тѣнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свѣта, на дубовый полъ подъ вашими ногами и позволяющіе только мѣстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навѣсъ. Но липамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозорѣ усадьбы, въ саду, въ дубовой рошѣ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдѣ не видно ни одной липы!

Не довѣряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдѣлалъ я и какъ дѣлали, безъ сомнѣнія, многіе другіе): «неужели у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе липъ?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолѣпныхъ деревъ для своей храмны!..» Вы невольно это подумаете, и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рошѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги, гдѣ ворковали влюбленныя горлицы, и дикія козы водили въ тишинѣ свои робкія семейства. Но-крайней-мѣрѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всеми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ пріѣзжаетъ на охоту въ липовый лѣсъ, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ пепрїятелемъ, промыслы; пріѣзжаетъ онъ, разумѣется, не одинъ; разбиваютъ для *его милости* палатку; достаютъ изъ воезовъ бочонки и провизію; варится въ котлѣ походная каша, *кумишъ*, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; никто такъ

(1) Крыльцо съ навѣсомъ.

громко не смѣется, какъ онъ, потому что никого нѣтъ здѣсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всѣхъ, и всѣмъ его рѣчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мѣсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солнцемъ рѣчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлого идущій въ высоту берегъ.

«Построю тутъ *будінокъ*» (1), вскрикнулъ онъ вдругъ вдохновеннымъ голосомъ; «посажу слободу! На рѣчкѣ можно построить славную мельницу! Пускай у Паньга *заболитъ печінки*, отъ зависти!» (Панькомъ онъ величалъ полковника нѣжинскаго полка, своего вѣчнаго врага, такъ какъ безъ непримиримой вражды къ кому нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да», продолжалъ онъ: «не будь я Вѣникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ мнѣ *Липовымъ Пуцямъ!*»

Это подаетъ поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагъ и бочонковъ съ наливками и медамп. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковши и позабылъ о предпріятой охотѣ; поѣздка кончилась походною кашею и крѣпкимъ сномъ въ густой тѣни вѣковѣчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Вѣникъ не забылъ о мгновенно-возникшемъ въ его умѣ предпріятіи. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію полковаго *осаула*, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, *на стойку* въ Липовыя Пущи. Странное выбрано было мѣсто для стояща пикетами: липовый лѣсъ, въ который проникали только женщины изъ сосѣднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдѣ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчетъ съ старшинъ на громадскихъ вѣчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нѣкогда ихъ дѣды и прадѣды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, вмѣсто военной службы. Старшины, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шеи подъ ярмо свое гораздо успѣшнѣе тѣхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Смирненно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владѣльцевъ, и потому никому не показалось необычнымъ

(1) Господскій домъ.

отданное полковымъ эсауламъ приказаніе, чтобы *стойчики* явились на *стойку* не съ *мушкетами* и *списами* (1), а съ топорами, пилами и долотами. Закипѣла работа и скоро все вокругъ измѣнилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетѣлись пиволги и горлицы; стройныя козы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколѣніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обстановкою, воздвигся какъ-бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторѣ, среди густаго лѣса.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣжинскій Панько возгорѣлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подалъ протестъ въ генеральную канцелярію, что *якобы таковой и оный Вѣтникъ неправдою осилъ* сосѣдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нѣжинскому полковнику, рыболовное мѣсто. Дѣло, разумѣется, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство вражду къ поколѣнію Вѣтниковъ и вѣрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дѣлѣ, и гетманъ, запрошенный Вѣникомъ *на бенкетъ* въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мѣстоположенію Липовыхъ Пущъ (какъ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведи паспки, можно бы было получать чистый липсець. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣтникъ не понялъ тонкаго намека и, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатою рѣчкѣ, да попивать съ пріятелями меда и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣтникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало по малу не осталось въ немъ ни одной липы на корифѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

(1) Ружьями и копьями.

и вѣтровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазывается такъ называемою зѣньковскою глиною (¹) и, если бы не рѣзба на *уластныхъ* дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы каменнымъ. Внутри же его нагрѣвали большія старосвѣтскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ изразцовъ, а вѣчная бѣготня слугъ, топоть, говоръ, пѣніе гостей и дѣтскій крикъ и гамъ, не давали завестись въ липовыхъ стѣнахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работаютъ всего дѣятельнѣе въ тишинѣ и неподвижности, покинутыхъ, людьми строеній, и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще могли бы жить люди.

ГЛАВА I.

Слобода, *осаженная* полковникомъ Вѣникомъ, прилежала къ рѣчкѣ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по зазыву, обыкновену въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многочисленныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчанине осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперегъ груди, на подобіе петель, и съ такими же *усами* на перехватѣ, въ видѣ двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная *коробка* (²). Всякъ, съ перваго взгляда, признавалъ въ нихъ *окличниковъ* и прислушивался къ ихъ кликамъ. Въ боѣе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проѣзжая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или *охочихъ козаковъ*, въ походъ на невѣрныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножій полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

(¹) До-сихъ-поръ, въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, сохранилось искусство штукатурить домъ съ особенною прочностью. Помѣщики соседнихъ уѣздовъ нанимаютъ Зѣньковскихъ женщинъ для штукатурки своихъ домовъ. Зѣньковская глина составляется ими на мѣстѣ.

(²) Небольшая хоругвь.

звание. Во времена Вѣника, охочекомонные полки не собирались болѣе въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулся далеко въ степи за рѣку Орель полтавскія поселенія и заслонили собою внутреннiе малороссійскiе повѣты отъ вторженiя Татаръ. Национальный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ былъ осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники становили на ярмаркахъ телѣгу на телѣгу, а среди свадебнаго разгула или храмоваго праздника, взбирался на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего нана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходить въ *саетахъ* (¹), турецкими *килимами* (²) столы застилаютъ, серебромъ коней куютъ, сами золотыми подковами въ ташахъ побрякиваютъ!» Чѣмъ болѣе преувеличивалъ окличникъ благоденствiе селянъ своего нана, тѣмъ болѣе слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. Но любить народъ краснобайство про золотыя горы и, терпя нужду, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ то, чего не имѣеть. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнiя совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его нана растетъ трава въ человѣческой ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лѣзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а житняго *борошна* (³) никто въ глаза не видалъ. Все это выслушивалось со смѣхомъ, но безъ опроверженiй.

— А сколько лѣтъ льготы отъ *чипиу* (оброка)? — спрашивали главы семействъ.

— Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лѣтъ.

— *Поздоровъ ёго, Боже*, — говорили поселяне. Семь лѣтъ — слобода хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый *ралецъ* осадчему.

Ральцемъ называлась добровольная дань отъ *рала* (⁴), приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

(¹) *Саэтою* называлось тонкое англiйское сукно.

(²) *Коврами*.

(³) *Муки*.

(⁴) Главная часть илуга.

Узнавъ въ чемъ дѣло, и гдѣ слобода осаживается, и какія земли, и какія будутъ пастбища и водопой, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосѣдствѣ и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мѣсто, выбирали для себя лучшіе *горбы* (1) для хаты и двора, лучшія *низины* для *пастовниковъ* или *левадъ* (2) и огородовъ; а потомъ ужъ отводили *грунта* новымъ поселянамъ *громадскіе мужи*, наблюдавшіе, чтобы никому не было обидно въ займѣ низменныхъ прпрѣчныхъ мѣсть и чтобы чей нибудь дворъ не былъ отрѣзанъ новымъ дворомъ отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по величинѣ села, были полными вѣдателями всѣхъ интересовъ между *осадчимъ* и поселянами, ограничивая произволъ одного и внушая другимъ, что они должны и чего не должны исполнять по его требованію. Они же собирали подати въ казну и владѣльцу за пользованіе землею. Ихъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ мыслей и волю всего своего сословія и наса только со введеніемъ въ Малороссію крепачтва, когда произволу помѣщика открылось безграничное поприще. Самое имя громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрѣчаетъ слѣды ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность сдѣлала въ Малороссіи нѣсколько шаговъ назадъ со времени введенія, при Екатеринѣ Второй, новой системы управленія!...

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше дѣло — вести повѣсть о томъ времени, когда Лповыя Пущи пана Вѣника дѣйствительно были еще Лповыми Пущами, о томъ времени, когда заселенная имъ слобода, сдвинувшись тѣснѣе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ *село*.

Былъ уже очень старъ полковникъ Вѣникъ; уже давно полковничья булава висѣла въ свѣтлицѣ полковаго судьи, который, являясь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всѣ почести, слѣдующія полковничь-

(1) Хату стараются становить на возвышеніи, на горбѣ.

(2) За огородамъ у малороссіянъ отдѣляется особое огороженное мѣсто, пастовникъ или левада, для пастбы телятъ или нужной всякую минуту скотины. Левады обыкновенно окружены, или усѣяны, кунами деревь, которыя сажаетъ сама природа.

ему званію. Не разъ носились слухи, что будутъ выборы полковые, по случаю дряхлости пана Вѣника, и что козаки вольными голосами выберутъ себѣ полковника по-моложе — изъ полковыхъ старшинъ; но всѣ такіе слухи оканчивались толками. Панъ Вѣникъ, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ своей пасики, гдѣ у него была особая, удаленная отъ всякаго шума, хатка,—не смотря на то, что отпустилъ себѣ сѣдую бороду и похожъ былъ больше на пустынника, чѣмъ на начальника обширнаго округа козацкихъ поселеній, называвшихся вообще полкомъ, — удерживалъ за собою *столю рейментарскій* (1), и не къ полковому судѣ являлись на *стойку* козаки съ косами въ косовицу, съ серпами въ жнивѣ и съ топорами для хуторскихъ построекъ, а все-таки, по прежнему, къ пану Вѣнику, въ которе имѣніе онъ назначить. Судья пользовался только ненужными пану полковнику рабочими, наравнѣ съ сотниками, которые, не мѣшая полковнику въ его повелѣнія, довольно имѣли всегда молотниковъ, косарей, жнецовъ, плотниковъ и разныхъ мастеровыхъ изъ вольнаго козачьяго сословія, если мало оказывалось рабочихъ рукъ, назначенныхъ для подсосѣдковъ, пользовавшихся ихъ землями. Дряхлый пасичникъ, удалившійся отъ міра, ворочалъ всѣмъ полкомъ по своему произволу, хотя давно уже не ходилъ съ козаками въ походы и не водилъ ихъ, какъ другіе, на работу сѣверныхъ каналовъ и южныхъ крѣпостей, или, такъ называвшейся, *лини*. Секретъ непоколебимости его власти состоялъ не въ преданности къ нему козаковъ: козаки давно уже не знали ни одного популярнаго имени между старшинами, такъ какъ выборъ только считался вольнымъ, а въ сущности зависѣлъ отъ генеральныхъ старшинъ и гетмана; и всѣ полковые старшины, всѣ сотники и сотенное начальство были для нихъ уже не *батьками*, возвышенными на степень власти общемоцѣнною ума и мужества, а помѣщиками, которыхъ власть, какими-то скрытыми отъ гражданъ путями, переходила отъ отца къ сыну до самого паденія грѣшной Гетманщины. Секретъ могущества престарѣлаго полковника заключался въ благоразумномъ его распределеніи, кому сколько возовъ гостинцевъ, укрытыхъ кожами, отправить ежегодно въ столицу, и какіе посылать подарки гетману и генеральнымъ старшинамъ къ новому году, въ день ния-

(1) Т. е. полковничество.

нинъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: *живи и жить давай другимъ*, соблюдалось полковникомъ Вѣнникомъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, котораго избрали въ полковники *полчане* единодушно по словамъ форменнаго акта, но который явился за получениемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нѣмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованію, *галанцяхъ*, и въ парикѣ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, *борошною*. Но не о томъ рѣчь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—не помню, въ которомъ именно году,—на полковничій дворъ въѣхалъ крытый, такъ—называемый,—*кованный* возъ. Въ такихъ возахъ козацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для палатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, ишеномъ, солью и бочонками съ подкрѣпительною *оковитою* ('). Кованными назывались эти возы потому, что покрыты были множествомъ желѣзныхъ бляхъ и скобокъ для предохраненія отъ пули не только боченковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подкрѣпительной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ крѣпостяхъ. Извѣстно, что козаки, застигнутые неприятелемъ на походѣ дѣлали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ, посредствомъ цѣпей, и отбивались, изъ такой крѣпости до тѣхъ поръ, пока съѣдали всю свою провизію. Въ—старину, возы служили убѣжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышелъ бы оттуда на козацкихъ *списахъ*. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову *товариства*, изъ *паничей*, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вождя, а тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставляетъ табуны дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ нападенія стаи голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до послѣдняго совершенства, и *човень*, то-есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листоваго желѣза, былъ дѣйствительно несокрушимою твердынею.

(') Такъ называлась водка высшаго сорта.

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверху, съ толстыми *бушóванными* (¹) колесами, запряженный не лошадыми, а дюжими волами, въѣхалъ на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, оскѣненнаго *очерётлиною* крышею вмѣстѣ съ *поддáшьемъ* (²), которую поддерживали, вмѣсто каріатидъ, толстые, плоскіе столбы, вырѣзанные красивыми зигзагами. Вмѣстѣ съ кованнымъ возомъ, въѣхало на дворъ и двое верховыхъ козаконъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до-того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждаго рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, тогда-какъ другою принадлежалъ болѣе къ *молодикáмъ*, или юношамъ, чѣмъ къ мужамъ (³). Солнце стояло уже на закатѣ. Въ красномъ его свѣтѣ засіяли, какъ на картинѣ, двѣ конныя фигуры, проѣзжая мимо бѣлыхъ стѣнъ полковничьяго дома и украшенныхъ рѣзьбою оконъ, сверкавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конѣ; старшій соскочилъ на землю и помогъ выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной сѣдой бородой, которую отпускали наши дѣды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примѣшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой, такъ-сказать, *ляпаной* живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и мѣстами уродливо, но тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною живописью и многого недосказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

(¹) Окованными желѣзомъ.

(²) Поддáшьемъ называлась собственно часть брусевъ съ карнизами, находившаяся подъ крышею (отъ стариннаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — *даха*); но поддáшьемъ называютъ обыкновенно лѣтнюю комнату не имѣющую четвертой стѣны. Это — родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

(³) Молодиками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только *молодики*.

ми дѣйствительности. Я, по-крайней-мѣрѣ, вижу, какъ на яву, этого высокаго, сгорбеннаго лѣтами, морщинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который вылѣзъ крехтя изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный *келепъ* (1), вошелъ тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковничьяго рундука. Остановясь подъ навѣсомъ, спускавшимся изъ подъ очеретяной стрѣхи хитро-вырѣзанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульниками, онъ оборотился лицомъ къ двору. Заходящее солнце обдало его своимъ вѣчно плѣнительнымъ свѣтомъ, вырисовывая въ то же время сверху, надъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своеобразной малороссійской рѣзбы на архитравѣ и столбахъ рундука. Углубленіе навѣса все ушло въ синеватую, холодную тѣнь, изрѣдка разорванную яркой золотистой полоской или узорнымъ кускомъ пробившагося свѣта. Старикъ показался точно въ сіяющей рамѣ, сіяя весь на темномъ полупрозрачномъ фонѣ, съ своими сѣдинами, озолоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половиѣ, шапкѣ, въ длинномъ кобенякѣ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафьяна и съ келепомъ, на который онъ положилъ обѣ жилистыя, изморщенные руки, нагнувшись впередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинѣ старости, не были подстрижены и влетались жидкими, сквозящими кудрями въ бороду, по которой замѣтными издали сѣрыми струями спускались два длинные уса.

Всѣ люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворѣ,—отъ сторожеваго козака, сидѣвшаго съ мушкетомъ у *камяницы* (2) съ запаснымъ добромъ пана полковника, до ключника, убиравшаго съ очередными стойчками просушенную пшеницу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, прїѣхавшаго такимъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ навѣсомъ, на солнцѣ.

Постоялъ онъ съ минуту, не болѣе, какъ-бы для того только, чтобы обвести глазами весь дворъ, съ окружавшими его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ рѣшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затѣйливо-украшенными рѣзной галлерейкой, амбара-

(1) Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ видѣ топорика.

(2) Для безопасности отъ пожара, въ старину строились небольшія кладовыя камяницы изъ кирпича, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ нихъ сбегалось все, что было подороже изъ одежды, оружія и домашней утвари.

ми по другую. Стоя къ нему ближе, можно было замѣтить, по движенію нависшихъ на глаза бѣлыхъ бровей и легкому качанію головы, что все ему было по вкусу.

Дворъ былъ просторенъ, не засоренъ соломой или щепками, не заросъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, вырастающимъ на смѣтникахъ и въ другихъ нечистыхъ мѣстахъ. Какъ ковромъ, устлала его ровная мурава, перекрещенная въ разныхъ направленіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходни рабочаго народа. Одна часть этой зелени ушла въ холодную тѣнь отъ хатъ, амбаровъ, голубятни, садовыхъ деревь, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлинненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, которое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всю лицевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камянницы, вырисовавъ все множество карнизовъ и зубчиковъ, окружавшихъ ея низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ березовыхъ палокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквозящую на зелени драгоцѣнную рѣшетку; потомъ поднялось по деревьямъ, перегнувшимся изъ-за частокола на дворъ. Маки въ ближайшемъ огородѣ загорѣлись огнемъ среди зелени, и всякая мелочь на землѣ, въ саду или на строеніяхъ, засіяла отъ прощальнаго взгляда солнца на покидаемую имъ природу, такъ—что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревянными башнями изъ сѣней будинка и съжившіеся постепенно по мѣрѣ приближенія къ крышѣ, и тѣ даже, не смотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залѣпившею отчасти и зубчатую рѣзбу на доскахъ, и тѣ позолотились и вырисовались ярко—сіяющими островерхими башенками на потемнѣвшей лазури восточнаго неба, а жестяные пѣтухи, вывезенные пану полковнику изъ нѣмецкой земли въ видѣ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лѣво, теперь казались чисто золотыми. На востокѣ свѣтился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пѣтухи помрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мохнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотѣ своей,—съ лошадыми, убранными и навьюченными по поход-

ному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всякомъ движеніи, ходила рѣзко рисовавшаяся тѣнь, ложась то поперегъ воза, то узкою, безконечною полоскою по травѣ, то вѣрнымъ силуэтомъ по бѣлой стѣнѣ дома, точно примѣшавшіеся къ ѣдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всѣми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сѣрая тѣнь, точно какая-то стихія, залпла сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше — по ступенямъ рундука, по рѣзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по крышѣ, и уже только дымари съ золотистыми своими нѣтухами сияли въ высотѣ, затмѣвая вырѣзавшійся явственнѣе прежняго мѣсяць. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся подъ навѣсомъ — все это утонуло въ тѣни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать время соловьямъ напѣться, а молодежи послушаться милыхъ рѣчей, которымъ нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ только въ тѣни вѣшневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся мѣриады голосовъ изъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ безднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодя, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но кто же этотъ старикъ, сопровождаемый двумя рослыми, статными, другъ на друга похожими, козаками? Подѣхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ-знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пѣшкомъ приблизился бы къ панскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвѣтскаго общежитія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свѣтлицу. Сѣлъ онъ на скамьѣ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся ке-

лепомъ, положивъ обѣ руки на чеканный серебрянною насѣчною топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ сѣдою бородою обѣ свои морщинистыя руки. Шевельнулъ онъ нависшею на глазъ бровью и понялъ его старшій козакъ, помогшій ему выйти изъ кованныаго воза. Наклонивъ высокую черную шапку, онъ вошелъ въ сѣни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла къ гостю въ домашней кофтѣ изъ зеленой байки съ красными мушками и въ, такъ-называемой *киба.кль* на головѣ,—нѣчто въ родѣ клобука изъ темной, протканной золотомъ матеріи. Сѣдя пряди волосъ, высунувшись изъ подъ шапочки, убрали точно кружевами ея бѣлое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уваженіемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преимущественно за мужчинами, и назвала его, привѣтствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего мѣста и отвѣчалъ поклономъ на поклонъ и привѣтствіемъ на привѣтствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее панією сотничкою; потомъ обнялъ ее со всѣми знаками подобающей учтивости и напечатлѣлъ на ея мягкихъ щекахъ троекратный почтительный поцѣлуй.

Оказалось, что пріѣздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домѣ, хотя много лѣтъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Вѣника, исправлявшая должность хозяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престарѣлый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей паснкѣ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всѣхъ старинныхъ людей, но не спѣшилъ къ нему, а вошелъ въ свѣтлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепрѣимства.

Посадила она гостя на почетномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на коврѣ—большой хлѣбъ и *дробокъ* соли, въ знаменованіе, что живутъ здѣсь люди гостепрѣимные.

Но прежде нежели сѣлъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, завѣшенною косматымъ ковромъ, онъ подпjalъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размѣровъ, кievской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоятъ Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сѣяніи на головѣ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проникали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу иконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное паникадило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ потухающаго дня, проливала желтыя лучи по выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буквамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ изразцамъ большой печи, по многосложнымъ ея карнизамъ и колонкамъ и по точенымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени, сафьяномъ.

Остаповился сѣдой гость противъ образовъ и помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбъ, завернутый въ бѣлый платокъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими отъ старости руками и подалъ хозяйкѣ въ руки.

Хозяйка приняла съ уваженіемъ этотъ замогъ дружескаго общенія сосѣдей, поцѣловала и положила на столъ.

Что дѣлаетъ теперь простой народъ, то дѣлали въ то время всѣ, сохранившіе родные обычаи общезнѣтїя, дѣлали до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратясь домой въ парикахъ и чулочкахъ, предало осмѣянію жизнь предковъ, назвавъ ее мужичествомъ, не введя на то мѣсто ничего, соотвѣтствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ—особенности.

Оказалось (продолжаю свой разсказъ), что два козака, прїѣхавшіе съ старикомъ, были два его сына. Старшій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже сѣдина, — спутница охлажденїя играющей крови, — остался вмѣстѣ съ отцомъ въ свѣтлицѣ, но сѣлъ поотдалъ, на концѣ почетной скамьи.

Хозяйка заняла мѣсто по другую сторону прислоненнаго къ углу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столѣ, почти симметрически другъ противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ положенїи, повели тихую бесѣду о прошломъ, взаимно имъ неизвѣстномъ, что совершилось въ длинный промежутокъ между ихъ послѣднею и настоящею встрѣчею. А день—между, тѣмъ, совсѣмъ потухъ, и уже только свѣтъ лампады, падая сверху, обрисовывалъ ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сѣдины и старыя, утомленныя долгою жзнзью, руки.

Слушатель ихъ не вмѣшивался въ разговоръ, хотя не сводилъ съ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случаѣ, когда бы старики сами къ нему обратились.

— Сколько это лѣтъ мы не видались, панимátko?—сказалъ гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ былъ вдвое старѣе. Она отвѣчала ему съ той же учтивостью, дѣлая должный почетъ его преклоннымъ лѣтамъ:

— А будетъ больше двадцати, панóтченьку!... Какъ-же! Еще мой покойный панъ Игнатъ не ходилъ тогда въ канальскій походъ. (Канальскими называли козаки извѣстные свои походы для рытїя каналовъ).

— Охъ, походы, походы—!сказалъ старикъ нахмурясь, и покрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серпа. Но рѣчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.

— Да,—продолжала пани сóтничка: погибъ и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвѣтъ на морозѣ!

— Чтó ты говоришь, панимátko! А я слышалъ.... мнѣ кто-то говорилъ, что панъ Игнатъ умеръ дома! Другихъ много тамъ сгнило и перегибло, а онъ—говорили мнѣ—воротился!

— Воротились только его кости, панóтченьку! а тѣло и здоровье оставилъ тамъ. Однѣ измученныя кости воротились, чтобъ отдохнуть на цвѣнтарѣ ⁽¹⁾ отъ канальской работы. Перенесъ,—Боже избавь, сколько нужды перенесъ на чужой чужбинѣ и привезъ домой только дыханіе въ тѣлѣ. Посмотрѣлъ на меня.... а глаза впалые.... Боже, какіе глаза! благословилъ дочку и погасъ, какъ на свѣгу искра. Встрѣтила я его у воротъ съ немовлѣткомъ ⁽²⁾ на рукахъ: везутъ моего папа паровицею ⁽³⁾, какъ мертваго! Выѣзжалъ въ походъ на бодромъ конѣ.... пятьдесятъ золотыхъ заплатилъ въ Коронѣ.... и двое добрыхъ коней въ торокахъ шло, а воротился на чужомъ возу,—раскинулся на возу, лицомъ къ небу, какъ мертвый! Каково же было мнѣ его встрѣтить! И кони, и риштунки, и кованныя возы, и саетовыя жупаны, и самопалы и

(1) На кладбищѣ.

(2) Не говорящій ребенкомъ.

(3) Парою воловь.

сабли—все прохарчили козаки на той канальской работѣ (¹)! Кормили ихъ тамъ не казною, а зневагою (²); богатѣли ихъ потому и кровью, и кто не спалъ, таскаючись по болотамъ, то нищимъ домой воротился.... Увидѣлъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нѣтъ ни одного вольного козака на Украинѣ!...»

— Гѣди, гѣди, паниматко! годи, моя голубка!—прервалъ ее старикъ хорунжий: — ты безъ ножа рѣжешь мое сердце. Неужели ты не знаешь, гдѣ у меня всего больше болитъ? Скажи лучше, хорошо ли тебѣ у брата и почему не осталась ты на родномъ пелищѣ?

— Какъ же мнѣ было тамъ оставаться? Пока покойный панъ Иванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а какъ его не стало, то и подсосѣдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдамаки рыскаютъ.... До васъ, панотченьку, дошелъ слухъ, что они сдѣлали въ Миргородскихъ хуторкахъ?

— Такъ то-жъ не гайдамаки, голубко, а настоящіе Запорожцы.

— Никогда этому не повѣрю!—сказала съ живостью старушка. Мой отецъ былъ запорожецъ; я знаю, каковы Запорожцы! Запорожцы боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плѣнъ людей на продажу (³). Развѣ это запорожское дѣло?

— Эхъ, паниматко! не во гнѣвъ тебѣ, женскимъ розумомъ ты о военномъ народѣ судишь. Твой отецъ былъ изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развѣ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радѣючи царю Петру, пошелъ разорять Сѣчь.... Тебя тогда и на свѣтѣ еще не было, а мы съ твоимъ отцомъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да приглянулась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетманцами, и чуприну свою запорожскую подрѣ-

(¹) Въ просьбѣ гетмана Апостола къ графу Головкину: «Козаки, за дальними и трудными походами, оружія своего лишились». *Матеріалы для отечественной исторіи*, изданные г. Судіенкомъ, т. I, стр. 57.

(²) *Зневага*—пренебреженіе, выражаемое оскорбительными поступками.

(³) Въ 1736 году. Запорожцы вмѣстѣ съ Татарами, дѣйствительно захватили въ плѣнъ 700 душъ, сдѣлавши набѣгъ на хутора миргородскаго поля (Архивъ Н. А. Маркевича, № 579).

залъ и, раскинувши по головѣ, женился послѣ Шведчины. Такъ понимаешь ты разницу? Запорожцы хотъ и воротились отъ Турка, какъ умеръ царь Петръ, да не съ добрымъ духомъ противъ нашего брата. И въ самомъ дѣлѣ, весело развѣ имъ смотрѣть на пановъ, которымъ роздалъ царь войсковыя земли безъ мѣры, рыболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (!)?

— Да чѣмъ же народъ бѣдный виноватъ?—сказала панисѣтничка.

— Это, паниматко, старая пѣсня, что когда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещать. Вотъ и мы всѣ: за кого терпимъ? За Мазепу. Мы не любили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадили его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ носился съ нимъ, какъ съ писаною торбою, и личманъ ему на шею съ своимъ образомъ повѣсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбѣ, перевязалъ, а послѣ съ нимъ задрался, а на насъ сердце согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступить шагу спокойно, переморивши его холодомъ и голодомъ; мы своею кровью облили полтавское поле; безъ насъ не совладали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньшики; а насъ дѣлають пріятелями Мазепы. За кого мы гнемъ и гибнемъ въ канальскихъ походахъ? все за Мазепу. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудеть Украина!

И старикъ застоналъ и поникъ головой, такъ, что борода открыла его сложеныя на столѣ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и продолжалъ спокойно:

— Такъ тебѣ, паниматко, не пожилось на вдовьемъ дворѣ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьяго. И церковь славную твой покойный мужъ выстроилъ: надъ самимъ прудомъ, на пригорѣ. Я былъ на освященіи. Подъѣзжаю: на горѣ церковь и въ водѣ церковь, на горѣ народъ и въ водѣ народъ, и сады и хаты, какъ въ зеркалѣ. Вѣдь отсюда близко. Братъ могъ бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.

— Оно-то и такъ, панотченьку,—отвѣчала старушка,—а вышло

(!) *Универсалъ* гетмана Скоропадскаго: «Повеже маестности, валежные на чины егеральныхъ особъ, по змѣнѣ Мазепиной одойшли въ разныя владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами», и пр. (Материалы изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 85).

иначе. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дѣти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дѣтямъ, что подъ парикомъ да подъ нѣмецкимъ кафтаномъ. Дружатся и роднятся съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мѣстахъ по выборамъ, а новые полковники всѣ изъ столицъ посылаются.

— Да и то—какіе выборы, паннатко!—сказалъ хорунжій. Гетманская ласка, шашни—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовъ не знаемъ съ того времени, какъ Мазепа купилъ себѣ булаву у князя Голицына за войсковыя деньги! Вотъ у меня два сына: перебивали и въ Туреччинѣ, и въ Польшѣ и въ Пруссіи, заглядывали близко въ глаза непріятелю, довольно и добычи домой вывели: могли бы кажется старшинновать надъ козаками. Нѣтъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертникамъ, чтобъ набились въ гетманскую канцелярію, этому плюговому бунчуковому и войсковому товариству, которое только и знаетъ буннить по всему краю, подъ гетманскою протекціею (¹). Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и *протекціоннаго листа*, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете (²);

(¹) Это былъ родъ охранной грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники покупали у петербургскихъ сановниковъ, а люди незнатные—у Генеральной Канцеляріи. Такъ, жена гетмана Скоропадскаго, присвоивъ себѣ, по смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи не судима, *понеже имѣетъ грамоту протекціонную*. Такъ гетманъ Апостоль, по просьбѣ епископа Бужинскаго, выдалъ свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсалъ, «пріимучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникъ, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ урядомъ тамошнимъ, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали». (*Матеріалы*, изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 16).

(²) Записка Теплова: «...чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую самовардію имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы полку то ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда имя обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ.. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человекъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ: но, въ междугетманство, больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что они вездѣ, кромѣ гетмана, не судимы» (*Записки о Южной Руси*, т. II, стр. 191).

а сотничество — дѣло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ *хиба въ собаки очей позичить*, явившись передъ товариство! Да и что за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дѣло, нечего сказать — погонять людей наземляной работѣ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мѣрѣ дома будешь сидѣть... да и то не дають, окаянныя!... Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свѣту приходитъ!

Это было время послѣдняго разложенія такъ-называемой Гетманщины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдѣльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе стараго порядка вещей извнѣ и казалось полное безсиліе поддержать его изнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мазепѣ, усиленная еще больше извѣстною апаеемою, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козацкіе полки больше всего остальнаго войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край былъ какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему гениальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, — которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые — роздали своимъ пріятелямъ и распродали перебрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполнение предназначенія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавѣ и оставшихся, послѣ приверженцевъ Мазепы, земель великороссіянамъ, въ противность коренному малороссійскому праву и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ, пѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Въ лѣтописи Конисскаго, вѣрнаго историка своей современности, занятіе и управленіе новопожалованныхъ иноземцамъ имѣній въ Малороссіи описаны не чернилами, а кровью и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналь великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ у историка. «Еслибы», говоритъ лѣтописное преданіе, «перстомъ руки Божеской изрыть частіцу земли на мѣстѣ такъ-названной Тайной Экспедиціи, то ударила бъ изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая на пыткахъ, по однимъ подозрѣніямъ (¹).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ описскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія древнихъ Артаксерксовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи, безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своеволія и безчинствъ солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *раціоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общео добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными го-

(¹) Лѣтопись Конисскаго.

лосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное, пришло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную, націю; все стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, наслѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежъ и на насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдями за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложеніе стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяніемъ дикой силы, которая воплотилась въ нравственный образъ лица и, за много десятилѣтій, а, можетъ-быть, и вѣковъ, впередъ, повелѣла тремъ бесплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были, которая покрыла почву этихъ націй гниущею массою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гніеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторіи — родились новыя начала во славу благородства души человѣческой... И потому, безъ злобы къ мрачной старинѣ и съ сочувствіемъ къ ея бѣдствіямъ и мгновенно промелькавшимъ радостямъ, будемъ живописать картины народнаго быта, который уже никогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаюсь фантазіями о золотомъ вѣкѣ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно было, ибо всякое бытіе есть поэзія.

Тихо сіяла въ липовой свѣтлицѣ лампада, повѣшенная на трехъ тонкихъ цѣпяхъ изъ мѣдной проволоки передъ образомъ Бога Отца. Старики вели свои длинныя рѣчи ослабѣвшими голосами. Представитель слѣдовавшаго за ними поколѣнія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послѣдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встрѣчать вокругъ себя старѣйшихъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бесѣду съ гостемъ, не думая объ угощеніи: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвѣтъ лѣтъ, дочь, которая знаетъ о чемъ слѣдуетъ позаботиться по случаю пріѣзда гостей. Вотъ отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвѣтахъ на головѣ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бѣлыхъ рукавахъ, принесла восковую свѣчу и поставила на столѣ, съ низкимъ поклономъ престарѣлому гостю. За нею слѣдомъ вошла стройная высокая дѣвушка, держа въ рукахъ поднось съ графинчиками и низенькими серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой видно было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ движеніяхъ человѣка невольно выражаются его понятія о своей личности. Въ этой дѣвушкѣ, при всей мягкости и, вмѣстѣ, какомъ-то грустномъ оттѣнкѣ движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредѣлившееся и навѣки созннное въ глубинѣ души. Было что-то таинственное въ изгибахъ ея тонкихъ черныхъ бровей, осѣнявшихъ нѣжно обрисованные глаза, которые какъ-будто стыдились своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизъ, прикрывались длинными рѣсницами.

— — — — —

СИРОТИНА.

Не той сиротина,
Кого рідь не знає,
У кого хатини
Й худоби немає;
Не той сиротина,
Хто ходить вь десятці,
У кого свитина—
Вся—латка на латці....
Аби була вь ёго
Голова, да руки,
Любовь до народу,
Вбли и науки—
Винь не сиротина,
Винь родичивь мае:
Винь Краю дитина
И Край ёго знає!
Винь — чадо громади:
Вона ёго любить,
Щиро поважає
И щиро голубить!

Хто жь всимь коверзье,
Зневажа Краину,
Свого не шанье,
А служить чужини;
Хто вь краще не вирить,
Душею не рветця
Те, що буде, змирить,
Й живе якь живетця;
Хто правди боитця,
Якь — панська дитина: —
Оттой-то безридний,
Оттой сиротина!
Тому треба плакати
На себе-самого;
Бо не привитає
Громада такого!

Олександрь Кониський.

ПИСЬМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ *Н. И. Костомарову.*

ПИСЬМО 5-е.

О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго.

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго*; а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечъ корошного гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспомнился знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху Козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины Княжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ рапѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Сѣботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онъ очутился въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтъ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на За-

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковыя два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскія грамоты. При сдѣйствіи всѣхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насильемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Сѹботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вождѣльницую для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ бесполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черезъ то лишитъ и Украину спасительной помощи, которая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамоты у Барабаша тогда, «когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жоліѣры, а Барабашъ, нотакая панамъ, казилъ козаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бѣльшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа.» (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней срока, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го года: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ 1646 году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Сѹботовъ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнятъ былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, «потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирался на Запорожье (I. 77)». По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его «взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ.*» (I. 83). По въ письмѣ Хмельницкаго къ Барабашу, того же числа (*27 декабря*) писанномъ, ясно сказа-

но, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ*; тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ, по отнятіи у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившіися крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: »Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердець людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слухнымъ способомъ зъ недискретной неволи вашей вызволити и на вождедѣнну до Войска Запорожскаго свободу привезти оныя привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбачена, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволеня вашего.« (Величко. I. 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о провществіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ *декабрь того же 1647 года*.

6 декабря.

ПИСЬМО 6-е.

Повѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго изъ Бродъ.

Обращаюсь къ провествію, которымъ начинается лѣтописъ Величка и которое онъ заимствовалъ »зъ повѣсти певной шляхты Польской.« Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ прямѣшанъ рассказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — не пришло бы въ голову сомнѣваться въ ея достоверности.«

Много значить, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переланъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменптый отвѣтъ Богдана Коцеполюскому на Коданѣ 1639 года, перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпръ — поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Коцеполюскаго, Хмельниц-

кій отвѣчаетъ Потоцкому: «Ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаеть, то тая жъ и зопсовати можетъ!» Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: «правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе представлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ.»

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (I. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своєю охотою казнить Украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по призыву къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигиряна на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго — также точно, какъ и событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго; — происшествіе столь же извѣстное, какъ и первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна поступить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правиль*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку и развязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*; если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и

поздѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего нѣчего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, «дабы врагъ а. . . а и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыя зъ его причины тамъ на Жолтой-Водѣ свои отъ оружія козацкаго всебѣдственно положили головы». (I. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго.

Привѣтую къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: «Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣнительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому расчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разпорѣченіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи (¹), подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ панесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

(¹) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad diem 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138.

морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. казаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка — просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копии этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ.»

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но за чѣмъ было вамъ обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію! Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: »въ какіе именно года былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года).« — Видите: *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ—спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовернымъ* и *положительнымъ* только то, что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ—въ письмѣ къ королю, побѣжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Шинзовое Запорожское Войско. По этой *смѣлой догадкѣ* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполне согласенъ съ вами, что »*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина«; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполне вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее *блистательною* (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою*? Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ *Компендіумѣ* нашли подъ 1624-мъ годомъ »извѣстіе, что ко-

закп возвращались пзъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя? Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ?«. Другихъ основаній въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое *предположеніе*.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ *именно* 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ миль отъ Константинополя, опустошили загородныя дома и мызы...« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляеть Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто, и къ зплѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. Но развѣ нашли вы въ Кохпендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣеть достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ съ морскомъ походѣ 1624 года, — это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, пазывая ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаньи Малороссійскомъ. Но — развѣ ошибся и Самуилъ Зерка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ грѣмахъ, отъ которыхъ потрясались ясновѣтная Сармація, и берега бурнаго Эвксимопонта, и самыя сѣтвы Царег, адскія, сказалъ: »особливе року 1621 (Вел. I. 291)?«. Развѣ ошиблась и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигмонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: »Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 30-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ *Хмельницкимъ* на пошть Эвксинскомъ.« (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матвія Титлевскаго. « *6 сентября*. — Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ итѣій, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволя... Онъ же козакъ и се возвѣщаше, что во обозѣ своемъ Турки проговору ютъ: дванадесять суденъ, уброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ козаки емши потопиша, избывшии же въ Константинополь убѣжаша, ихъ же даже до самыхъ стѣпъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многиіи, на стражѣ ятыи, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху, « (Вел. I. приб. 41).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспоминаемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сѣрка о 1621 годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовернымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябрь 1620 года, слѣдовательно, только за *девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: »Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не должно* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ.« Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не должно*, вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двулѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ*, я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года, — и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цепорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: »Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цепорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ.« Пѣтъ, это слѣдствіе выведено уже Польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и его смерти подъ Цепорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришла къ упоминанію о Цепорѣ, относящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цепорою. Но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цепорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ »увведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*« — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый, ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цепорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цепорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣденіе перешло и во Введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Баштыша-Каменскаго, и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть »О томъ, что случилось на Украинѣ«, которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Богданъ въ Цепорской битвѣ показалъ *первыя опыты* своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цепорскомъ плѣнѣ; я отвер-

гаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма Запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого «витязя сильнаго» — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

«По немъ, року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ монокслахъ, многие корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулея; потомъ року 1629 братя наши Запорожци съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешкащемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлегльіше селенія Константинопольскіе зажаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.»

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрка — *превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товарищество онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плъненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плъненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утверждён за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей; но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современных о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки *созвучіемъ* двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненіи, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца «близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться *созвучіемъ* именъ.»

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напри-
мѣръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсуиской Рождественской церк-
ви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтопи-
си Самовидца, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважитель-
нымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Гра-
бянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во Введеніи
сказано: «Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при дру-
гихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полесомъ, двоихъ Кан-
тимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую
милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и по латынѣ изученъ» (стр.
4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: «ходячи въ чамбулы, орду би-
валъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двоихъ Кантимѣ-
ровъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ за-
мыслахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля
милость великую, бо былъ съ природы разуменъ и въ наукѣ языка Ла-
тинскаго бѣглый» (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе
передано въ Лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому.
Тамъ сказано, что *Стефанъ Хмелецкій*, разбившій орду одинъ разъ
подъ Тарнополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью,
въ 1629 году онъ, оумѣвъ съ козацкимъ гетманомъ Гришкою Чернымъ,
разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ од-
ного убито, а другаго, живьемъ взятаго, королю отдали (1, 36). Тутъ дѣй-
ствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ
походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у
Грабянки — тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*.... Какъ же не признать, что
это не иное это, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ
легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й стра-
ницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmiel-
nicki*! Такая ошибка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ
осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецка-*
го за подвиги *Хмельницкаго*, измѣнивъ по-своему и подробности, т. е.

вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду биваль.... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: »Если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго?« Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: »почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?« Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ и предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя и въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что »въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмельницкій.« Что же? эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ, для васъ — »кажется *достовернымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнныхъ, походилъ Хмельницкій.« Но я и въ этомъ не вижу *достоверности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій*. (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана.)

Изъ всего сказаннаго, для меня остается *достовернымъ*, что побѣда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вовсе не относится къ

Хмельницкому; она принадлежит *Хмелецкому* и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вмѣсто повмки Кантемиричей и представления ихъ обоимъ живымъ королю, будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомнать тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссією).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣденіе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожаную войну Московскую, будущую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій regimentъ морской всей арматы ему вручалъ. « Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

ПИСЬМО 9-ое.

О Введеніи къ Лѣтописи Самовидца.

Вы ссылаетесь на это Введеніе, какъ на свидѣтельство *самаго Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *къ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ Введенія, отъ начала и до конца, съ Исторіей Грабянкиной, такъ что это Введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной Исторіи, сочиненной около 1710 года. Преположить бы наоборотъ, т. е. что козакъ-самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *Лѣтописцу* краткое историческое *Введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введеніи и у Грабянки такія подробности, каковыхъ не могу предположить въ писаніи Задѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ *»Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго«* обвиняетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и разумнаго, но не книжнаго, писавшаго

но живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана! А Гадячкій полковою старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтоисчисленіемъ. Сочиняя въ молодые свои годы «*Исторію о дѣйствіяхъ пре зѣльной брани*», — онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предислалъ еще главу «о началѣ проименованія козаковъ, отъ косяго рода и племени, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеннѣ». За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: «какъ Малая Россія подпаде Лядскому игу», начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: «Откуда раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?»

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель Введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевскою землею *Гедимомъ* (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: «что ся стало року 1648 мая 2»; а во Введеніи: «что стало ся въ року 1648, мая 2 дня». Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Итъ, у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, не рѣко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни происшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совсѣмъ не означить дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его Лѣтописцѣ; но ужъ никакъ не могъ онъ здѣсь поставить 2 мая вмѣсто 8-го. Это ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторившій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ Введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго, — «Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Польскій Казиміръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлялъ.» Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по разореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Си-

жеонъ Омельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годовъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Рускаго* и *Кіевского*, не смотря и на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батюга, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т. е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, 1471 года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено 1476-ю (I. 4). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную *»Супльку* до всей Речи-Посполитой Польской отъ утѣсеннаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632, — вспоминаетъ при этомъ, что *»и прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Польскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскомъ зъ камня выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды супльковалъ» (стр. 34). Здѣсь ошибка Грабянки состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а пазвалъ отца его, князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель Введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о копчнѣи гетмана Сагайдачнаго въ 1622 году, въ такихъ словахъ: *»Около сихъ годовъ (!) князь Острозскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супльковалъ до всего Сенату.»* (стр. 4). Тутъ въ составителѣ Введенія обличается компляторъ, совѣтъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкишей исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уже — и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Каптемирчей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ 1628-й годъ. Ошибка эта тоже повторилась не одинъ разъ въ слѣдующемъ Малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Но Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки и Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій

лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ 1630-мъ годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, *Тературинною* Ао. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Пѣмцами. (Объ этомъ записано и въ Лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семень Перевазка* 1632 г. и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

»1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своя Лядскія державы, породы и вѣры....« и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Острияницкой, что въ концѣ того 1638 года поставлены были надъ козачествомъ — комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Острияницкой войны — поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры« (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою »сотниковъ и всей старшины«; но сущность дѣла въ томъ, что составитель Введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Острияницкой войны, и отвесъ къ прекращенію гетманства на *Булюкъ*, 1640 года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Еряича подъ 1630 годомъ поставлено: »W tym-że roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pocięchi nie otrzymali, którym dano szlachtę za pulkownicy, a za hetmana kommiszarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy Psłtėj było« (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Острияницкой, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ 1638 года (I. 43), передъ кото-

рымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ 1636, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ*? По моему мнѣнію, это нашъ завязтый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Буть), въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ Русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списокъ гетмановъ, въ замѣшъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулмою, означивъ годъ его гетманства: 1631 или 1637. Вскорѣ послѣ Величковой Лѣтописи, напри мѣръ, въ томъ «Собраніи Гетмановъ» которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булюкъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во Введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 г., и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи Введенія — не ранѣе, какъ въ тридцатилѣтнихъ годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій* — 1534 г. (1) 3) Князь *Дмитрій Вишневецкій*. 4) Князь *Евстафій Ружинскій*. 5) *Свѣрловскій*, 1574 г. 6) *Богданко*, 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспоманемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ *Венжика* Хмельницкаго, т. е. изъ второй половины XVII столѣтія въ первую (2). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собраніи гетмановъ» и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ Малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія — въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей *Дмитрія Вишневецкаго* и *Евстафія Ружинскаго* передъ *Венжика*

(1) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

(2) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632 году (какъ извѣстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана *Шаха*!

Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находящая и во Введеніи къ Лѣтописи Самовидца, служить мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О похищеніи королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между Введеніемъ и самою Лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барабаша. Во Введеніи сказано: «...какіи королевскій листъ Зѣновій, да оупъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, и вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года» (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переясловѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ сполнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильяшѣ, во Введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильяшѣ, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: «же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ» (I. 14).

Въ, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе Введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильяшѣ, говорите: «Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно

о Барабашѣ. Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильшѣ*, значномъ козацѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ*; и нѣтъ никаго вѣроятія, чтобы козацъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкасскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдашнемъ козацествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится — именно о Барабашѣ — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его заново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козацъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — именно у *Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ всему Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ университетѣ, говоря такъ: »Теды я Хмельницкій, взявши Го-пода Бога на помощь, и одобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло.« Какъ же можно было козаку-самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у Ильша Переясловскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общезвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловѣ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильша*, отчего и стало: зъ *Иваномъ Ильшемъ*....»

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлил Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996 — *9,096!*

Въ Шѣкинскомъ — вмѣсто 983 — *9,083!*

Въ Кальнищкомъ — вмѣсто 2,046 — *6,046!*

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ

спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — »на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Ильяшу Перясловскому!« Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша доставалось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Каранмовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Анаѳіи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войццикимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: »давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*« (I. 52). Это явная ошибка: *Дорошенко* — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

»Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора королевского въ поселствѣ будучій; и подь часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ Черкасскимъ зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упростили писмо albo привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*.« И далѣ: »...бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....«

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоцѣнной Лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подь конецъ 1656 года поставлено: »Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помощь господареви Волоскому, тестеви его Василюви Липулу...« и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто,

конечно, при позднѣйшей перепискѣ лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1637 годомъ сказано: »Але Выговскій... высылаеть полкъ Нѣжинскій и Стародубовскій у повѣтъ Полтавскій на залогу« (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставлень обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1657 году; онъ установленъ уже въ 1663-мъ году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: »...высилаеть полкъ Нѣжинскій и Чернизовскій«.

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествѣ Хмельницкаго.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я назвалъ — *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: »Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648-го года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ.«

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: »Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*.« (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые*—и при этой оговоркѣ — ссылаю только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера* и *Конискаго*: это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ

созлались; будь у васъ еще и *Коловскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки («какъ говорятъ нѣкоторые») все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой козачинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товаришемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ Писарь Богданъ Хмельницкій; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Федоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣлявъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Острияницкой войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковой писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему — *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ съ своимъ *полковникомъ* ходилъ изъ Чигиряна противъ Татаръ. Веллчко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что Козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ былъ войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войскового писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество,

обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню.»

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ Козацкой.... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товаришемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтъ канцлера? Ужъ вѣрно, не старше сотникаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подѣ конецъ Острианицынской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а тутъ, въ пріѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все— для Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: «самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія....» И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подѣ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 декабря, 1860 года.

Михайлова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОШЫТЕНКА

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ ШКОЛѢ И ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ДОМОЙ.

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ, и я онѣмѣлъ.... Хома началъ было уговаривать меня идти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота.... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ бросить!...

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу и успокоилъ ее осиротѣлую забвеніемъ всего и всѣхъ....

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, зноишаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росой.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестивъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я услышалъ еще слова Усти: »На що ему стелешъ, вкладѣешъ, якъ маленьку дятину? Хіба́'не чувъ«, говоритъ, »що татусъ просивъ до всёго привчаты!«, и слова хозяйки: »Себѣ знай, ледѣча!« слова, повѣявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... »Покинули менѣ, всі покинули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ«, говорить, »Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: »Нехай самъ привикá, нехай до всѣго привикá!« —и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою.... Всѣ сны, всѣ страданія забыты.... »Батюшка!« и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками....

— Що се, що се!.. такой великій, та пеститьця!...

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладить....

— Головка не болять?

»А ма́ма де?« подвѣвъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дома не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болятъ!...«

Кажется, не повѣривъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца....

— Може ти, говорить, плакавъ?... Чи ни плакавъ, вінъ?—къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ....

Устя захохотала... я и дыханіе притавилъ когда-то, когда я учился еще у дяди, выскѣкъ онъ меня больно за слезы подобного рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

»Ні, не плакавъ!« отвѣтилъ добрый Хома: »чогó-бъ же ёму плакать?...«

— Коли не плакавъ, то розумний!.. И мати не буде плакать, не дужать!...

....Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говорить, одведу!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ, какія были у меня, книжки въ платокъ.

»Помолимся жъ Богу!« началъ креститься....

Я слѣдовалъ его примѣру.

— Эъ Богомъ!... Прощавайте!

»Прощавайте!« Хома и хозяйка. »Нехай вамъ Богъ помагá!«

Проводили обое до самыхъ воротъ....

Учителя сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не нялось: и въ этотъ день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно не своими....

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

»Тамъ!« отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

»Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

»Такъ обождите немного!..« и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улещетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрипнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ ...

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишь? Учитель *сѣрдятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче: — Кого трѣба?

»Вчителя вáшого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ можна виклякать вáшого вчителя?

»Зáразъ, зáразъ! подождіть трóшечки!...«

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась....

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ итти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ....

Я пошелъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрять, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... »Селó, селó!«

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Кудí, селó!! кто-то изъ середины....

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я оторпнулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумить, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу... только хохотъ, да тяжелый мракъ... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно воспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ вспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и вспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотропнулъ до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ пондобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ — пусть кто другой возится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣ! веселіе — свѣтъ!...

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены, — т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось, — ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили изъ клас-

са, я оирометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчерашняго...

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять прѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ клась, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже неболѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что со мною дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, какъ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, какъ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говорить Устя, выглянувъ въ окошечко: и татусъ идуть!
Я бросился и себѣ къ окошку....

Солдатъ идетъ — было первое впечатлѣнiе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣнiе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кѣндя*... (¹) «Что это за кѣндя?... Зачѣмъ она?... И только одна!» и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

«А, въ сѣни!» и отъ окошечка... началъ глядѣть на порогъ..

Дверь скрыпнула, поднимается *кѣндя* и шлѣпъ черезъ порогъ!... Снова поднимается, и снова шлѣпъ!... шлѣпъ, по хатѣ шлѣпъ!... какъ какая-то лягушка пузатая!..

Я захохоталъ!...

— Впшъ, який винъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ—какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ — снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока... а внизу всё таки эта кѣндя... Ахъ, какая она сиѣшная!...

Второе воспоминанiе тусклѣе выдвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣшко, и хозяйка велить Устѣ пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью

(¹) Кенга

и оставленные отцомъ, покупала на нихъ *маковники* или другія лакомства, Ёла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: »Нае, говоритъ, »покоштуй — оно смашнѣ!...«⁽¹⁾ И я коштувавъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она Ёсть лакомства, а я только коштую, а не я Ёмъ ихъ, а она только коштуетъ!... »Може оно такъ и треба!« думалъ я, »може тутъ такі звичаї!«

За то третье воспоминање рѣзко выдвигается въ памяти — какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочуть школяры; прохожіе указываютъ пальцами: »Народникъ!«⁽²⁾, говорятъ, »втіка! народникъ втіка!...« собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?... гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Уста однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оце дурний! — сказала она мнѣ однажды, видя, какъ я лечу изъ училища:—Коли вже тикатъ⁽³⁾, такъ тикавъ бы въ свій хутиръ!—и смѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

»Втікатъ⁽⁴⁾? втікатъ додому?« подумалъ я: »Чувъ я, що втікають, и що....« — и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли.... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнес, да и мудро въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: »Чомъ же? хіба гірше⁽⁵⁾ буде, якъ оце?...« — такой приснился мнѣ сонъ.... Смѣетесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важвѣе занимають мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы сознаемся; а у дѣтей — они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и приученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

(1) Отвѣдай — оно вкусное.

(2) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣзднымъ училища, какъ извѣстно, называлась прежде народными.

(3) и (4) Уходитъ — (5) Хуже.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч. — словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности, — и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху, — надъ домами, церквями, садами.... Вотъ уже и городъ назадъ, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ: — »Васильку, Васильку!« надо мною.

Поднимаю голову — надо мною бѣлое облако, а на облакѣ — бабушка... — »Куди ты, дитино моя?« — »Додому!« говорю. — »Додому?... Ой не лети, мой дитино, додому!« убѣждать меня начала, доказывать, рассказывать, что ожидаетъ меня.... »Ты«, говорить, не »долетишь, устанешь, сядешь отдохнуть....«

»А покѣ бѣ ти отдохнувъ, знайшовъ який чоловікъ и до отамана.... — »Що ти за хлопець?« спитавъ би отаманъ — сказавъ — »Чого жъ ти?« — »Не знаю!« — бо якъ же«, говорить, »сказати, що ти відтіля.... (1) изъ міста (2).... навіть заклѣвся бѣ, забожився.... Ой, не літай, Васильку, не літай додому ніколи!... (3) И одіславъ би тебе«, продолжала далѣе, »отаманъ до бѣтька... и звелівъ би.... »Може лаяшка« (4), дума, »втікь, — знову втечѣ, ліха (5) набіжишь«.... И такъ по селахъ звязаного.... хуторомъ: »Втікачь«, (6) кажуть, »втікачь, втікачь!«....»

Я вздрогнулъ, проснулся, облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ....

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, какъ я близокъ былъ ко всему, что пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это, — много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души.... А тамъ — дальше и дальше!... И кончалъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ — помните, мои школьные товарищи? — школяръ Гуря, начавшій тоже бѣгствомъ домой.... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки.... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этотъ невѣдомый, или что это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

(1) Оттуда. — (2) Изъ города. — (3) Никогда. — (4) Лакейшка. — (5) Бѣды. (6) Бѣглець.

пути Усть?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?... мое извѣданіе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школу, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, сѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина... Разказомъ объ этой женщинѣ, — кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу, — я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана — по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи... У насъ, — вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галаганъ*, *тарканъ*, — его звали Иванъ Галаганъ, Ивакъ Тарканъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками, — его звали за это Иванъ Горобіе-Яйцѣ, Иванъ Сороче-Яйцѣ; онъ былъ маленькаго роста — его звали Иванъ Знісокъ... Иванъ былъ страшный охотникъ подраться на кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норавлилъ, какъ бы *лихтарі посвітить* подъ глазами, или *паскудникъ збить* (1) съ носа, —

(1) *Паскудникъ* — лошадиная болѣзнь; *збить паскудникъ* — пустить ло-

его и звали Иванъ Осá или Иванъ Слѣта⁽¹⁾; у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это *іжакóмъ*, *іршѣмъ* (ѣжь, ёршь); у Ивана были рыжіе волосы — учителя звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крѣстилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учителя, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вѣсть веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Иваса былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-желтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степени искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *оливницѣ*, что не только давило ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревь свой саль и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица готовить вареники съ *гурдою*⁽²⁾ и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолѣ не одолевала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

шади кровь съ *храла*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

(¹) *Слѣтою* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться, — словомъ, *якѣ слѣта*. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. *Слѣта*—какъ-будто *овадь*, велико-русскій *слѣпемъ*, — что-то въ этомъ родѣ.

(²) *Гурда* — начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *макухи*. Что значить *макуха* — объяснено ниже.

Живя въ сосѣдствѣ съ мовни хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *куткѣ* явился новый обитатель, *народникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решотки. Да и какъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя, — да объ этомъ если не въ самый день моего приѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *місті* (¹), затараторили по всѣмъ хатамъ этого захоустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на тѣхъ и такихъ лошадахъ приѣжалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала, какъ я встрѣченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. и. . . . Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одиночнымъ положеніемъ въ кругу товарищей. . . и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ виѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти виѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ приучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ. . . . Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкой, ведущею ко двору молъ хозяевъ, и улочкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтяти на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу. . . . Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ ка-

(¹) На рынкѣ.
II.

кимъ-нибудь школяромъ, — я приостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались все эти разные.... чужіе..., — какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ласкавъ, хлопчику, не Білокопитенківъ! —

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самымъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за шлетнемъ.... — я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ — что тамъ? не видно ли въ скважины?...

»Бѣлокопитенківъ!...«

— Тимъ бо то!... Я тільки, — говорить, — глянула, — заразъ пізнала: якъ дві каплі води — матуся!...

И такъ ласково улыбается, — мнѣ и въ голову не прииди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать несколько не похожъ.

»Здоровенька вона?

— Здоровенька!

»Слава тобі, Царнице небесная!... Однако, що це ми не привитаємось! (1) — Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Який же ти, синяшу, моторний! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почи- ваетъ въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толочанскаго кладбища, мнѣ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Петямущого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него черезъ своего Иваса. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Петямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ иѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Петямущій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горобчикъ* (2).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовые, пухленькія внизу, *кожшюкъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

(1) Не здороваемся. — (2) Воробушекъ.

влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ, — къ тому, къ другому, заливається, болтаеть, щебечеть!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились — конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаялся въ углу!... А урокъ кончился, — изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лѣтомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣ-завтраго.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостію и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямущаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозревая, налетѣлъ, — я, какъ коршунъ на него, за ко-жушокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожушокъ, и о землю!... Пищать бѣдный мальчикъ! »Що я«, говорить, »тобі таке загодіавъ!...«⁽¹⁾ — »И я«, отвѣчаю, »нічого не загодію, ході тільки зо мною, не бійси мене!...« И подружился мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебѣ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьєю было для меня, во многихъ отноше-ніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не наштаешь сердца дятяти, живущаго отособленною жазнію, и, выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшимъ стремленіемъ своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народ-ныхъ массъ: человекъ, выросшій безъ такой теплоты, все только бу-детъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся, ни къ землѣ непрікрѣпленныхъ. — Тутъ же, въ семьѣ Иваса, при нуж-дѣ, миѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство, — маковниковъ, напримѣръ, мать приносила съ *міста*, доставала изъ *хи-жи*⁽²⁾ куски маковой *махучи*⁽³⁾, такъ любимой, бывало, нами, *бычка*⁽⁴⁾

(1) Сдѣлалъ, причинилъ зло. — (2) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

(3) и (4) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджаренаго въ *олимпичі* коноплянаго сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкно-венно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Махучою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

дѣлалъ старикъ въ своей *оливицѣ* и давалъ дѣтямъ, — меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблока и *дүүлѣ* ⁽¹⁾ доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными *лѣпка-ми*, — все это было вполне къ моимъ услугамъ.

Но больше всего, по крайней мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ неразлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденияхъ. а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не причинилъ, можетъ быть, вполне моей души съ этою школьною жизнью, — по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь у *булки*, или шлеяемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать*, — вдругъ: «Стои!... Будемо, Васютко, на кулачки битьца!» Такая ужъ проклятая у него страсть была! Оттѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дѣлать, умолить! и «братіку», и «голубчику!» . И какъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дѣлать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуюеть, бывало, его демонъ кулачокъ: «Добре!» говорю, «согласенъ; тільки дай свѣй кожүшокъ!...» А надобно вамъ знать, что кожүшокъ у него былъ сдѣланъ изъ козуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ *оливицѣ*, — замасленый, затужавѣлый, — словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотить! И что жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметь съ себя и дать! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался

(1) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами, — какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бубликѣвъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному «дурня» и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевидно, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — «А ну», говоритъ, «Білокопитенко!... Дивітця, дивітця!» И всѣ школяры *дизлятця*, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ шарусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется. ..

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ ними! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно

мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напрочно ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю, у насъ исчезли, —скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно: — сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безслѣнные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротился снова назадъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Приѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ, — изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ приѣхалъ въ городъ за покунками, —свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавку. Чтó онъ тамъ покупалъ и какъ,—не буду рассказывать, потому что не намѣренъ рассказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покункѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покущика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившіяся по поводу этой покушки. Подобныя черты у нашихъ покущиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

•Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣнки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человекъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремѣнно, напримѣръ ситцу, чтó ля; и нужно, положимъ, десять аршинъ. »Дайте, « говоритъ, »такого и такого ситцу! Та небагато: мені треба десять аршинъ!« и какъ подасть купецъ цѣлую штуку, и понравится сптець: »Гарний (!)« говоритъ: »а скільки тутъ аршинъ?... Та годі мірять — такъ кáжіть!

— Тридцать!

»Тридцать! А стоїтця що?

— Сімнадцять!

»Сімнадцять!... Не сімнадцять, а пятнадцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, гово-

(!) Хорошій.

ря точнѣе, не торгъ, а, съ одной стороны; *пятнадцать, пятнадцать*; а съ другой: »Ну, безъ золотого!... Ну, безъ копѣй (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)...« Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довѣдатыця ума у молодѣю крамаря* ⁽¹⁾, или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то грѣші! — скажетъ купецъ...

»Чомъ же не грѣші? хорѣші грѣші! карбѣванці—не жидѣвскі обрѣзанці, а пѣвнн ⁽²⁾, — бумажкн зъ свѣтомъ!«

И кушитъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку; кушитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; кушитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *триубою* жида Гершка, съ бродячею его трупною, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: »Глядѣте же менѣ, бережѣте, шкодуйте ⁽³⁾! бо це вже«, говоритъ, »годѣ ⁽⁴⁾! годѣ грѣші марно ⁽⁵⁾ тратѣте на прокляті ганчѣркн ⁽⁶⁾! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новыя наряды... а вмѣстѣ и вздохнуть, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всея навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: »А ты,« говоритъ, »Гершку, и въ двѣрь бѣльше не заглядуй; бо дѣлебі ⁽⁷⁾, сѣломъ нагодѣю!« Усмѣхнется Гершко своею добродушною *триубою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *пѣсикомъ*: »Гм, ну!... А къ великодню робѣта бѣде?« Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: »Пронѣза, молъ, ты жидѣвська!« — »Бѣде жъ«, говоритъ, »бѣде робѣта, якъ сѣломъ тебѣ нагодѣю!« И закончитъ онъ свои похождения, по незлюбимымъ имъ *палестинамъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропѣте* съ Гершкомъ новое платье, что тамъ еще покроено и пошито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но

(1) Купца. — (2) Полимѣ, т. е. необрѣзанные. — (3) Жалѣйте. — (4) Позво! — (5) На пустяки, напрасно. — (6) Тряпки. — (7) Божба »Еи!«

не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украищевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрать* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда не позволялъ ни себѣ, ни своимъ приказчикамъ, викакихъ *недомірівъ*, *недовісківъ*, не позволялъ *заганять* и *завертать* цѣны, брать съ покупателя *лишню копійку*.... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не въ сопровожденіи этихъ *недомірівъ*, *недовісківъ*, *лишнихъ копійекъ*, и чтобы эти *недомірки*, *недовіски* и *лишні копійки* не выступили впередъ на Страшномъ Судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицомъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, «мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, якъ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться по что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Рудею званійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ....» И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *нелю* (1) набивать раскаленными копейками и горящими недомірками и недовісками.

— Покажите ще мені, — говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей: — стрічокъ весільныхъ (2), стѣжокъ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ; отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукавъ: «Та тутъ», говоритъ, «есть и невесільні.... Однакъ дарма (3), въ хазійстві пригодѣцца! А що стоітъця (4) сей жмутъ (5)? та скоріше, будьте ласкави, бо ніколи!»

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ *глазомѣромъ*.

— Якъ можна — скоріше! — говоритъ: — тутъ трѣба помірить: не напам'ятуюся (6) всёго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрять, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ пре-

(1) Глотку. (2) Свадебныхъ. (3) Но ничего! (4) Стоитъ. (5) Пукъ. (6) Нельзя помнить.

доставилъ отцу взять ленты, — тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а торгуются и расчитаются, когда отецъ пріѣдетъ на масляную ярмарку.... А купцу отецъ былъ не то: что называется знакомый покущакъ это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *білу бумажку* (25 р. асс.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ рассказываютъ наши сторожилы, — именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *съ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... Ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Рассказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній, обычай сторожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію сторожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *побуднемъ* или за *сніданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человеческое, *тиіі іаспидьскоіі, розіўторятци*, объяснялись, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: «Нехай, мовъ, западутьця вони, тії позви, зъ судами ёму и зо всімъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Федоровичъ Скудровжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карманъ, — только не въ задній карманъ и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ сняго *каптана*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ

пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!... А вечеръ накануне!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь, — авось сегодня еще прїѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: »Что есть покаяніе?... Покаяніе есть.... А жилетикъ!« вскрикиваете, вспоминая, что его-то и не уложили. ..

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи накануне, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что тамъ дома будетъ, — мать....

— А ну, забудутъ прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль: — или лошади захромали?... »Нѣтъ«, отвѣчаете рѣшительно: »не забудутъ, не захромали....«

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ. — Или смотритель скажетъ.... Ну, что же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: »не ѣзди, да и полно!...« Или — *Арапъ білий прїиде?*...

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загадаю!* наконецъ рѣшаете вы — надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

»И поднявшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите, — со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!...

»Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотѣ можно что увидѣть.... Попали!

»Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣнно надо.

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа — долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло еще смѣниться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившемуся отъ бессонницы и тревожныхъ мы-

слей вашу головку, а раскаленную вашу фантазію не пустить на свободу: пусть, молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бльые Араны* пальцами вертять подъ носомъ: »Не пришлютъ по тебѣ лошадей, — отецъ забьлъ, — захромали, и ты — въ школу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днѣмъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе.... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдеть тѣнь отъ коморы до этого мѣста — *такая* пора дня, дойдеть сюда — *такая*; а знаете навѣрное — не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

»Ну«, говорите, »не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ пальца оборочу тысячу разъ, потомъ.... ну, потомъ и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь — ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была ко мнѣ благосклонна.... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *пѣкуття*). Хома — за *верстаттю*, свѣча подъ *начиннямъ*, — словно мальчишка на веревочной качелѣ, — ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *робѣтою* ⁽¹⁾ соломенную Хомину покрывку.

Хома тчетъ: чѣвникъ ⁽²⁾ играетъ, *начиння* танцуетъ, *шайда* въ ладоши похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, соломенною покрывкою.... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатю, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей....

Возлѣ Хома, у печки на лавкѣ, лысиною къ хатѣ, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія, — цѣвкѣ сѣче.... Забывъ про свое военное и уицерь-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

(1) *Робѣта* — работа; но въ гвацкомъ дѣлѣ, *робѣта* — основа на верстатѣ, — словомъ, то, что ткутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картинны, что верстатъ у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ иль, переднею частію къ хатѣ. — (2) Челнокъ.

и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина, — предается со всею любовью праведной души, проведеншей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды, — все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, суживается.... превратилось въ какое-то мышьяное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство.... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцевъ протянулись къ станку, *пучечкою* (1).... что-то снять съ него хотить.... но что-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудеть, клубокъ въ *обичайці* (2), словно двадцать чертей гонять его кнутами, — мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается....

За сивною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысною — рыжий котъ свѣсилъ съ *кѳмина* (3) голову, и внимательно слѣдитъ за работою....

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленной жарко печью, — хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ докрасна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащія возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ, *буханці* (4), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу, *кто-то*, изъ деревни вѣрно.... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяина заѣхалъ.... должно быть, дремлетъ, — то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ....

Я зѣвнулъ — о-хо-хо-хъ! славно, моля, выпался!... потянулся и подвинулся на постели.... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжий насторошилъ уши.... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на сивну и протянулъ ко мнѣ свои лапы....

«А щѳ, — говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и

(1) *Пучки* — оконечности пальцевъ. Взять *пучкою*, *пучками*. — взять оконечностями пальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять *пучечкою*, *пучечками* — очень осторожно, нѣжно.

(2) *Обичайка* — обручъ у сита или у *рѣшета*. Въ *обичайку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

(3) *Кѳминъ* — верхняя часть печки. — (4) Булки.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говорить, — тобі снилось?...

— Нічого!

»Якъ—нічого? Може, снилось, що прислали?...

— Ні! — подхватилъ герой бравей, выпуская съ руки *сучокъ* ⁽¹⁾, насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, — знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: — Ні, — говорить, — ёму снилось, що не буде зъ нами обідать!... безъ обіду буде!...

»Безъ обіду не буде!« перебиваетъ хозяйка: »я ёму буханецъ дамъ....

Рыжій, тѣмъ временемъ—съ *кѣміна*, на печку... парাপнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою — »Брысь! тьфу!« — на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни.... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами....

»Довго-жъ ти спишь, Васильку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!...

И я — съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и приваясь цѣловать его въ усь, въ *чупринку*, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Разсчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетѣ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее заплатить. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдующій расчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на этомъ основаніи я рассчитывалъ на *пáли* ⁽²⁾ — непременно сбывалось!...

⁽¹⁾ Ручка, когоруою приводится въ движеніе сучальный станокъ.

⁽²⁾ Удары ливейкою по рукѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подѣ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей бібліотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкову, писанной въ полулистъ и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началѣ XVIII вѣка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанию статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то духовному лицу. На предпоследнемъ листѣ рукописи (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдѣлана копія. За тѣмъ слѣдуетъ предлагаемое стихотвореніе. Не рѣшаюсь опредѣлять, когда именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выраженіе духа времени, вражды партій и понатій духовенства о Польшѣ и Россіи, оно заслуживаетъ вниманія. Подобныхъ сочиненій ходило много по рукамъ, и они поддерживали въ народѣ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбѣ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописание подлинника, такъ-какъ оно можетъ повести къ разнымъ соображеніямъ о мѣстѣ и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиліе выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведеніи подавленной схоластикой семинарской музы, сверстницы свободной музы народной, которая и до, и во времена, и послѣ Богдана Хмельницкаго производила столько пѣсень и думъ, дышащихъ вѣчною свѣжестью и красотою.

П. К у л и ш ъ.

20 января 1861.
С.Петербургъ.

О Боже мой мпlostывій!
возри на плачь мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
якъ я россія малая?
Всѣ маткою называютъ,
а не всѣ за матку мають:

Другій хочеть загубити,
 въ ложцѣ води утопнѣти.
 Бо чи треба горшой муки,
 якъ подати ляхомъ въ руки?
 Давно вони остраты зуби,
 давно моеи ищуть згуби.
 А ви, дѣтки, якъ чужіи,
 садите їхъ миѣ на шиі.
 Отъ якъ скоро все забули,
 что видѣли и что чули,
 Якъ под тими ворогами
 стогнала я тяжко зъ вами!
 Стогнала я, ни отради
 не мѣючи, ни поради,
 Коли жиди проклатіе
 держали церкви святыє,
 А отъ святой креста банѣ
 витягали у насъ данѣ.

І тое все вже би стало,
 щобъ имя наше пропало,
 Еслибъ Богданъ, мужъ избранный,
 не билъ отъ бога намъ даній.
 Той стеръ сѣмя проклатое,
 зскинулъ зъ мене ярмо злоє,
 И за мудримъ самъ совѣтомъ
 поставилъ подъ крипкимъ щитомъ,
 Подъ рукою царей славныхъ,
 самодержцовъ православныхъ.
 А ви, дѣтки, ахъ, утѣха,
 прошлаго зхотѣли лиха.
 Еще я крилъ не простерла,
 еще и слезъ не оттерла,
 А вамъ, дѣтки, жалко стало,
 що я оддихнула мало.
 Охъ миѣ бѣда! дѣтей лаю,
 не знать што зъ жалю гадаю.
 Ой не сини, ой не дѣти
 хочуть мене загубити.
 Ляхолюбци, ляхолюбци,
 тиі мои, тиі згубци!
 Якъ саранча налетѣли,
 доми, церкви посквернили.
 Куда пойдѣмъ — ляховъ хвалать,
 вѣрнихъ тилько що не палать,

Простимъ уши набивають,
 лихимъ ядомъ заражають.
 Безъ хвалъ людскихъ анѣ слова:
 вдать, чи пють — о ихъ мова.
 Знайте жъ, дѣтки родиміе,
 якъ ви имъ же любиміе.
 Пдать и пють и гойпують,
 еднакъ нѣ вчомъ не смакують.
 Що людское, то имъ смачно (!),
 хочъ ладащо, то имъ вдячно.
 Хочуть бути унѣяти,
 папу въ ногу цѣловати.
 Къ ляхомъ весь духъ, вся охота;
 то имъ мудрость, то и цюта.
 Ти теперъ хочуть цѣло
 привести замисль свой въ дѣло.
 Ти мене загубити
 мислять, — не ви, моп дѣти.
 Да и на васъ нарѣваю
 и на самихъ васъ жалъ маю,
 Що зъ такими дружба ваша,
 а невячна любовь наша.
 Що видите у ихъ мосцѣ,
 опрочъ дурной хвальшимосцѣ?
 Що мнѣ за снѣ, що зъ врагами
 сердце его, а не зъ нами?
 Не той то снѣ мнѣ здажився,
 що въ моемъ дому родився;
 Нехай приїде и за свѣта
 да мнѣ жпчять многа лѣта;
 Той мнѣ будетъ снѣ родимій,
 не иначе, якъ любимій.
 Осе жъ, дѣти, ви глядѣте,
 ляхолюбцевъ не любите.
 Потн добра въ насъ не буде,
 поки у насъ снѣ люде.
 Нехай идуть на сухѣй лѣсъ.
 куда зоветъ ихъ гордіи бѣсъ,
 Нехай идуть славить папу
 Нехай же имъ безъголови,
 а намъ живучи на здоровья. Finis.

(!) Въ подлинникѣ — едлично, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдете-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые вѣтхуи прокоуютъ... Сегодня Багата кутя, сегодня день тамъ, на рѣкѣ, начинается, — такъ чтобы чего не прозвѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Дитирь, что ли, — вѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью — ничего вѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдете лучше на Сулу или Песль, или еще лучше, пойдете на Удай или на Оржпцу какую: тутъ тоже иногда между берегами вереты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову — большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трех-верстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очеретѣ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложею рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровіеъ*, *ривчакіяъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакаіеъ*, *ковбоъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ...

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вѣрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей

бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, шырснетъ изъ болотной кущи и промчится гдѣ-то мимо... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *осітняю*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... услышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая поша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надушіяся ⁽¹⁾, словно красавицы мон землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой.... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вѣется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, колыями *ізківъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духівъ*.... ⁽²⁾

Тихо; еще никого нѣтъ! на рѣкѣ. Неужели еще спать до снѣхъ поръ *рибáлки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Итъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стінка* ⁽³⁾, тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: воцъ ровная полоса, это—*водопіло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржі... а вотъ, дальше, блестятъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *світить*, — это въ Калѣниковой хатѣ *світитця*... Но — тише!...

Слышится вдали мѣрный скрипъ чѣхъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это *рибáлка*, непремѣнно *рибáлка*!.. твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешні*—только *рибáлка* въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только *рибáлка* бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ *плешню* напередъ, *не ви-*

⁽¹⁾ О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онѣ *покадувались, покапухали*.

⁽²⁾ *Ізківъ* — запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ* — прорубь, тоже для ловли рыбы. *Духъ* закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

⁽³⁾ Роща, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не підпáрило (¹) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *опаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дўха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на свѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посміттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ купъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посміттюшки или зайца, — это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ-за ближайшаго куста лозы, вырѣзались наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы; сперва лающая собака, а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ, въ *шани-шанирці*, въ коротенькой *свитці* поверхъ коротенькой *кожушанки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокірою* за поясомъ, съ *торбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длиною пленнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: «моячій, Мўшка, свон!» и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбаковъ села Рижкѣвъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрѣя.

— Добридень, чи добридосвітокъ! — привѣтствовала насъ старикъ.

«Здоровн булі, Даниловичу!»

— Бўдьте здоровн зъ Багатою Кутѣю!

«Спасибі, бўдьте й ви здорові!»

— А що, порá вже приймáтьця за діло!

«Порá, порá, Даниловичу! порá!...»

— Порá, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними ру-

(¹) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *проймáльц*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промѣна, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опаря*.

камп открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатою Кутю — и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставимъ Каленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбаковъ! пусть они открываютъ лопатами *духи*, вытаскиваютъ изъ воды *кѣбзи* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрусиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотреть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатою Кутю: увидѣли, — домой пойдѣмъ теперъ и соснемъ немного, потому что начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спать. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *досвѣтокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подольше.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *посудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *ізізвъ* и *духивъ*: »У насъ щобъ тѣе... щобъ хто иноді чужій собі... крий Бігъ!« развѣ иногда, какъ говорится, »панщина затѣшетця« (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени — можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лѣдахъ* столько шляется парубковъ, дѣвчатъ и такъ всякаго веселаго народу — *кѣвзаютця*, *зъ колядками хѣдять* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпнтъ кобзу черезъ плечо, — офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дѣвчатамъ, дескать, пришло погулять; или бандуристъ или *рѣльникъ* онъ съ бандурою или *рѣлею* (лирою), компанію пришло потѣшвть, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, одѣиваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатою Кутю для одѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли

понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатої Куті, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и вѣжли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже в тѣ, у которыхъ стародавніе обычай начали ужь понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *цѣрява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья сваряжать для Багатої Куті *вечѣрю*. Послѣ щуки и карася больше всего годятся у насъ для Багатої Куті — *линь*, за лямомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, плѣже крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюками. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою въ день Багатої Куті оцѣнивають мои земляки-рыбалки свой уловъ! — «А що, Давидовчу, спрашивають Каленика Перегряя Федоръ Ополонка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли: — яковó (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглагольствовать шпроковѣщательно, любятъ выразаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?» — «Та слава Богу! нічого! *сѣіоднішніі* такі вѣло чпмáло (сегоднешней, т. е. нужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно).» — А въ мене, — замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка: — тільки пара щупелять, ато все одинъ уюнь нагодо!»

Скажу еще вамъ въ заключеніе, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончить, не поджидая другъ друга, — въ день Багатої Куті отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *впáло сѣіоднішніі*. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведѣнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долготѣннее практикою разныя приемы рыбной ловли, и рассказываются несвѣдущимъ такія *приведѣнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Рассказывается, наприимѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что-то; что это *что-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣдетъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка — *что-то* въ воду... Къ этимъ дѣйствительнымъ пропзшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудь рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидѣетца оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ проионы и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, «мабудь чи не самъ чортівъ бѣтько», потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бісизъ синь*, мѣсто подь льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти, — обыкновенные, т. е. черти, вотъ что вездѣ водятся у крещенаго люду, — тѣ холоду боится и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выпраются (1)... словомъ, въ болотѣ черти *літуютъ* только (слово *літуютъ*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только — дача)... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что-то*, и рыбалки порѣшили, во что бы то ни стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дівчатъ, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было *мамять* молебень и отслужить надъ ополонкою подосватіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки рѣдились и обдумывали средства, какъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что-то*, выждалъ его л. . застрѣлялъ!... Оказалось, *что-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ кунница. — Или же рассказывается, наприимѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю, — какъ надъ Дяфи-

(1) Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидятъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Ордани*.

ромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: ро- говъ у него какъ на *перекотиполі* колѣнъевъ, быстрый—лошади быст- рѣе, зовется — олень; что когда кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Дятпру, какъ по *стену*... что на срединѣ Дятпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *пру́знуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! что разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непременно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душоубиці* (легенькая лод- ка изъ лыщ), краса всѣхъ припятровскихъ рыбакокъ окрестностей Переяславля, преславный рыбакъ Бова... что налетѣлъ Бова на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бовѣ, а рога его принесены Бовою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ па- мять Бовы, когда дерзкая его отвага сложить наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Дятпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ ок- нахъ, сперва у *дѣда* Опанаса, потомъ у старой Мотрі, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушиться* по дворамъ и ого- родамъ: выпускаютъ изъ хлѣбовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болот- ваго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гуля- щимъ лошадямъ *яшницю*, *пшенишницю*, *просяницю*, *овсяницю* (яч- менную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ во- ламъ, дойнымъ коровамъ и *изжальнимъ* лошадямъ сѣна степного, а пос- лѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль глад- кая зимняя дорога, и подобршіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Ріжкѣвъ съ обѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавля- ми... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вѣтранными мельницами... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны, — словно какіе *шляхетно-урождѣные* на Іордань, акрещенскій зефиръ, подѣлавши про- робы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами ѣтими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, свѣжняя степь съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкѣми* (грушевыми деревьями), съ степными хаткѣми и *хлѣвчиками*, и съ вырѣзывающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣвающими за чѣмъ-то въ селеніе Ріжки и другія сосѣднія селенія и хутора прирѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *Ріжківці* (жители селенія Ріжківъ) — что это они такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а вные запрагли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ли гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Да всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводитъ въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха — выкатаетъ ее; если есть у нея *запѣканка*, она наполнитъ ею *пляшку*, чтобы была готова, а за неимѣніемъ *запѣканки*, наточитъ, изъ бочонка или *барильця*, или нальетъ изъ *тикви*, просто *біленької*; она пришьетъ къ новому *очінку* ленты, поможетъ дочкѣ наннзвать новое монисто, она *насуше* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *ідѣть* кутю и *стрічають* или *ідѣть* *вечерю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ. кому что Богъ послалъ, но большею частію — пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшать такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *Ріжківці*: всѣмъ нужна сегодня

свѣжая *свѣднішня* рыба, и все потому стараются достать ее, во что бы то ни стало. Степняки поэтому свѣшаютъ въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, по имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, свѣшаютъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегоднешняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багатой Куті, помимо вѣдѣнія предрержащихъ становыхъ приставонъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки *свѣднішнихъ*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на лѣгенькихъ *самочкалахъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся.... останется только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на свѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! но неволѣ добрый человекъ напишетъ, что такихъ, во вѣренномъ ему станѣ, не оказалось.... А между тѣмъ, *сегоднешней* мы себя принасли!... а пожалуй. принасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и «иноді, знаєте, тѣе, въ чаркѣ.... живитъ заболитъ, абѣ-що!» а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой куті замѣчаніемъ: что все мы запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Куті, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители стенихъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрыбьями*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, иъ рыболовныхъ селлахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись — и домой!... «Ну жена», говоритъ хозяйникъ дома, входя въ хату: «а я рыбы досталъ!» — «А щука есть?» — «Есть!» — «Ну слава тебѣ, Господи!» и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печки, кто съ *пріпѣчка* кто съ *пѣлу*, — побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудѣю*, которому собралась было привязать къ хвосту *куницю* вѣсто кисти, — и все *до-до-лу* къ мѣшку съ рыбою: вынотрошил его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормозать красноглазаго карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ висящей надъ по-

ломъ люльки и, вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ шукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости...

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободного не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Впервыхъ, ему надобно напоить скоть, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличіе; далѣе надо осмотрѣть саи и упряжь, можетъ что надо починить, не порвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и тоилпава женѣ на праздники нужно припасті, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколотъ и сложить подъ кожорею или въ *новіці* (навѣсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски *хозяинъ* идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сѣни*, — вообще, у котораго есть свободный уголъ, — идетъ бриться (*юлітыця*), — *юліть бороду и піділювати чуба*.... Туда же приходятъ еще человекъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипуритыця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налптой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, а па зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ. — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величюю въ грецкіи орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косі* — отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черешокъ!... Гру-

стно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдають въ распоряженіе свои лица, исполненные ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному доктъ въ британномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!*... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь быть этихъ бѣдняковъ, и какъ ни ослзательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ миллионовъ, вносимыхъ ими, куда слѣдуетъ, за вѣсныя акцизные статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебряныхъ рублей для покушки, на первый разъ, хотъ пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась кака-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвинуться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутреннего смѣха за этими серьезно-привзносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣмаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузкѣ, мотузкѣ* (спурка, спурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не нѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ вѣсѣмъ понятнымъ, я — вы будете хототать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритвъ до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.: но главнымъ образомъ на приготовленіе для нихъ корма къ завтрашнему дню. чтобы завтра ни о чель уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *жазлініязъ!* воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *шпиритъ* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ опѣ уже покончили и переносятъ кутю... а еще лучше — послушаемъ, что рассказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокоштенко.

—Надобно вамъ сказать, говоритъ Василій Петровичъ, что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ставаляння* куты на *покуття*: самъ я куты на *покуття* еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вѣли ея другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, — зналъ, что ставленіе это окружаютъ какого-то таинственностію, — слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вѣстѣ какое-то многозначительное: «что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобныя) еще нѣтъ!» Видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дѣяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе — не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моеи фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставлянния кути на покуття чудесами: — фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію, какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу — какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому....

— — — — —

— — ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчканами, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *грэнджоблята* (извѣстнаго устройства маленькіе санн) и *тримаки* (куски льда, извѣстныхъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуці* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ.... Я пошелъ....

»На порогѣ *некарни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемена! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастье. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтитъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

»— Ну, Васюню, поставь намъ кутю на поткуття! говорить... и улыбулась....

»— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

»Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....

»Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вошелъ я робкими шагами въ святилище....

»Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучно его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дѣвчата и молодиці стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки... смотреть на меня и тихо улыбаются; у печки сидятъ на лавкѣ *куховарки* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотреть на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, — пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдолодая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

»Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

»— Сюда, сюда йди, Васильку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

»Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклоны!

»Я машинально исполнилъ приказаніе.

»— Теперъ ходишь зо мною!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кофухъ, пошла изъ хаты.

»Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скрадѣ степнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадилья*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смѣкать* изъ середины.... Я насмикалъ порядочную кучу.

»— Ну, возьми-жь и неси его за мною.

»Я забрала сѣно и пошла за бабою Минихою.

»— Положи-жь его на покутті!« сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

»Я положилъ.

»— Розстели ёго гарнёшко.

»Я разостлалъ....⁽¹⁾ Затѣмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покутті горшки съ кутею и узваромъ, оставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно (¹), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже оставить на покутті: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу-свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

»Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ мнѣмъ грнжолятамъ и гринакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дѣвчатъ и молодицъ, я пошелъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошелъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не слышалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покутті въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непременно мальчикъ? Не берусь разъяснить вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или покрайней мѣрѣ значенія обрядовой оболочки,

(¹) Мальчикъ, неся кутю на покутті, долженъ при этомъ *квоктать*, какъ *квокчетъ кѣбчки*, на сѣдѣ, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дѣвчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кутю на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрашнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою гліною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе прищечковъ, на мазаніе *рудю* гліною челюстей и *заличківъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покушать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечерю*.

Но послушаемъ снова Василя Петровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечерю* на Багату Кутю, или какъ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

«...Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, будничней; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

»Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ столовѣ, уставленные приборами (¹), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него куряльница, онъ поднималъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймиты и наймички, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

(¹) Во время Багатовъ Кутю болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

«Стали всё, стихли....»

«Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице діво, радуйся, благодатная Маріе!»

«За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....»

«Послѣ »Богородице« старикъ прочиталъ »Отче нашъ«, и когда закончилъ словомъ »отъ лукаваго, (¹) перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всё перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

«Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....»

«Отецъ взялъ графинчикъ съ любимую своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехай же легенько згадаецца сїнові моему Иванові, де вінъ здоровъ повертаецца!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого діда Мины....»

«А отецъ сквозь слезы продолжалъ: — »Нехай легенько згадаецца й дочці мої Галі, де вона здоровенька повертаецца! «Мать, сестры и всё женщины за обими столами повзрыдь заплакали.... — »Нехай легенько згадаецца й моему пайшитові Петрові, де вінъ здоровъ повертаецца!«... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обими руками.... а сирота Федоря, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую....»

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Васи́лемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первую чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Васи́лій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первую чаркою на Ба-

(¹) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

гату кутю, непременно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастьемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или въ слѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, какъ у насъ говорятъ, они *підъ чарочкою*; но на Багату Кутю плачутъ они непременно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человѣка несчастье жить вдали отъ семьи, большое несчастье не быть или не посидѣть во-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастье — не быть или не посидѣть во-время на Багату Кутю; и въ слѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша семья, заплачутъ домохадцы, заплачетъ и вашъ сѣдолосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнять одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василя Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатої Куті, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, по крайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятя, живущіе въ *пріймахъ*, съ семействами, и наконецъ домохадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домохадцы*, *чѣлдь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатої Куті и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей, — вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Идѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней

нѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерю*, къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтпнымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василя Петровпча домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, — ить! Если бы у Василя Петровпча смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатои Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что ли, какъ и дѣлаютъ ныне между мопли землякамъ: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ, во время Багатои Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и шъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежь или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василя Петровпча видно, что отецъ его былъ то, что называется *старосвѣцкій чоловікъ*, а старосвѣтскій человекъ почелъ бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что все члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: «Царство жъ небесне нашимъ батькамъ и матерямъ» (или «нашимъ родителямъ». Нашимъ — т. е. его самого и его жены), нашему Ивасеві» и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатои Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отпраетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи: — я вотъ онъ съ серпатымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что все плачутъ — восклицаетъ: — «Э-ге-ге!.. та оцѣ ви бачу плачете?!.. А та дурна якъ розрѣмалась!.. Годи жъ уже, кажу, годи!.. Иди сюди, Федорко!..», и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федорка входитъ въ пекарню, отпрая очн рукавомъ, и садится за столъ. — «Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда все стихли: — пехай же легенько згадаעתа веімь!.. помершимъ царство небесне, а намъ веімь на здоровья!..» выниваетъ чарку и дѣлаетъ пзвѣстное возліяпіе, быстро брызгая въ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождаая иногда еще словами: «Щобъ збирікували!» За главою семья пьетъ вод-

ку хозяйка дома, за хозяйкою дома — старшій сынъ и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте все — *такъ годітца* (1).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ — пироги съ варенымъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасолею*, помазанные сверху *смѣженымъ* съ лукомъ, коноплянымъ, или льнянымъ, масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткованною* капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые недостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями, — и съ гречневою крупю, перемѣшанною съ визигюю. — Пирогамъ закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ Борщъ для Багатої Кути приготавливаютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашенныхъ *буркивъ* (свеклы), одна-двѣ луковины луку, нѣсколько зеренъ перетертаго круглаго перца, конечно — соль, и нешоджареные свѣжіе караси, пожалуй съ приправкою нѣсколькихъ лпновъ.

За борщемъ слѣдуютъ наш *товчѣники*, уха изъ щуки, приготовленная на постномъ маслѣ. Щука въ товчѣникахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клѣцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ. — Товчѣникъ, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни (2), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечѣри* на Багату Кутю, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчѣни-

(1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мѣрѣ намочать ею немного темя.

(2) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товчѣники вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

ковъ — кути выходить *іурва*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ шукѣ.

Послѣ товчениковъ подають жареную на постномъ маслѣ рыбу, — главнымъ образомъ шуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечера, *кутя*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготавливаетъ такимъ образомъ *ситу*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ моп земляки и землячки немного; впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто рассказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу*, взываетъ къ женѣ и къ дѣтямъ: »Жінко мої, діти мої, кути менѣ зъ свѣта зженѣ!« Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узварь* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмѣ. Его наливаютъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечера водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ: не іодітцл, не звичайно, гріхъ!* Тѣмъ не менше, хоть за вечерю этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все.... и все, что тутъ есть, отдается прелесть настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выражений радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задумчивости: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... По въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ—счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнить—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронить.... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ.... женщины и дѣти спѣшаютъ къ нему съ роемъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей члпнетъ за вечерю — корову, теленка, ягнѣнка.... и хитрости дѣтскія — нюхать церецъ, чтобы чихать.... Отецъ цѣнилъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягнѣнка, даритъ рудого кота Брѹнну, или рябую кошку Машку.... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кутя, и сознание свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется »на догадѣ буряківъ, щобъ дали канусти« и »знай догадайсь!«, — выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошия, дескать, вещи Великдень и Різдво: сегодня кормятъ хорошо и завтра недурно; но нѣтъ въ мірѣ ничего лучше Багатої Куті — сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... »А что ужъ заговѣньє,« зааключаетъ цыганъ: »то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣжь хоть тресни, а завтра — зъ хриномъ борць, зъ хриномъ борць!« (1)

Послѣ вечера тотчасъ и отправляютъ дѣтой съ *вечерю* къ дѣду, бабкѣ, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Какъ ихъ снаряжаютъ и какъ отправляютъ,—предоставляю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василю Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатыя сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечері*, или послѣ, во время праздниковъ — и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

(1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *корѣмисла*, и издають мѣрные звуки въ три тона. Въ этомъ трехтѣмномъ звукѣ постоваго звона мнѣ землякамъ послышались слова зъ *хриномъ борць*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерю дѣтей, хозяйка тѣмъ изъ нихъ, которыхъ остался дома (что впрочемъ бываегь только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это же время моюгь себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать все безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечера на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подѣ какимъ видомъ, на *досвѣтки*, на *улицю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшимъ съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что окаанявнинаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *лижъ* и коноръ все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *дѣль* рудою глиною снова, моюгь себѣ головы и ноги, надѣвають чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что только есть въ ней грязнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти, — ожидавшая уложить и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣликомъ еще разъ полъ. . . потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ воскресеньемъ и предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ свою святою пошкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожигель. . . . Послѣ этого, ожидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари. . . . И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать черезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьнствуемъ въ это время или что нецотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, «Духъ Святій при нихъ и при нашихъ осѣлахъ!» населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія бѣсовскія проказы. . .

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ открыеть ее на Рижкѣвскихъ болотахъ, съ своею лонатою и плеш-

нею семидесятилітній рыбака, Калепникъ, по отечеству Даннловичъ, по прованію Переграфъ, до того момента, какъ закончить ее, всыпавъ въ каганецъ масла или сала поджпавшая дѣтелі, возившихъ вечерю, хозяйка пашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь повѣсти, кѣмъ илбудь описанной, вѣрте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказаль правду, — не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацию нашей Багатої Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полного уразумѣнія ея внутренняго смысла; мнѣ кажется, вы шкакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца плущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, тто своимъ, *роднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первую чаркою и развозки *кути по роднымъ, близкимъ!*... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; «кто ёго знае! про те письменні люди знаютъ — ихъ роспитайте!»

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерю и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылають и еще разныя разности, какъ говорить и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣла, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые, — только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

«... Вотъ,» говорить Василій Петровичъ, «мать моя уже хлопочеть около вечера! Горшечки, баночки, *макитерки*, тарелки. — съ кутею, узваромъ и разными разностями — уставлены въ безмѣрной величины бѣлую мяску, въ которой обыкновенно святать паску... Вотъ мяска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти синькой бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливається испареніями отъ варѣнаго, какъ обливається потоць красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами повенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣлкотнаго свбаряга-мужа.

«Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *бѣленькі сорочечкы*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ вѣсьхъ лентами... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьомъ мѣху, пред-

нетъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

• Вотъ уже и нянька моя собралась — смотрѣть за дѣтми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечерею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вѣчеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

• Вотъ, лучшія сани, усланные лучшими коврами изъ материнныхъ сундуковъ и запряженные непремѣнно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца, — а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидятъ самъ дѣдъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерю!...

• Вотъ дѣвчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерю, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперекъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой....

• — Зѣ Богомъ! — говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

• Дѣдъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ узды, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

• Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвѣзъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки: — на горѣ, на крыльцѣ, видѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣротно любитъ лоснящуюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мирошникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-*кишмишница* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрал моя мать!... и безъ-сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ!...

М. Н о м и с ѣ.

20 декабря 1858.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ПЪЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ.

Статья вторая.

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что *пáробокъ честнаго и хорошаго роду* (а, по моему объясненію, это одно и то же, что *зажиточный женскъ*), какъ и представленъ Гоголевъ *фатъ въ попойкѣ*, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, *не зная простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ свачки изъ XVII въ XIX вѣкѣ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька* ⁽¹⁾ *и таке неподобне робили, якъ и настоящі пани. У дівчатъ—грудн юги, а сзадю—вибачайте въ сімъ слові—якъ пічъ, и все те, мабуть, фалшиво надуто!*

(1) Т. е. вальсъ.

Видите какая бедна раздѣляетъ пахаря отъ папа и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украины? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода почныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда—помните это?—заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни паповъ названъ здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжничками—цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дѣвчата горничныя подражаютъ здѣсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣнъ намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до—сихъ—поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая каррикатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишсннаго «*умоченнаго вкуса*», а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «все тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ» и «соображая все отъ мала до велика, ничево не пропустивши» (1). Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы» (2) и которая для многихъ остается неизмѣненнымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыя произведенія Гоголя, которыя такъ горячо отстаивалъ критикъ

(1) «Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 315.

(2) Тамъ-же, стр. 300.

Русской Бесѣды, «заставили смѣяться такъ-же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора»; но «другихъ», которымъ, влѣтъ съ приближающею старостью, даются и ея преимущества, «приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости (1)!» Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему дѣлу жизнию, — нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова паробка—слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждаго паробка, а въ томъ числѣ и Голопупенкова сына, какъ-бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшиваго; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на всѣ извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именамъ, до-того противна ему фальшивая оцѣнка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Не угодно ли прочесть у П. С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскыхъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: «Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли.... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной определенной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностію. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь? напримѣръ, гусь? спрашивае вы.— «Тридцать шаговъ» (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.— «Вотъ тебѣ гривешникъ» (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться.... «И то грѣши (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по приему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны» и проч. (2)

(1) Тамъ-же, даѣе.

(2) *Русская Бесѣда*, 1838 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 101.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хололъ*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальшиваго, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, пріобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это пріобрѣтеніе называется: *невѣста!* Паробокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнуть: «аі, да дівчина!»—этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что, — и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжіи корнетъ, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капиталцѣ, могутъ, воскликнувъ: «аі да дѣвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сынъ, какъ бы онъ ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ рассказы о вечерницахъ,—не о тѣхъ, которыя совершаются подъ балагайку и которыя авторъ *Вечеровъ на Хуторъ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечерницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обонхъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго пасичника, къ которому ѣздить въ гости горожане, а непременно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы какъ-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и послушаться рѣчей, которыя не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣлами и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дѣвушки на-распашку; тутъ-то люются поэтическія пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсенныхъ предержашкою домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до-цельза, утонченность въ области чувства*, которыя Н. С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословія, въ украинскихъ женщинахъ (1). И вотъ гдѣ наши па-

(1) Тамъ-же, стр. 98—99.

робкі—пахари выбираютъ себѣ невѣсть, или — лучше сказать — возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши паробки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружкой съ *коханюю дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно и що нема її на всему свиті такої щирої души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона ⁽¹⁾, подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбила козаченька, не спитала її відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ: *Наталя* ⁽²⁾:

Віня ні мови, я ні слова, тіло затряслось, —
Сталося ліхо, и на віки въ сѣрденько вплілося;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ симаго благовиднаго предлога, что называется, *занять* ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влѣпить поцѣлуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не что нибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ такомъ любовномъ казусѣ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенецъ, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пунь*, *пузо*, *рѣпачь* и тому подобнѣхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

(1) Перефразировка слѣдующихъ словъ народной пѣсни:

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку стати!
Тоді не разлучить ні отець, ни мати,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина.

(2) См. *Южный Русскій Сборникъ*, изданный Амвросіемъ Метлинскимъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, проѣзжалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавицей. Пригнавши къ сельскому водопою поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотою дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голоцупенко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей - пахарей, а не былъ взятъ съ толкучаго рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричалъ: «ай да дѣвушка!» по-солдатски. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ-то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, что онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было—освѣдомленіе въ селѣ (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатное), кто такаа эта красавица? Воротясь домой и улышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Абі добрал, покїрна й сорому боялась
Да Панасові душію й серцемъ сподобалась, —

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мнимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідани* родственника, челоуѣка бывалаго и расторопшаго, и, между прочимъ, говорить ему:

Роспитайся: дівка, кажуть, доня удовіці....

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинскаго пса-теля невѣсты. Одно уже то, что въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя правовъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по-нашему *отѣцька дитина*, была-бы болѣе надежной женою, была-бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говорить своему послу далѣ:

Хай и такъ. Якъ-же у серці віру й Бóга ма́е
И худóй за собою славо́ньки не зна́е,
То я ви́кину, да й швї́дко, молодѣ́цьку шту́ку:
Дамъ їй серде́нько за серце, руже́ньку за рúку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ

заключается *молодецкая штука*? Въ томъ, что *зажиточный* па-робокъ долженъ жениться на *зажиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается *незажиточною*? Отвѣчаю: дочь вдовы—дворянки, дочь вдовы—мѣщанки, дочь вдовы—горожанки, вообще—не должна, во мнѣнїи па-робка—предполагаться *незажиточною* потому только, что у ней нѣтъ отца. Но Опанасъ и авторъ смотрятъ на вещь практическимъ взглядомъ челоуѣка, очень близко знающаго условїя пахарской сельской жиизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно—сказать—для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечить свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и слыветъ во мнѣнїи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ—для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утрїи, ибо утрїи самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послѣ зимы настанетъ лѣто со всей своей благодатью, и спокойно ѣстъ свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зубы на полицю* до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахаря, когда выбываетъ изъ нея мужчина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состоянїи держать его въ страхѣ Божїемъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заспшитъ, а волю попадутъ въ *спаши*, за который надобно отвѣчать пенею. Волось онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не предохранитъ отъ дождя, который дѣлаетъ подъ ярмомъ мучительныя прогоницы: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступить силѣ вещей, должна лишиться собствен-

наго *п. луга воловъ*, отдать землю въ чужія руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежалъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятіе о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи се тая вдова́ живѣ, що на рїжкѣ хата?
Хорóшую дочкѣ мас, самá небогáта.

Упадокъ дома, изъ котораго выбылъ тотъ, къмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Знати, знати козацьку хату
Скрїзь десяту:
Вона солóмою не покрїта,
Прїспою не осїпана,
Коло двора́ нечїста ма и кола́,
На дрівїтні дровь ні полїна, —
Седїть въ нїй козацька жїнка—околіла.
Знати, знати козацьку жїнку,
Що всю зїму бóса хóдить,
Горшкóмъ воду нóсить,
Полóнникомъ діти напува́е (')

Эти стихи сами собой наводятъ насъ на другую сторону сомнѣнія сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; пбо, при разстройствѣ хозяйства, мало-по-малу ослабѣвають въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ правахъ и обычаяхъ, все-таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, пеллшенномъ главы своей; а при нечисленныхъ мною не-

') *Записки о Южной Руси*, т. I, стр. 220.

благоприятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запастаь на зиму корму. Чаше всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и лѣтнимъ загономъ у богатаго землевладѣльца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткнутъ, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчинька жпвѣ
Що хоробші ширіночки шіе?

то это непременно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь и ея нужды всѣ цацики называетъ *пустошью*, и въ дозахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерью занимаютъ только украдкой мерѣжками, шптыми рушниками, писанками передъ Великоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и пхъ дочерямъ, плати пшеничною мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что вдовины дочки вырастаютъ блѣдненькими, развиваются, какъ уединенныя лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, — неприневольнаемыя къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *порѣдахъ* съ пѣжкою, горяющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе паробковъ—богачей и, такимъ образомъ, уравниваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзіею, рождающеюся изъ лишений и страданій.

Но паробокъ—богачъ есть болѣе или менѣе представитель правовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *пѣвнаго зрѣсту*, въ которомъ уже не пошатнется на—сторону и не спуститъ съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственностію челоѣку дается особенное, вполне для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Перазвитому — дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травой забвенія:

Ой дай мині такé зілля, щобъ тебé забути!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практической необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже *роду* (¹) — наполнены народныя самыя изящныя пѣсни, — эта вѣчная, драгоценная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтическою всезнающею и всечувствующею душою (²).

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онѣ однѣ повели-бы его перо совѣтъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картинны природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще гениальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный гений отъ изученія предмета своей дѣятельности! Спѣриакъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ гениальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По-случаю появления украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собою, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своєю единодушною поэтическою

(¹) Свѣтавъ-бы я дівчиночку, такъ рідъ не велить.

(²) Послѣднія слова покажутся странными тому, кто не помнитъ превосходнаго стиха Шевченка:

Тому, хто все знає, тому хто все чує...

рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился впоследствии до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долготѣнную жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный истинникъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснѣйшимъ изъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Пбо строгая школа предназначена въ жизни великому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которыя люди обыкновенные могутъ вкушать безъ—оглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Знаю вашу славу:
 Поглузуютъ, покепкуютъ,
 Да и кинуть підъ лаву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившагося не оттуда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какою они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — судить объ искусствѣ и изречь праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живеть по своимъ особеннымъ, часто неписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бывають не посвящены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчилъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ козацтва, одъ гетьманства
 Високі могїли,

Більш нічого не осталося,
 Да й ті розривають,
 А він хоче, щоб слухали,
 Якъ старці співають!

Ему совѣтовали писать общепринятымъ въ російской имперіи языкомъ. Ему совѣтовали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т. е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не чувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачного полета, несравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мѹдри!

Спасібі за раду!
 Тѣплий кожухъ, тільки шкода —
 Не на мене шітій,
 А розумне віше слово
 Брехнею підбіте.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергіею стараго времени и разумною энергіею современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де моѣ добрѣ, грѣши,
 Одъ-де мой слава!
 А за раду спасібі вамъ —
 За раду лукаву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвѣстить міру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимся на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокій и наиздательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало

человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ степней.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопу-пенкову сыну, котораго уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто — срамить во мнѣніи каждаго мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные паробки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, Опанасъ Левенецъ: этотъ посылаетъ своего дядька (но не дядьку) Хмару *на розвідани* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣченную дѣвушку, и дядько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тѣмъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повѣстей добился впоследствии, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

..... Чи тобі-жъ то талану не знати, —
Незнакому сиротину за хозяйку брати!
Може, цїяца та по сѣламъ бродить безъ свитїни,
По коморі не ходїла и коло скотїни.
А красá — плѣвати на неї, якъ добрá не мае,
Колї плѣчи и грудницю рубьемъ покривае!

Дядько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будить свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работающихъ:

Вставай, невістко, часъ до чередї гнати!
Подій тиі корови, що одъ бáтька нагна́ла,
Попрогонь овѣчки, що родїна здарова́ла.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, собирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіяся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ великою худобою — сѣрденьку досáда,
А зъ любою дружиною — о́ченькамъ одрїда.

Зъ великою худобою — бітись та сварітись,
 А зъ любово дружиною — на світі нажитись.
 Зъ великою худобою — горе мині буде,
 А зъ любово дружиною — не стїдно й межъ люде.

Это, однакожъ, пропсходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависелтъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскіи паробокъ не броситса на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дядько Хмара заѣхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Наталіи, а на другой день завернулъ въ сельскіи шинокъ для повѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были-ли родители у Гоголева паробка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежелая каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшится на покупку коня, и запылъ съ будущимъ тестемъ, Солопиемъ, могоричь въ кабакъ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для кого нибудь прозаическія, дѣлаются иначе. Украинскіи сельскіи паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою — быть посредниками между нимъ и домою невѣсты, и въ этомъ виденъ не только народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практическіи разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человекъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю отвѣтственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуетъ передъ родителями невѣсты, что недостойнъ заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьей; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбіемъ и добрыми правами, тоже гораздо больше

должна значить въ глазахъ родителей невѣсты, нежели все, что могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому—то, въ повѣсти Квитки *Маруся*, молодой паробокъ, будучи долго вхожъ въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и задушевныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило-бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ паробка *незвычайнаго*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными. Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать въ бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ,— все это внушается добродушному украинскому паробку самою природою, а также правами и понятіями народа, среди котораго онъ вырастаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакеевымъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себѣ шею? Да и самъ паробокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказалъ ему, какъ оный паробокъ Салонію: «Ну, Наумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ—что хоть-бы и на вѣки жить вмѣстѣ.»

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «издранными шатрами»; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очель важную роль, что касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: не только Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василья своимъ зятемъ, никогда не проговорила объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ повѣсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруся, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверь. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Паума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религиозное дѣйствіе, исполненное таинственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ рассказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что узналъ самую жизнь свою, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда».

Взгляните еще, какъ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, какъ величаво они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взялись за это дѣло и что дѣло это касается счастья отъживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя *законныя рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII вѣка и воспитаны въ иныхъ правахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не надуваютъ ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за купницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законныя рѣчи*, которыя произносились ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе — до отдаленнѣйшей старши.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ее «мы, преемники Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставлялъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопузенковымъ сыномъ и Солопиемъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевіка отдать *намъ* Параску!»

его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранная свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, занятыми воровствомъ, а пожалуй и челоуѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говоритъ: «Человѣкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кинить достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица.» Но паробокъ, взглянувъ на Цыгана — не только не почувствовалъ къ нему естественнаго, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій паробокъ: это — петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала поповича, — не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналъ бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляетъ его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ такъ въ полатяхъ заводятся нескоряемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насѣкомыя. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запуститъ хозяйка стѣны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернѣлыхъ и законченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелеть на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день сворачиваетъ ее и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемыя *поломи*, для сидѣнья за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволачивать трудно; зайти на полати для приготовления постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской пѣбѣ, и не поразилъ только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а престоународный бытъ

украинскій изображалъ только по распросамъ и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общезвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣтъ простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на—время сильному волненію патетическаго момента. Но когда всѣ приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижимаго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той часъ: при такому важному ділі, якъ е сватанье, не можна всѣю говорити.* Повторю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совркупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ всѣ смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безопасно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысаясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такіа глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ «полнаго воплощенія» своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «Сорочинской Ярмаркѣ» нѣтъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придавъ своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самымъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали нынѣшнія требованія, указанныя самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — надъ его украинскими повѣстями *пырхають* только такіе люди, которые, въ познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаютъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

дять отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно то составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеніи была позія дѣйствительности. У Квтки, въ повѣсти *Мертаецькій Великденъ*, представленъ пьянчужка, котораго колотить жинка, который неисправимъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ (1) и вошелъ даже въ пѣсенность:

Бѣла жинка мужика, пішла позивати.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квтки; ибо это—мы, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ—дряно—*братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квткинъ унижительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся,—все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А наша правда пьяна спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей—полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы и не пробовать (2),» мы рѣшительно отречаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но мы, всё тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоценное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ природы или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣй-

(1) О причинѣ мы не говоримъ, покажемъ.

(2) См. начало «Тараса Бульбы».

ствуютъ не по-украпнски, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, восстанавлиющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человѣческаго ничтожества въ образѣ украпнцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тѣмъ, что унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украпны, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣднія. Онъ не подозрѣвалъ, что мужикъ, запесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-підъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что иное, какъ старосвѣтскій кладъ, зачатый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабыми запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомерной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобы ихъ увидѣть, надобно провести въ бѣдніи Иванову почъ и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ напоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заслуженнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго все отворачиваются, не подозрѣвая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшпмъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ—братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистаго, невиннаго добра на землѣ, — подъ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкою* носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался *скарбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвости чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и другіе, слышать глупыя бабыя занечныя байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственнаго его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ—какой—то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дожидаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомѣрной тяжести. Гоголь, описавшій Ивану ночь по рассказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вѣдѣтъ презираемые, безсильные несчастливцы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они рассыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однакъжъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, кто все знае, тому, кто все чуетъ, —

Гоголь не могъ остановить народъ безъ допроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что и она сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣ-

лазь это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі и Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ рода въ родъ и имѣеть много-различныя примѣненія. Нѣкій Хома Маслякъ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являються иногда ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«То просьючи, то плачучи, протурила ёго жінка объ Середохрѣстті на заробітки, чи не добувъ бы чого нкъ святу, щобъ було чимъ разговітись. Потягъ Хома до слободы верстовъ за сѣмъ, и иде, и все свое думаетъ: якъ бы то на скорбъ наскочити, забрати ёго та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, дивитця—назустрічъ идѣ дідусь, старенькій, маленькій, горбатенькій, та ще зігнувъ одъ старости, такъ мовъ при самій землі. Ника ёму не вмига, волоссє роскудоччане, нісъ не втертий, слина зъ рота такъ и бє, ажъ заінівся, по всій бороді.

«Хома зъ радощівъ самъ себе не тямить. Чувъ, що и якъ у такому ділі робити; заразъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісъ, обітеръ ёму ріть,—нічого! Дідусь не розсипавсь, а тільки мугіче щось такє та веселенько усміхаючись, знай ёму низєсенько кланяетця.

«Хома думаетъ собі: «Чому сей скарбъ та не розсипаетця?... Эге! знаю!» Та зъ сѣмъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебєхъ обѣ землю!... Эге, та й лежить цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще тріхи ёго потовкмачивъ,—принявъ лежачого шкварити. Дідусь не розсипаетця, а Хома знай ёго бебєхами годѣе....

— «А що ти, чоловіче, робишь? За що ти нашого німого старця бьєшь?» обізвавъ до ёго чоловікъ изъ надзулієся, та й гукнувъ на товариство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хома Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ яз-

вѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большія впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невесты въ театральнаго пажу или въ ребенка, «забывающаго про всѣ дѣла свои» оттого только, что увидѣлъ дочку, танцующую съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку. «Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ—присядку» (1) наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничаго, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать въ—присядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни былъ веденъ натурально отъ самаго начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украины уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргород*а.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*» не вопіалъ бы въ пустынь: его бы поддержали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показали бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пырхаютъ наборщики въ типографіи.

Еслибы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

(1) Стр. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющія погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, легкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая-то игрушка, точно какъ-будто, неуразумѣвъ того вполнѣ, что было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ! Украинскія повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели онъ зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставлялъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственного простонародья. Вслѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и иѣжной, и саркастической, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, всё тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующіе критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгохунь*, *Свербишувъ*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которыя Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Го-

голя; но ихъ называли поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почувалъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ, — сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами зонрихъ наѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщеть золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣтними и беззаботными до-того, что даже выдача дочерей замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторією, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ повоедскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдмѣ семпнарлетомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ російской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родицѣ, что

это только отводъ нападавшаго на него уныніа, очень естественнаго на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Перваго, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожскаго канала, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Оно гнететъ почти cadaго изъ насъ до слухъ порѣ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекущаго къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *батьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашелъ отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди* (1), гдѣ читатель найдетъ слѣдующія слова: «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣлкомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза (2).»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя стени, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ уснѣхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь сознавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зналъ, за-

(1) См. «Соч. и П. Гоголя», т. III, стр. 516.

(2) Тамъ же, стр. 500.

чѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно — и надѣтъмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго (¹).»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать — не чувствовать, что одно смѣшное да смѣшное надоѣсть читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ между смѣшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ человѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: «Я думалъ просто, что смѣшной прозектъ, исполняемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самою охота смѣяться создать сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными (²).»

Подобная пересыпка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однакожь столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ исчезающаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневноности. Но все, что онъ ни изобразилъ подѣ влияніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было почтѣно имъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтель-

(¹) Тамъ же, стр. 301.

(²) Тамъ же, стр. 302.

ствуешь, что взятое лице или явленіе дѣйствительно существовало въ такомъ видѣ и иначе существовать не могло. Въ его украинскіхъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не расскажутъ ничего такъ, какъ рассказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновеннаго пѣснями поэта. Онъ схватилъ чуткимъ слухомъ только поэтическій тонъ пѣсень, набралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотогѣ неподозрѣваемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотрѣть въ такой ясности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннее изслѣдованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что «угадывать человека могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его вѣшности (1)». Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Кошискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружилъ передъ нами *Сорочинская Ярмарка*? Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни распрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старинны, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческій талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что «стояло ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе—и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» (2). Но она выступала только для такого изощреннаго кри-

(1) Тамъ же, стр. 508.

(2) Тамъ же, стр. 509.

тического зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально (1)».

Мы самъ, познавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ «Вечера на Хуторѣ (2)». Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей пасичнина Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библіотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями (3). Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Голопушенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленье. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрелю въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человѣкомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредѣленной фантазій, до-того что находилъ свои поэтическія конценціи, несвязанными тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ, — то что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ выросшіе посреди своего народа, находятъ многія конценціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солопія въ пре-

(1) Тамъ же, стр. 302.

(2) Говоря мы, я разумѣю здѣсь своихъ сверстниковъ, сходныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмѣстѣ со мною.

(3) *Библіотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними.

лестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральнѣй танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещенный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естествененъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонизированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ влияніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычая, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *безчестья* обвинявшейся такимъ образомъ женщины. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣнчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстницъ—*дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остріѣ свѣчкой, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* короваля, который печется, накануне вѣнчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ накануне упалъ подобранный къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критическаго воззрѣнія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» является обличительницей автора, «незнавшаго простонародной Украины и изображавшаго ее какъ баринъ, выдающій въ мужикѣ одно смѣшное». Пара Цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, тишѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди жнивъ брали съ одной нивы паробка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Еслибы Гоголь наполнилъ свои простонародныя повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ намъ одно только истинно достойное дѣло: «далъ новое, сильное побужденіе къ ея объясненію», какъ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Бесѣдою* эпиграфъ къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: «Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ совершаетъ гармонию жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тишомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбираясь на *дівачь-вечірѣ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣвають въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только

соберется народъ, музыка водворяетъ гармонію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-печерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружескъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣнили ее во время печенья коровай. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы (1)».

Наблюдая это явленіе многоходомъ или многоздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пустькай тотъ самыи органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Пабожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, — не произвели-бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно наиротивъ. Одни развѣ Цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь законъ (2), затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смітнику* (3). Не понеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшаго ихъ дѣлать что-то подоб-

(1) *Сорочинская Ярмарка*, стр. 38.

(2) Всѣ свадебныя церемоніи вмѣстѣ называются *закономъ*; оттого и *законныя рѣчи*.

(3) Такъ выражается о еврейской свадьбѣ народъ.

ное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненного автомата», тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженного ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предались всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на «новаго, смѣющагося, живаго человѣка», между которымъ они безмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющеюся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему (1)»!

Да, намъ жалко разстаться съ тѣми восторгамъ, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (2)». Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ....

II. Кулишъ.

29 іюня 1858.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзнаю.

(1) Заключительныя слова *Сорочинской Ярмарки*.

(2) Слова Гоголя въ предисловіи къ изданію его *Сочиненій* въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. Отъ исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназии, Тропова, къ его брату, батальонному лікарю.

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросилъ я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формѣ. Въместо сюртука, давно уже отжившаго вѣкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокахъ казенныхъ сюртуковъ, на мнѣ былъ новый вицъ-мундиръ, со всеми опредѣлительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращеніе это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копѣйками, Уретнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталъ я, какъ бываютъ дороги и 15 копѣекъ — цѣна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля показались мнѣ нестоющимъ капиталомъ, и я тогда только убѣдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькѣ осталось не болѣе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Татаровку. Зато я былъ во всеоружіи учительскаго облаченія, съ ногъ до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдѣляющій міръ монахъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра оффиціальной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣ всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

ненности моего туалета. «У васъ нѣтъ мундира, г. Троповъ» сказать онъ, остановивъ меня почти у порога: «всѣ вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованье, тотчасъ спѣшите записаться клуговскими сапогами, циммермановской шляпой, галстучкомъ изъ Нѣмецкаго магазина, позолоченною цѣпочкою, а о главномъ — о мундирѣ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественно, что галстучекъ и воротнички интересуютъ студента болѣе, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюдать, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачетъ третное жалованье, прежде всего сшилъ себѣ мундиръ. Не имѣть мундира значитъ неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санкюлотовъ; ихъ нѣтъ въ моей гимназіи. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себѣ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нѣтъ: галстучки, воротнички, пуговицы, поглотили весь капиталъ; но мундиръ будетъ шить вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ снимутъ мѣрку, а постройкою займется надзиратель Михайловъ.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдѣлаетъ нѣжные глазки и заговоритъ тономъ дружеской бесѣды, то вдругъ посмотритъ сурово и возвыситъ голосъ до самой высокой начальнической ноты, то подойдетъ ко мнѣ, возьметъ за пуговицу, положить мнѣ на плечо руку, то отойдетъ и, потомъ вновь приблизившись, вдругъ сдѣлаетъ рукою ораторскій жестъ, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечины. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ приѣмовъ, директоръ, вѣроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волѣ. Въ заключеніе этого магнетизерскаго сеанса, директоръ показалъ видъ, будто желаетъ проститься со мною и подать мнѣ руку, но лишь только и протянулъ свою, какъ онъ обѣ свои спряталъ въ карманы и, кивнувъ мнѣ головою, сухо сказалъ: «прощайте.» Я ушелъ, но не успѣлъ еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», сказалъ онъ: «пожалуйста, остригитесь; учитель долженъ подавать примѣръ ученикамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отращать себѣ волосы.» Такъ кончилось мое первое свиданіе съ директоромъ. По всему замѣтно, что я попалъ въ руки

великаго мастера въ дѣлѣ укрощенія и дресировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человѣкомъ смирнымъ, онъ сразу обошелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На слѣдующій день, директоръ пригласилъ меня къ себѣ поговорить о способѣ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ татаровскую гимназію преподавать русскую словесность», сказалъ онъ; «предметъ вашъ я считаю однимъ изъ запутаннѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болѣе, нежели со всѣми остальными; разумѣется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основаніи. Вамъ извѣстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служатъ: во—первыхъ, начальническое распоряженіе, во—вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ—третьихъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы программы, а въ программѣ нѣтъ вопросовъ на статьи учебника. Равнымъ образомъ программа наша расходится и съ начальническимъ распоряженіемъ, которое состоялось послѣ напечатанія программы и, по словесности, имѣло въ виду только еще подготавливавшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничься однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ программы: а вы знаете, ктѣ составлялъ программу! Станешь придерживаться программы — отступишь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не нравится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляетъ меня рѣшиться: это — выдавать дополнителныя записки. Но здѣсь новое затрудненіе. По всѣмъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можетъ руководствоваться учитель, въ программѣ разысканы щедрю рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дѣлать, г. Троповъ: по тѣмъ вопросамъ программы, которые не вошли въ учебникъ, составьте ваши собственныя записки, разумѣется, въ духѣ руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортѣ ко мнѣ, а я представлю на усмотрѣніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имѣть въ виду, что употребленіе вашихъ записокъ

учащимся должно оставаться безъ всякаго вліянія на употребленіе учебника; кромѣ того, предлагаю вамъ сдѣлать необходимымъ для учениковъ всѣхъ классовъ употребленіе двухъ русскихъ хрестоматій: теперешней и прежней, которой осталось еще у насъ, въ книжномъ магазинѣ, значительное число экземпляровъ.» — Прощай, любезный братъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дамъ тебѣ понятіе о моемъ положеніи въ здѣшнемъ обществѣ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживцамъ и ученикамъ.

№ 9. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлинской.*

Только послѣ разлукѣ съ тобою, ma chère Constance, я узнала всю цѣну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имѣть друга, съ которымъ могла бы дѣлиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ моей жизни въ Татаровкѣ. Особенно весна этого года навѣяла на меня какую-то грусть и тревогу. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикѣ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи. Сердце чего-то проситъ, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то красивую, то блѣдную. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцѣлуяхъ и ласкахъ высказать тебѣ мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы рѣдко-гдѣ бываемъ, еще рѣже видимъ у себя чужаго человѣка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бездушнѣйшей татаровской дѣйствительности въ очаровательный міръ фантазіи. На дняхъ я читала *Валентину*. Ахъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслажденіе для сердца и воображенія. Въ одномъ только я не согласна съ сочинительницею (говорятъ, что Жоржъ-Зандъ сочинительница, а не сочинитель) мнѣ кажется, что героини ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносятъ ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положеніе и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинамъ имѣть надо

мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукѣ женщины. Всякая зависимость нестерпима для моеи *сарматской* натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько воспоминаній воскресло въ моей душѣ, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ посѣщно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! (1) прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Матап говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансіонъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компаніи.

Вчера мы были съ матап на именинахъ у аптекарши. Общество состояло изъ нѣсколькихъ семействъ знакомыхъ тебѣ татаровскихъ старожилонъ и полного штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназін, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекарь считаетъ себя обязаннымъ набивать учительскіе желудки. Танцовали. И танцовала мазурку и одну кадрилъ съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайію смѣшилъ меня своимъ польскимъ произношеніемъ. Онъ—русскій; не смотря на то, не дурно ташцуетъ и умѣетъ найтись въ обществѣ. Вѣроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мѣстахъ, а только притворяется, что не умѣетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за ужиномъ не оставилъ дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тѣмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполняютъ свое *призваніе*.

Посылаю тебѣ выкройку мантильи моего собственнаго изобрѣтенія.

(1) Въ подлинникѣ: сѣма, что, кромѣ тьмы, мрака, значить еще: ночная бабочка.

Тебѣ извѣстенъ мой талантъ въ дѣлѣ шитья и вышиванья. Недавно я выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кромѣ своей собственной работы. Кожечку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька кланяется тебѣ. Цѣлую тебя миллионъ разъ въ губки, въ щечки, въ носикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. *Отъ учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Наивному.*

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окупившись въ здѣшней жизни, я передаю тебѣ впечатлѣніе, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университетѣ мы общали другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обѣщается и не исполняется. Утѣшимся однако (хоть солжемъ, а утѣшимся!): теперь всѣ замѣчанія наши, какъ болѣе зрѣлый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательнѣе.

Прежде всего я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выразить тебѣ отличный характеръ края, въ которомъ, по волѣ судьбы и начальства, нынѣ обрѣтаюсь. Англію мы представляемъ себѣ не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страну утонченныхъ правовъ. Что же такое Польша, по крайней мѣрѣ тотъ слой Польши, который я видѣлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это земля славянская, сильно запроващенная папизмомъ. Папизмъ и славянская національность діаметрально противоположны другъ другу. Какъ противоположны лукавая казуистика и неподкупный голосъ сердца, задолбанный принципъ и вдохновеніе, Парагвайская республика отцовъ іезуитовъ и Запорожская Сѣчь: такъ противоположны папизмъ и славянская національность. И однако папизмъ глубоко пустилъ здѣсь свои корни.

Напрасно у насъ смѣшиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой-угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнѣ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всецеленъ. Лпшь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австріи и заключилъ съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянину пѣмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примѣръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здѣсь никто не любитъ; но въ ксендзѣ Пушайлѣ онъ нашелъ себѣ ревностѣйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что іезуитская дисциплина директора готовить и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкоторыя черты здѣшнихъ нравовъ, несвойственныя славянской природѣ; только папизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Папизмъ говоритъ: «я—свѣтъ міру; все остальное—мракъ, ересь, расколъ, достойная добыча огня вѣчнаго, а подчасъ и временнаго; одинъ путь къ Небу—мой путь, и мое призваніе — всѣхъ, волею и неволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затѣмъ слѣдуетъ очень справедливое въ устахъ славянину замѣчаніе: «мы всегда отличались ревностію и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, мы народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вѣровать въ свое превосходство и стараться передѣлать другихъ на свой ладъ.» Разумѣется, все это—слова; поэтому фразерство всегда играло здѣсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искусственною энергіею папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видѣть, какъ умираетъ человѣкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убѣжденіи людей въ теченіи многихъ поколѣній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видѣть, какъ галваннзуетъ людей уже отжившее свой вѣкъ начало.

Теперь слѣдуетъ дать тебѣ понятіе о томъ, что дѣлаемъ здѣсь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жизни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мѣры: открыли новыя каедры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогин и всякихъ другихъ *логій* и *логій* не наше дѣло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нѣкій западный докторъ богословія, неосторожно затѣявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядился по своему. *C'est le petit ventre qui gouverne le monde.* На этомъ основаніи, мы и на воспитаніе дѣйствуемъ здѣсь посредствомъ питанія, и дѣйствуемъ такъ удачно, что о способѣ воспитанія здѣсь теперь никто не думаетъ и не говоритъ, а всѣ заняты только способомъ питанія учащихся. Для всѣхъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдѣ дѣти будутъ жить и кто ихъ будетъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденіемъ большаго питательнаго заведенія, или, такъ—называемой, *общей ученической квартиры.* Ты дворянникъ, хочешь учиться — такъ давай денежка и ступай въ общую квартиру: тамъ ѣшь, пей, ложись, вставай, а за тѣмъ и учи по росписанію и командѣ, безъ излишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены рациональнаго основанія: это учебно—смирительныя заведенія, въ которыхъ успѣхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлексивныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не сладить.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагѣ. Какъ докторъ Хангloseъ, всѣ мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ мірѣ, зачѣмъ хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ другу, по обыкновенію, исправно. Но что, если все это не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послѣдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тѣхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслѣдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебѣ, дружище, основныя черты здѣшней жизни и здѣшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всѣми силами старается нагадить школѣ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнью со всѣмъ народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвѣщающій юпошество, которое въ школѣ ведетъ борьбу только съ буквами *еры* и *иже*, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнѣ хотѣлось понасть въ ту родную страну, *wo die Citronen blühen*, то есть, гдѣ такъ неподобно варенье и такъ неощражасмо соленье. Прощай.

№ 11. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Тронова, къ его брату, баталіонному лѣкарю.*

Чтобы дать тебѣ вѣрное понятіе о моемъ здѣсь положеніи, я долженъ познакомить тебя съ здѣшнимъ обществомъ.

Просвѣщеніе, или правильнѣе, воспитаніе, *edukasya*, играетъ важную роль въ жизни здѣшняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здѣсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ дѣтей. Для воспитанія, богатый не жалѣетъ денегъ; бѣдный—жертвуетъ послѣднимъ. Почти четвертую долю всѣхъ учениковъ гимназіи составляютъ дѣти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, помѣщики, нерѣдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городѣ и привлекаютъ туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкѣ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Аопны крѣкославской губерніи; всѣ здѣсь живутъ или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смѣшивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвѣщенію, душу котораго составляетъ поклоненіе истинѣ. Подъ наружнымъ покровомъ этой гонимы за воспитаніемъ, таится какой-то консерватизмъ мысли, какая-то вѣра въ букву и авторитетъ, верховнымъ выраженіемъ котораго признаются здѣсь виленьскіе и кременецкіе педагоги и ихъ воспитанники. Скорѣе Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукѣ здѣшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько вышшій обрядъ, но все таки обрядъ искренній, а не пустая дань модѣ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здѣсь воспитаніе, дало умственной жизни этого края какой-то старообрядческой характеръ; тѣмъ не менѣе, здѣсь съ давнихъ поръ ведется вѣра въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, официальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергаютъ наставнической характеръ и также мало вѣрятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болѣе, какъ чиновники, по-

жалованные начальствомъ въ учителя. По ихъ мнѣнію, процессъ ученія въ гимназіи совершается какъ-то самъ собою, при пособіи благотворнаго вліянія здѣшняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дѣти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, какая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дѣти изъ гимназіи — они забываютъ о существованіи нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникѣ, когда товаръ взятъ изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные подъяческіе приемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здѣсь смотрятъ, какъ на подъяческую инстанцію. Довольно тебѣ сказать, что здѣсь есть люди, считающіе татарскаго директора агентомъ тайной полиціи: *to szpieg, panie* — это шпионъ, сударь, говорятъ они о нашемъ директорѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ обществѣ всѣ вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ подслушивалъ... директоръ гимназіи.

Учителей, однако, общественное мнѣніе щадитъ въ этомъ отношеніи. Дверь здѣшнихъ гостинныхъ для насъ не закрыта, — разумѣется, кромѣ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, не слишкомъ-то открыты для учительскаго сословія. Но сближеніе съ здѣшнимъ обществомъ тоже имѣетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убѣжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довѣріе и хорошее мнѣніе о вашемъ вкусѣ и чувствахъ, начинаютъ васъ подбивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невѣжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видѣ неосѣдлой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всѣмъ скарбомъ своимъ и всѣми плодами своего умственнаго и общественнаго развитія. Если духъ фанатической нетерпимости ко всему чужому и слѣпаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то чтѣ было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашелъ себѣ болѣе обширное примѣненіе въ жизни гражданской и политической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Вѣжливость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здѣсь одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ добродѣтелей; даже въ сношеніяхъ официальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дѣлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я расскажу тебѣ анекдотъ, выдуманный здѣшнимъ же юморомъ, въ насмѣшку надъ излишнею щекотливостью здѣшнихъ понятій о вѣжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичъ былъ *eo ipso* и прямой кандидатъ на польскій престолъ, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласилъ королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успѣлъ пройти съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ очень обидѣлся такимъ невниманіемъ къ танцующей парѣ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку—обидѣть шляхтича; танцовать, вмѣстѣ съ шляхтичемъ, краковяка—обидѣть танцующихъ мазурку. Она однако побѣдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію уточненной королевской вѣжливости, —одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нерѣдко приходится здѣсь и намъ, чтобы не разстроитъ гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дѣлѣ вѣжливости, по своимъ понятіямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ вѣжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющіе здѣсь штатную принадлежность всякой компаніи, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми не деликатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невѣжество здѣсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я былъ на вечерѣ у здѣшняго аптекаря. Нужно тебѣ замѣтить, что, для сокращенія формальностей, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ есть передняя: прямо изъ сѣней являешься въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты—гезеля и скрипки—провизора, танцовали кадрили, когда предъ танцующими явился новый гость, одѣтый по дорожному. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теплые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: *przepraszam*, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенѣлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надѣтыми почтеннымъ господиномъ для пре-

дохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любимымъ господиномъ.

О любезности здѣшнихъ женщинъ не скажу тебѣ ни слова; любезность ихъ—это фактъ, засвидѣтельствованный всѣми образованными путешественниками, впрочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здѣшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могутъ быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращай твоё вниманіе на рѣдкій даръ прозорливости въ дѣлахъ сердечныхъ здѣшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредѣлитъ такъ болѣзни, какъ онѣ, по самымъ легкимъ, едва замѣтнымъ, симптомамъ, опредѣлять, кто кому нравится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не сумѣетъ такъ повести болѣзни, какъ онѣ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечерѣ у аптекаря, довелось мнѣ танцевать кадрили съ очень милостивымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ возлѣ насъ очутилась какая-то тетушка Софин, видимо съ дружескимъ намѣреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполне увѣренъ, что въ томъ же самомъ обществѣ возлѣ меня очутилась бы другая тетушка, если бы только въ моей душѣ мелькнула тѣнь предпочтенія къ другой племянницѣ. Достоинно замѣчанія, что на русскихъ чиновниковъ—жениховъ здѣсь смотрятъ гораздо гуманнѣе, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснымъ поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соотвѣтствуетъ степени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднѣе всего здѣсь примириться свѣжему человѣку съ officialными, гимназическими, нравами. Это, по—истинѣ, міръ сплетень, доносовъ, раболѣпства, взаимнаго недовѣрія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—*divide et impera*. Не видѣвши, трудно себя представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиться въ учебномъ кругу, гдѣ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но тѣмъ именно и отвратительны здѣсь страсти, что уродуютъ простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя арифметики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пѣла венгерскій романсъ; у младшаго учителя нѣмецкаго языка явились пара утокъ и индѣйскій пѣтухъ, не купленные, сколько извѣстно, на базарѣ; обо всемъ присяжные директорскіе донощики тотчасъ рапортуютъ директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что дѣлается въ гимназій, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развѣдываютъ и собранныя свѣдѣнія передаютъ инспектору. Пока производятся разслѣдованія, въ которыхъ сторожа, лакеи, кухарки, являются главными дѣятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашиваютъ другъ у друга: что такое случилось, зачѣмъ у избранныхъ директорскихъ агентовъ такія озобоченныя, таинственныя фізіономіи, какъ будто бы они печаянно открыли комплотъ, угрожающій опасностью политическому равновѣсію Европы? Въ конфиденціональныхъ разсказахъ фактъ искажается, силетня растетъ, мнѣнія раздѣляются, образуются партіи, разгораются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разслѣдованій. И это наше нормальное состояніе. Между тѣмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порознь прибрать къ рукамъ каждаго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замѣчаетъ промаховъ подчиненнаго, даже перѣдко, тѣмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запугалась въ разставленныхъ сѣти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дѣлаетъ съ нею что ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посрамленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всѣхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имѣть возможность распоряжаться и лицомъ и голосомъ поработеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапятнанная, и потому болѣе или менѣе независимая, личность для него — какъ бѣльмо на глазу.

Какъ ни всемогущъ директоръ, однако не отдыхаетъ на лаврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ вѣчно находиться въ томъ же вооруженномъ положеніи, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями своего прямого врага—инспектора. По наружности они хороши между собою, но въ душѣ ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другого. Рѣшеніе самыхъ непріятныхъ дѣлъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполненіи подобныхъ комиссій, чтобы оградить себя отъ нарекавій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляетъ и отъ себя, на счетъ директора, какую-либо непріятность. Затѣмъ опаснѣйшими врагами директора являются тѣ учителя, которые болѣе другихъ пользуются довѣріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысломъ и безъ умысла даютъ замѣтить ученикамъ, что не одобряютъ директорскихъ дѣйствій и выставляютъ директора, какъ какую-то чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные поступки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безразличны; но они явились, какъ неизбежное слѣдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются незаконно возвратитъ себѣ то, чего незаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здѣшнихъ мнѣ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человекъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеромъ. Идаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успѣлъ сюда пріѣхать, какъ, подавшись вліянію романтической поэзіи и здѣшнихъ нравовъ, влюбился въ какую-то польку. Дѣвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросила его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ уѣхала въ губернтки къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, здоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службѣ: директоръ безпощадно издѣвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрѣнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здѣшней публики, и слѣдовательно, какъ преступленіе по службѣ. Выдержавъ это испытаніе, Трезвый сталъ избѣгать общества, сдѣлался желченъ, язвительнъ, недовѣрчивъ, и, наперекоръ своей фамиліи, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако в ней есть и светлая сторона. Бывают минуты, когда я вполне доволен своим учительским званием и не променял бы его ни на какое другое; этими минутами я обязан — моим ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько в ней благородных порывов! Право, удивляешься иногда, какъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліяніи пристрастнаго суда общества, и при тѣхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нерѣдко ставимъ ее къ себѣ, она успѣла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой вѣрный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежь, вышедши изъ гимназій, тотчасъ проникается понятіями и предубѣжденіями большинства, начинаетъ смотрѣть на вещи съ узкой, исключительной, точки зрѣнія здѣшнихъ сплетницъ, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базилианскихъ школъ, органистовъ и другихъ мѣстныхъ политиковъ. Я встрѣчался здѣсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназій, и мнѣ казалось, что примирительный голосъ вѣка и науки никогда не проишквалъ въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетѣ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университетѣ начинаютъ жить помѣщичьей жизнью.

№ 12. *Отъ студента университета къ ученику татаровской гимназій.*

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всѣхъ сплетенъ трехъ губерній — представляю себѣ, сколько тамъ у васъ разныхъ противорѣчивыхъ толковъ объ успѣхѣ нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вѣроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невѣжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслѣдованія о причинахъ малоуспѣшности учениковъ татаровской гимназій; другіе рассказываютъ, что мы на экзаменѣ удивили всѣхъ своими познаніями и развѣтѣемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успокоить на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о результатѣ нашихъ пріемныхъ испытаній. Смѣло

можешь сообщить ихъ, для опубликованія, старой пашнѣ Кунигундѣ или пану Герботовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разъигралась не безъ фарсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью всякій человѣческій расчетъ. Вопреки всѣмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній ~~каждаго~~ изъ насъ, приняты по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась, который самъ долго не могъ повѣрить своему счастью; не приняты же Булковскій и Щуцацкій, на которыхъ такъ много надѣялись наши учителя и всѣ мы. Миѣ тоже удалось выдержать. — — — —

Къ счастью нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можетъ служить пробнымъ камнемъ нормальности нашихъ убѣжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова намъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различеніе буквы: ъ отъ буквы е и запятой отъ двесточія. Но бѣда въ томъ, что въ гимназіяхъ рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преслѣдуютъ участіе этого органа въ отвѣтахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менѣе всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкѣ, пользоваться указаніями слуха, а пользуются ими только тѣ, которые еще въ гимназіи привыкли надѣяться болѣе на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послѣ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы ъ и е въ словѣ *темяга*, а Щуцацкаго доѣхалъ мягкій знакъ въ словѣ *тюрьма*, тогда какъ Михась, у котораго дѣйствію вполне развитаго слуха не мѣшало излишнее знаніе грамматики, не сдѣлалъ ни одной ошибки въ своей диктовкѣ.

Не понравился миѣ нашъ университетскій городъ: это смѣсь пустыни съ постояннымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здѣсь достраивается красивый домъ, къ которому тѣмъ не менѣе уже прибита дощечка съ надписью: «*сей домъ продается и снимается;*» за этимъ домомъ большое пустопорожнее мѣсто; за пустопорожнимъ мѣстомъ опять три—четыре дома съ неизбѣжною на каждомъ надписью:

«сеи домъ нанимается и продается», а тамъ опять пустырь или оврагъ. Далѣе, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустыни. На этомъ пунктѣ предприимчивый духъ караванной централизаціи побѣждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или топкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ. Зато перспектива хороша здѣсь вездѣ. Поднявшись, въ потѣ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ горъ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе рѣзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имѣется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здѣсь кетати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человекъ да не соединяетъ; но къ несчастію, эти естественно—разрозненныя части соединены въ одно гражданское цѣлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и доли изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворѣ, ты найдешь здѣсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проѣзжаго графа, и, какъ въ пустышѣ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостиницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ—гнѣздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народонаселеніе города постоянно измѣняется, какъ въ гостиницѣ. Въмѣсто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе подки гарнизона смѣняются новыми; на мѣсто прежнихъ пациентовъ Эскулапа, Минервы и Оемиды, поступаютъ новые. И между всѣми этими лицами внутренней общественной связи не болѣе, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здѣсь и театръ, и клубъ, бывають и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затѣя содержателя гостиницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здѣсь коренные жители, гдѣ они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоялыхъ дворовъ и проѣзжихъ. Развѣ одно только

можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь съ давнихъ поръ ведется человѣческая осѣдность, что въ основѣ караванъ—серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Заморки.

№ 13. *Примѣчаніе издателя.* Въ связкѣ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмѣ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помѣщаю здѣсь, безъ всякой переменны, и это письмо.

Ваше Высокородіе

Милостивый Государь,

Архипъ Спсоевичъ!

Въ письмѣ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высокородіе изволили обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о дѣйствительныхъ причинахъ бѣгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназій. По долгу службы и моею личною къ Вамъ преданности, потщусь оправдать довѣріе Вашего Высокородія и разскажу все, ничево не утаивая и не прибавляя.

Продовольствіе общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназій съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось нѣсколько подрядчиковъ—соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болѣе всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нѣмѣ бѣжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человѣкомъ несостоятельнымъ, и слѣдовательно ничѣмъ не рискованнымъ, кромѣ 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутыхъ условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ мѣсяцѣ производится перваго числа слѣдующаго мѣсяца, *по наличному числу учениковъ*, то есть, если, напримѣръ, перваго апрѣля, при уплатѣ подрядчику за продовольствіе въ мартѣ, въ общей квартирѣ было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получалъ только

за продовольствіе десяти, хотя бы, въ теченіи марта, продовольствовались и двѣсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотога разстроило его денежные средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно донести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смѣю увѣрить Ваше Высочордіе, что внезапное бѣгство подрядчика не имѣло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что втораго мая, то есть на другой день послѣ бѣгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впредь до приисканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственной частью вступилъ надзиратель Цановскій. Если до Его Превосходительства, Кузмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продовольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназій, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Что касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имѣлъ честь донести объ ономъ Вашему Высочордію по эстафетѣ, отъ 22 мая.

Въ-маѣ мѣсяцѣ сего года, заведеніе наше удостоилось посѣщенія его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высокопревосходительство изволилъ остаться вполне довольны, въ чемъ Ваше Высочордіе можете убѣдиться изъ письма надзирателя Михайлова къ его женѣ, которое при семъ честь имѣю приложить. Письмо это было вручено мнѣ, для отсылки на почту, вмѣстѣ съ гимназическою корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г-жи Михайловой, то я позволилъ себѣ удержать оное, для представленія Вашему Высочородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

Вашего Высочородія
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Ливейкинъ.

№ 14. *Письмо надзирателя Михайлова къ женть.*

Извѣсти, мать моя, Анна Семеновна, некогда миѣ было переносываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формѣ.

И у насъ не безъ грѣха. Къ концу учебнаго года въ пняхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ пняхъ полъ прогнулся отъ сырости. Все это было прикрыто, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тронаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; чернильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковского; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнулся полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство позволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго рашкира, о чемъ я всегда говорилъ господину директору.

Съ нѣкотораго времени у насъ неладно: ученики заводятъ свою сумбуршнцію; мѣсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ желаю.

№ 15. *Отъ надзирателя крюкославской гимназій, Арханкарманскаго, къ надзирателю татаровской гимназій, Цаповскому.*

Позвольте, многоуважаемый Амфлохій Аввакумовичъ, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназій о перемѣщеніи моемъ изъ крюкославской гимназій

въ татаровскую. Не безызвѣстно, вѣроятно, Вамъ, что у насъ восплѣдовала перемѣна въ начальствѣ. Господинъ новый директоръ фонъ—Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмѣстника, явно выражаетъ свое неудовольствіе мною. Между учителями завелъ буттерброды (1); но меня, равно и писмоводителя съ бухгалтеромъ, въ оныя не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я будтобы обманывалъ господина бывшаго директора, при дѣлѣ денегъ, собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ и переводы въ высшій классъ. По наущенію тѣхъ же недоброжелателей, господинъ фонъ—Лобенбрехъ возобновилъ дѣло объ оскорбленіи, нанесенномъ въ моемъ лицѣ надзирательскому званію. Словомъ, всячески тѣснить меня и прочитъ на мое мѣсто родственника здѣшняго аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родственникъ господина директора, статскій совѣтникъ, Лобенанбрехъ, по рекомендаціи ихъ общаго сродника, его превесходительства Ивана Ивановича Анцулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я рѣшился перемѣститься изъ крюкославской гимназіи, гдѣ новый начальникъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его высокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтѣннѣйшій Амфилохій Аввакумовичъ, оказать мнѣ въ семъ случаѣ свое ходатайство, за чтó, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь благодарить Васъ.

№ 16. Отъ адвоката Загоновскаго къ поселившемуся въ Татаровкѣ, бывшему адвокату Пржепіорковскому.

Прежде всего, любезный, спѣшу сообщить тебѣ новость, новость важную, радостную, новость, дѣйствіе которой на нашу братію шляхту можетъ сравниться развѣ съ дѣйствіемъ, произведеннымъ нѣкогда на народъ библейскій новостью о торжествѣ Мардохея надъ Аманомъ. Если ты еще не совершенно позабылъ священную исторію, то знаешь, кто былъ Аманъ и какія были его отношенія къ народу библейскому; если же наука ксеендзовъ шаровъ уже испарилась изъ твоей головы, то по крайней мѣрѣ имѣешь понятіе о той необыкновенной радости,

(1) Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумѣетъ, вѣроятно, ученые вечера, заведенные директоромъ крюкославской гимназіи, на которыхъ подавалась умѣренная закуска, сообщившая свое названіе и самимъ вечерамъ. *Примечаніе издателя.*

которую обнаруживают наши евреи, во время *пурима*, и которую ты ежегодно имѣешь удовольствіе чптать на лицахъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надѣюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебѣ вкусныя амаповы уши (1). Боюсь, что всѣ вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкѣ, затѣете своего рода пуримъ, когда узнаете счастливое событіе, послѣдовавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребѣ шампанскаго, а у васъ, отъ крпгу и толковъ, изсѣкутся языки; боюсь, что вы насадите всѣхъ лошадей вашихъ, разсылая гошцовъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи; боюсь, что, желая сдѣлать участниками въ общей радости и дѣтей вашихъ, вы позволите имъ цѣлую недѣлю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавпсь въ соображенія о связи этого важнаго событія съ политикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уваженіе къ нашему исправнику. Тогда мнѣ же бѣда: бѣгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводѣ вашихъ дѣтей въ слѣдующіе классы, или о примрениіи васъ съ исправникомъ.

Но, быть-можетъ, вы знаете уже эту несравненную новость, отъ 22 іюля сего года за № 777? Быть-можетъ, на этой недѣлѣ, въ Татаровкѣ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтѣ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можетъ, у васъ ручки потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили обѣ татаровскія мельницы; быть можетъ, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пѣли пѣтухами или чья-нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожидаіию столь же необыкновенныхъ событій, быть-можетъ, уже смекнули въ чемъ дѣло; жидовская почта, не уступающая въ быстротѣ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть-можетъ, уже успѣла дополнить положительными извѣстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то, на что, въ дѣлѣ новостей, можетъ рѣшиться изобрѣтатель-

(1) Амаповыми ушами называются здѣсь пряники, которые Евреи рассылаютъ другъ другу и христіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. *Примѣчаніе издателя.*

ный умъ панши Куингуиды, то не мѣшаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебѣ безъ приготовления, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстроить первы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопись сообщить ее другимъ, не выбѣги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777—еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную—распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ, Кузьма Демяновичъ. получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получилъ другое назначеніе,» быть-можетъ, еще болшея понимать. «Получилъ другое назначеніе» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мѣсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спѣшу увѣдомить васъ, что на мѣсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старшій знакомый. Во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ только извѣстны почтенныя званія судей, адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благость и мудрость законовъ, сами по себѣ, а злость и глупость ихъ исполнителей сати по себѣ; изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ образованномъ мірѣ характеръ управления во многомъ зависить отъ личности главнаго мѣстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначеніе къ намъ графа, мы должны считать истиннымъ для себя благодареніемъ. — — — — —

Что касается перевода дѣтей твоихъ въ слѣдующій классъ, то, не смотря на всѣ старанія, я не могъ устроить этого дѣла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обонхъ въ среднемъ выводѣ $1\frac{2}{3}$. Эти математическія выраженія, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значать, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развѣ представишь медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть выражено, что дѣти твои были больны именно во время производства годичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ перепытанію. Только, въ такомъ случаѣ, прежде всего надо позаботиться на мѣстѣ, чтобы перепытаніе было удачнѣе испытанія.

Если ты имѣлъ терпѣніе дочитать мое письмо и не побѣжалъ еще разгласить по мѣстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, потерю, не выбѣги безъ шляпы и вообще сохрани должную умеренность. Помни этотъ совѣтъ и не забывай твоего скрепленнаго друга.

№ 17. *Отъ Софьи Строинской къ губернатору почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Ты знаешь, безцѣнная Констанція, и мои чувства, и мои убѣжденія: скажи, посоветуй, что мнѣ дѣлать? Я растерялась, сердце съ головою въ разладѣ; совѣты близкихъ мнѣ такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорѣчивы. Какъ мнѣ отвѣтить Тропову: да или нѣтъ? Сказавши *да*, не измѣню ли я другимъ моимъ обязанностямъ? Тетушка Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Раща, бывшаго ученика здѣшней гимназій, которому, кажется, я нравлюсь и который еще болѣе нравится тетушкѣ. Еслибы не различіе вѣры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дѣтства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцѣнный, уничтожь мои сомнѣнія, успокой меня, скажи что дѣлать мнѣ?

№ 18. *Отъ Констанціи Подлипской къ Софьи Строинской.*

Ты избрала, дорогая Соня, судьбу не безпристрастнаго. Помнишь, года два тому назадъ, я сама была въ твоёмъ положеніи, сама испытывала твою борьбу, твои сомнѣнія. Въ то время и мнѣ внушали, что я не вправе сказать—да, и однако потомъ, когда я сказала—нѣтъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Вѣрь мнѣ, дорогой другъ, лучший судья въ этомъ дѣлѣ—собственное сердце. Голоеъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бѣдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ мнѣ право пожертвовать его чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Вѣдь Богъ одинъ. Что думаю—я сказала; что дѣлать тебѣ—рѣши сама.

О корнетѣ Ращѣ замѣть слѣдующее: часть его эскадрона размѣ-

цена по квартирамъ въ нашей деревнѣ, и онъ часто у насъ бы-
ваетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень
неравнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болѣе,
какъ кажется, къ ея приданому. Но—*за wysokie progi na jego nogi*
(высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго,
къ учителю носачевской гимназіи, Навиному.*

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ
административныхъ сферахъ, тѣже тенденціи, таже заботливая опека;
вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладѣлъ духъ высшихъ
соціальныхъ теорій и стремленіе къ уясненію міровыхъ общественныхъ
вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мѣстные интересы, а
общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы вѣруете въ обнов-
леніе человѣческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смот-
рите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ
трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ по-
вымъ номеромъ, ждете извѣстія о благополучномъ наступленіи вѣка
фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родѣ
человѣческомъ, со временъ грѣхопаденія до дисей господина Фурье.
Блаженъ, кто вѣруетъ. Оно, разумѣется, пріятно, благоденствуя подъ
кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмѣстѣ съ мосье
Жакомъ, *à la recherche de la meilleure des républiques*; жаль
только, что подобное препровожденіе времени порождаетъ въ васъ
превратные, по моему мнѣнію, вкусы и понятія. Пожалуй, нѣкоторое
причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципація прекраснаго
пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и,
если хочешь, вещи въ порядкѣ вещей; но зачѣмъ, напримѣръ, вслѣд-
ствіе тревоги по дѣламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на воен-
номъ положеніи, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искус-
ство—не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общест-
венный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній ис-
кусства болѣе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія.
Не спорю, во всѣ времена, начиная отъ вѣка царя Викромадитіи и
поэта Калидасы до вѣка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ
последнихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нѣкоторое поползновеніе къ облизыванію чужихъ блюдъ; однако и вѣкъ Кромвелей имѣлъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнѣе ли поэтому было бы сказать, что вѣкъ величія гражданскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ поэзіи; что упадокъ искусства—вѣрный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственности призвана къ разрѣшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитѣйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкѣ ему общепользныхъ и душеспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тѣмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, вѣроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопросовъ, производитъ эффектъ лѣсопильнаго завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя новелла, о любовныхъ похожденияхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебѣ нѣсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ инспекторъ, рискуя спипою, пытался разрѣшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разрѣшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случаѣ, разыграла тетушка невѣсты, мадамъ Щупальская, одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здѣсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: *na kapitale siedzi, a z procentow zuje*. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинею.

Но интереснѣйшая новость—это назначеніе къ намъ новаго директора; прежній, бѣдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфетами. Сначала, говорить, предполагали назначить къ намъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетскіе сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого-то господина, который, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, находится теперь въ положеніи пирожника, тачающаго сапоги.

Въ сѣрогорскую гимназію назначенъ тоже новый директоръ. Этотъ

последній разсматриваетъ, говорятъ, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съ жизнью. Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что если чаще будетъ являться въ гимназію въ егерскомъ костюмѣ, нежели въ форменномъ вицъ-мундирѣ, то въ публичкѣ и ученикахъ возбудитъ болѣе довѣрія и симпатіи къ себѣ и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожалѣнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ имѣлъ до сихъ поръ вліяніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. *Отъ Эльвиры Щупальской къ Темиръ Гузицкой, въ С. Петербургѣ.*

Помнишь ли, дорогая Темира, кievскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ коринфскаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія нашей молодости и твою подругу Эльвисю? Какъ все пзмѣнилось теперь! Тебя счастливый случай привелъ въ Петербургъ, гдѣ твой умъ и красота были оцѣнены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществѣ; я, послѣ смерти нашей благодѣтельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу моихъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкѣ — ничтожномъ мѣстечкѣ. Но и здѣсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я рѣшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здѣшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найтись въ обществѣ, а жалованья не стааетъ и на хлѣбъ насущный; между тѣмъ, здѣсь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатѣ и кружевахъ, разъѣзжаетъ себѣ въ коляскѣ. Темира, дорогая Темира! Именемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для Тропова: доставь ему мѣсто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здѣшняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургѣ и твоему вліянію, ты можешь это сдѣлать. Ты все можешь сдѣлать. *My rzqdzim łwiatem, a nami kobiety* (мы управляемъ міромъ, а женщины — нами).

Тебѣ только стоить сказать, чтобы написали нѣсколько словъ

въ пользу здѣшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здѣшняго округа. Здѣсь, покрайней мѣрѣ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый сѣверъ не могъ охладить твоего вѣжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдѣлать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надѣюсь на твое участіе и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, утромъ, лишь только я вошелъ въ инспекторскую, мнѣ дали знать, что татаровскій почтмейстеръ проситъ меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дѣлу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цановскаго, я поспѣшилъ къ почтмейстеру. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня вопросомъ: что у васъ случилось?—Ничего, сколько мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ я.—Какъ—ничего,—возразилъ Иванъ Петровичъ:—пѣз-за-чего же эта суматоха: всѣ ваши учителя и чиновники, въ томъ числѣ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили по нѣскольку писемъ. Это не безъ причины.—Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовѣриться.—Мы удостовѣрились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всѣхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти однимъ и тѣми же словами: именно, во всѣхъ письмахъ заключалось извѣстіе о воспослѣдовавшей перемѣнѣ формы, съ изъясненіемъ особеннаго удовольствія, по поводу форменныхъ сюртуковъ.

№ 21. *Отъ учителя носачевской гимназіи, Иванова, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.*

Состояніе педагогич. и социальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два коррелата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкуренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привилегією. При отсутствіи конкуренціи и безъ атрагирующей силы привилегіи, монополія можетъ парализовать интеллекту-

альную дѣятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дѣятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принципа. Ясно, количество гонорара составляетъ главный элементъ педагогической привилегіи, поэтому и главный нервъ педагогической дѣятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побѣдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорятъ, вопросъ этотъ первоначально былъ поднятъ на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательнаго фаза своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь инициативы, громадное значеніе самого вопроса вытѣ всякаго сомнѣнія. Оптимисты наши поднимаютъ проектированный гонораръ до непривычной цифры; пессимисты выставляютъ фантомъ бюрократической развязки; умѣренные болятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретрограднымъ рѣшеніемъ вопроса. Я полагаю, что переставивъ этотъ вопросъ изъ сферы гувернаментальной въ сферу общественную, то—есть, признавъ въ рѣшеніи его компетентнымъ судьей само общество, можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, было бы слѣшкомъ поспѣшно доводить автономію общества до предѣловъ супрематіи; но согласенъ, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случаѣ только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести рачіонально—опредѣленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Здѣсь неумѣстны ни скрупулы рутинистовъ, которыхъ идеаль въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеаль и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить нѣкоторую децентрализацию соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случаѣ, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измѣнить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скорѣе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе *in statu quo* угрожаетъ обязаннымъ дѣятелямъ всеми бѣдствами пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль

играют наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣ жениться.

№ 22. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Паивному.*

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно понялъ, о чемъ ты въ немъ говоришь и что хочешь сказать. По прочтеніи твоего письма, я сталъ ясно понимать только одно—сказаніе о смѣшеніи языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мнѣ мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумѣніи выразиться, а въ злоупотребленіи таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цѣнилъ въ тебѣ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владѣть перомъ на всѣ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манерѣ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету письмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болѣе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мнѣ удобопонятнѣ употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мнѣ извѣстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелятовъ съ постулатами, социальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ въ центрѣ и изолирующихся на периферіи; но какой точный смыслъ твоихъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что значать поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ всекеля) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы,—рѣшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмѣ своемъ ты разставилъ, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова: ясно, очевидно, разумѣется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладѣть мрачная мысль, что—либо въ моей головѣ не все благополучно,—либо въ твоей.

Скажи, сдѣлай милость, Иванъ Андреевичъ, навѣиѣмъ какого демона ты вдругъ заговорилъ такимъ тарабарскимъ языкомъ, съ какихъ поръ и въ слѣдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій переворотъ? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формѣ, такъ подѣйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движеніе бумаги и типографскихъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видѣли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только всѣ саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передѣлывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одолѣла нашей природной грамматической конструкторки. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смыслъ. Другъ ты мой милый, это не прогрессъ, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ смѣтныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе такъ-называемаго общественнаго организма. Слыхалъ я, что, вмѣстѣ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случаѣ, полагаю, честь инициативы принадлежитъ не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человѣкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,—умѣетъ, въ случаѣ нужды, наборомъ глупыхъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорѣчія, о которой не упоминается въ твоёмъ руководствѣ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независимая, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснорѣчій на языкѣ времени смѣшенія языковъ такъ же неопасны, какъ и томы некоторыхъ книгъ, покоящіяся на полкахъ университетскихъ библиотекъ, для поддержания бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можетъ, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого краснорѣчія, которое, какъ свѣтъ, выставляется на удивленіе Европы,—какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дѣло. Но, въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферію, а смѣло и рѣшительно сосредоточиться въ центрѣ.

Если не ошибаюсь, въ письмѣ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкѣ жалованья. Дай Богъ, чтобъ это случилось, какъ

можно скорѣе. Что же касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всѣ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имѣетъ объективную реальность и то только вѣрно, что будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случаѣ, пришли мнѣ неводокъ и хорошую складную удочку, со всѣми къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Куцаго. Въ здѣшнихъ мѣстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Логика школы Кузьмы Демьяновича была неколебима, риторика — сильна, философскія начала этой школы внушались намъ, подъ руководствомъ Спиридоновъ Павловнчей и Архиповъ Спсоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дѣйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и поверхностно. Лишь только новое начальство посмотрѣло на воспитаніе съ другой точки зрѣнія и последовали нѣкоторыя измѣненія въ учебной администраціи, какъ все гимназическое сословіе, даже въ своей частной корреспонденціи, заговорило на другой ладъ и, сказать правду, заговорило на этотъ новый ладъ съ большимъ убѣжденіемъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь вѣкъ свой училось думать и говорить въ школѣ какого-нибудь парламентскаго лорда, а не въ школѣ Кузьмы Демьяновича. Гимназическую переписку, относящуюся къ этому послѣднему времени, я намѣренъ издать особо.

И. Лпнейкинъ.

ХУРТОВИНА.

«А що, Пётре, чи далеко заїдемо? бачь яка хуртовина, бачь якь куєвдить! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажь коней збиває въ дороги... Дивись, якь стреляє у видь, — чи воно крупі, чи хто ёго зна?... Ажé ти не забудь, Трохиме, якь нище, мабуть, літь тому шість, ми блудили съ тобою за Деπτівкою; тоді приходилось такъ, що трохи душі не рішились... Приїхали у Деπτівку, уже смеркло, а хуртовина такъ розгулялась: крутить да стріхи рве, следе, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, щó теперь! Виїхали ми за Деπτівку а темно стало, хотъ би що дрючкóмъ потягнуло, то не вглядівъ би; якъ убрались ми у долину, такъ конямъ по чéрево, — тільки уши видно, — такъ-тільки: плигъ, плигъ, плигъ! насилу ми вибрались изъ тієї долини; а воно, въ-ночі, хотъ яка маленька долинка, стане такъ якъ велике провалля. Вїбрались ми, поїхали, — хто ёго знає куди и їдемо; а тутъ такъ приїкає! — то було по вітру угадаешъ куди їхать, а то такъ якъ заморóчило; та сбились ми на Коронецькій шляхъ, — дивимось, ажь люде їдуть; ми тоді давай гукать на їхъ: «скажіть, люде добрі, куди дорога на Понори?» — «Э, се ви не туди попали: дорога осталась сзади!» Дакъ ми давай їхать за ними, та й переночували у Коронецькій; отъ, я, съ того часу, и зарікся, — ні въ світі не поїду у-ночі, якъ хурія на дворі, бо трохи не наложили головою.

«Ті! ёго, вражого сина, — якъ стреляє у ліву щоку! Давай лишъ сяду за вітромъ! (Пересівъ на правий бікъ розвальнівъ, — звисивъ ноги) О теперь трошки затишній буде. Надержуй, Петре, оглобельну у ліво, бо вітеръ все збиває у-право!... Ну, вже, учора померзли руки у мене! Колибъ не стидно, тобъ и заплакавъ; якъ потеръ снігомъ, дакъ нище й лучче... Дивись, дивись, заецъ, заецъ! отже, дорогу перебігъ: катя, катя, га-га, га-га! бачь, и перебігъ! Кажуть, буде якась притїчина, не тутъ кажучи... Дивись, — и сивъ! щó-то сучого сина за звирь! бачь, и не боїтця; а якъ-би було ружжя, тоді-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звірь. Нащо ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишь; а піди зъ ружжямъ, — такъ, бсторонь, одъ тебе усе и піде.

«Ні, да й припікає! учора руки помёрвали, а сёгодня ноги... А ти, Пётре, змерзъ?— Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитьця зъ дороги, бо такъ у слідъ и заміта, и сліду не видно! Уже, підъ таку хурӯ мовъ у димӯ усє: и млинъ тобі здаеця такимъ чуднимъ, и дерево мовъ манія яка встала, — такъ и нависло, мовъ на тебе хоче падать. Нема въ світі, якъ літомъ! Хоть и на-полі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и рѹба сухого не буде, — порозві-шуешъ одѹжу, пригріє сонечко, — не знать де й дїлось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и протї-ночі виїдешъ, — тїлько півень заспіває — и не бїйсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь недуже вештаеця; самъ перехрїстисся, перехрїстишь дорогу, та й їдешъ смїло.

«Дивись, Пётре, онъ щось чорніє?» — Да то нєхворощъ, здаеця! А ми якъ їхали у Конотіпъ, передъ Миколаємъ, — подушне, правда, во-зивъ, — їхавъ я, та ще Санбїрскихъ чоловіка два, вїхали за Сан-бїрць; сижу я собі, — тїлько стали доїздїть ось до первого ярка, — зиркъ на-бїкъ, дивлюсь — два вовки, такъ якъ двї тичини, стоять; ми на їх: тю, тю, тю! а вони, хочъ би тобі зъ місця рѹшили. Покійний Лисько (уже було якъ їдешъ изъ пимъ, дакъ не задрї-маешъ, якъ стане розказувать, може щб збреше, а щб й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладко не розкаже, якъ вінъ було збреше: уже чистобрєха бувъ покойний!) розказувавъ, що у вовківъ єсть свїй богъ — *Риторїй*, каже. Пасли пастухи, а далі пішли у лїсь, дивлятця: стїйло збито коло дуба; щб воно за-знакъ, що коло дуба такъ стопцєвано? А одинъ парубокъ и обїззавсь: щб дастє? я переночую на сімъ дубї! Отъ, злізъ на того дуба, узавъ — привязавъ себе поясомъ до дерева, та й сидить; тїлько такъ, якъ у глупу — нічъ, приходить чоловікъ у білому одягу, поназбїгалась сяла вовківъ — вінъ и давай дїлять: ти піди тє візьми, ти піди, — тє, ти піди до удовї — у неї одно поросє, да й тє візьми. Остаеця старий: а тобі тє, щб на дубї! — Розсвіло, това-риші и приходять. «Отенерь же, пропавъ я!» — якъ? — Вінъ и розка-завъ імъ усе. — Да ну, годї, чбр-зна чого боятьця! — Стали почувать на другу нічъ; узали — полягали усї головами на того парубка; уста-ють у ранці: тїлько одні кістки валяютьця; звїсно — сѹжене: не чуєцца, якъ тебе й розїрве, и другї не почувють. Вже на-щб, годївъ тому

три, поїхали ми зъ батькомъ за копами на-нічъ, вїхали до Корсунки, наложили ячмєню на візъ, (та й ячмїнь ще добрий бувъ тоді); коровї пасутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дому; батько жъ заснувъ, а мїні усе не спится, уже я повертавсь и сюді, и тудї, — ні! Слухаю, коли коровї чмишуть; я вставъ, бстрахъ менє такъ и взявъ; дивлюсь — нічого не відно, а корови все чмишуть; я тоді до батька: тату! о, тату! тату! чи ви спите? — А чого? Та поїдьмо до-дому, щось корови не їдять!» — То й запрягай, и поїдьмо. —

Запрягли; на вóзі положили півтори ячмєню (та й ячмїнь же добрий!) а вони такъ идуть, такъ идуть; проїхали, такъ-сказать, гóнівъ зó двое; стали, ось, такъ якъ противъ Гóлубовой-верби, — тільки воно: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а мїні зда-лось що дїяконъ стереже конопєль, та книжку читає, — такий синь, коли брешу! Се, кажу, дїяконъ стереже конопєль у полі; дакъ, видно, читає книжку, щобъ не скучно було. Тільки воно зразу: ме-ме, ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий дїяконъ! а вовки напали на теля, — що тутъ-же и люди ночували! — сказать-що коло сáмого вóза звїли нáзїмка живого: — такъ якъ укусне одинъ, то воно тільки: ме! другий кусне, то воно — ме-ме! Такъ живого и звїли. Батько каже: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ побоялись. Уже якъ гуртова скотина, дакъ ні вь вікъ-вїчний не візьме вовкъ; скотина становитця задами у середїну, а кóні мордами у середїну; и свинї гуртової не візнуть. Покійний дідъ, Микїта, розказувавъ, що набїгъ вовкъ на табунъ гуртовїхъ свиней; вони його якъ напьяли, одна и попїнила: дакъ того вовка и розпрвали другї вовки.»

— Постої, Трохїме, и я тобі розкажу: ище покійний мїй батько бувъ живий, — поїхали ми на гречку орать; орали ми у Сїдковїхъ-мóгилокъ; стали ночувать, волівъ поодпрягали да й полягали. Тільки ставъ я очима зводить, чую щось: хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, хрьо-хрьо; я підвівсь, — дивлюсь: такъ якъ гóнівъ двое сидить свиня на заднїхъ ногахъ, а воно — щось якъ розженєтця, да якъ витягнетця, да такъ прожогомъ до свинї, — то вона тоді — хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, та до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ поженєтця, воно тоді назадъ, зогнетця, да скорчитця, да тоді, впьять, якъ випрямитця, та до свинї, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о, тату! чи ви чуєте, що воно такє!» — Да то лисиця граетця изъ свинєю. — Дакъ и не абї-якажъ и свиня: — нічого и не вдїявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вовкъ; се я тобі не

казавъ, щобъ ти не лякавсь. — А вона, сучого сина свиня, одбіглась одъ черідки. Якъ би вовкъ піни не боявсь, то вінъ би її не помилувавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперъ прямо, у пику. Постой лишъ, здаєтця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобелю, бо такъ и збиваєтця. — Уже воно якъ чоловікъ розумний, то любо й словомъ перекинутьця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була въ мене кобила ворона, — пусти їй віжки, сама такъ и простує, а де була разъ, туди такъ и верне, — вже не забуде, ні въ-вікъ.» — Ти кажешъ, Трохиме, кобила: — нащó заєць — явій! піди ти одури ёго: — якъ тільки думає лягати, такъ слідъ и заплутає: попута, попута, та тоді ступнівъ на п'ять и перестрибне, и зарвется; або птиця, отже — яке хитре: пішли ми торікъ у леваду зъ Тарасомъ; тільки утка дика лопь-лопъ-лопъ, крилами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дітей, да тоді знялась, да й полетіла. Не лихого жъ батьга, яке хитре! засміялись ми зъ Тарасомъ, да й пішли. —

— Зайця тільки ноги ратують, — каже Петро: — кого вінъ не боїтця! и чоловіка, и вовка, и лисці. Разъ ми поїхали у лугъ, — тільки їхъ шість чоловіка вовківъ, якъ напьяли одного зайця: одинъ біжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-отъ нажене, отъ-отъ нажене; отъ, заєць у-бікъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовкъ зайця не дожене, — хіба тагъ, лежачого нагіба. — Заєць, кажуть-би-то, наміривсь утопитця: піду утоплюсь, каже, ніщó мене не боїтця; піду самъ собі смерть заподію — утоплюсь у морі. Прийшовъ до моря; тільки жаба — плигъ! злякалась, та въ море. «Отже, вернусь: годі топитьця, — есть таке щó й мене боїтця.» Щó отсі стрільці їхъ перенівечать! Оралн ми зъ Лиськомъ надъ гайкомъ; тільки два стрільці їздять, та й їздять. Тільки десь и назóрили зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; вінъ такъ якъ димъ, — такъ и котитця, да прямо на мене. Я истикъ наготовивъ, — думаю собі: якъ порівняєтця, такъ ёго и вчищу. Не вспівъ и окомъ змигнуть, вінъ такъ по підъ ногами и шамнувъ. Отакъ, каже Лисько: упустивъ сокола зъ рукъ.

«Ти кажешъ, Пётре, що самий плохий звірь — заєць; надъ вівцю нема й пліхшого. Сміхъ та й годі: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я — тю-тю, тю-тю, тю-тю! а вінъ не слуха, — тагъ и кинувсь до баранця; ватага у-ростичъ, баранець проти ёго: тупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горло, скинувъ на спину, да й помчавъ. Вівчарі за нимъ: тютю, тютю-тютю, тютю-тютю! дакъ вінъ такъ и подався до Тимошенкового ярка.

«Отже й Саранівка! (Спустился у яръ) «У яру заравъ и потіхшало, и вітеръ не той. — Привертай до шинку: нехай коні духъ переведуть, а ми трохи погірємось. Отó замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже здрастувать! — «Ну, да й пить-же хочетця.» — «Не пий, Петре, води, — випий лучше горілки! Я звиривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки випьешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! вінъ не розбіра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивнсь, и не минетця ёму, черезъ тѣ такъ часто и занепада. Бачъ, у шинку якъ замурувало вікна!.. А дѣ твій чоловікъ, молодиче!» — У мене нема чоловіка — Бачъ, и вклепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та дѣ-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохиме: нерано. Якъ би давъ Богъ на-нічъ у Депаівку.» (Виїхали на Степокъ.) «Отже, хуртовина и не здаетця.» — «А куди поїдемо?» — Паняй побіля могили... Ти кажешъ, Петре, заецъ хитрий? Надъ лисицю нема, мабутъ, и хитрішого звіра! Іхавъ я у восені, — да не самъ, а зобралась валка чимала. Я дивлюсь — коли лисиця біжить; тільки зўздріла насъ, такъ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Датоввиділось тобі, такъ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, такъ и попріягали. Якъ тільки ми поминули, — вони тоді повставали, да такъ, стопá-въ-стопу, и біжать. Я тоді: а щó, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ми зъ Тарасомъ нагібали норú лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бікъ, а потімъ прямо, а далі впять зверне; чуємо, щось хропе; оце, думка така, лиснята; — докопались, ажъ тамъ кубло, такъ якъ собаці повернутьця; дивимось — ажъ тамъ два іжакі! Я, зъ серця, узявъ та й побивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царѣнкови лиснятъ; вона, по сліду, и дійшла, ажъ до самої хати, — та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисня прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь, — та якъ учістить істикомъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напругла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьапому чоловіку, у ночі, частій усёго лучаютьця приведенці; чоловікъ якъ

не п'є довго, та зразу почне пить багато, то ёму, що-небудь, и привидитця. Ажé ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперь, тверезий, якъ сёгодня знаю, на масниці,—уоставъ у ночі,—бачу—вітеръ;—піду,—кажу,—пуцу млишъ. Вийшовъ на гору, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворянскою пивою; — чую, грімъ загремівъ! зімою, та грімъ загримівъ? Дивлюсь—змій тагъ и розспавсь искрамп, да й упавъ у Лепурчичному саду.» — Да вінъ, кажуть, часто сідає тамъ,—обіззавсь Петро. «Уже я злякавсь тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Ніколі я не зликавсь такъ, якъ позаторікъ,—каже Петро. Шпвъ чоботи у дворі; літомъ, дагъ лубка нестало: побіжу,—кажу,—до-дому, та візьму лубка на за-кабуки. Біжу собі,—тільки зъ конопель вовкъ, проти провалля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и полізло въ гору. Я тоді на дівчатъ: (а дівчата у Гудевіщичні тютюшъ підбивали)—Дівчата, ось вовкъ!—Дё?—Ось!—Вінъ такъ и прянувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний дідъ живий бувъ. Поіхали гречки влязати; у ночі, я коло дітей,—коли дідъ прибігає: «тікайте, діти, на візь!» Узлявъ, та й посажувавъ на візь. А нічъ була місячна. Тільки-що посхóплювались ми на візь, ажъ табунъ коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Мирнівъ яръ; тіжъ погнали, а одинъ перебігъ навперейми, та й засівъ;—якъ тільки порівнялись коні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за горло, такъ и повалівъ! и почали тутъ їсти. Корній да Їванъ, побачивши, узли—віхтівъ навязали изъ соломп,—отсе запалть, та до їхъ: то вони назадъ отбіжать ступнівъ двадцять, да тоді постають, та зубами—кляць-кляць-кляць!.. Отже, ноги стали промерзати, — давай прбїдемо.

«И Санбірські млині уже манячять! Якъ собаки гавкають! чи не пробіраетця до овецъ собачий дядько... А ну, сідай! лучче ранше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Конопляний! — якъ сяде, та якъ почне гўтарить, и тебе пришанує и конямъ сіна пб-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу вáлява:—лучче рано встанемо.» — А куди поїдемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Панай прямо!» — Лучче поїдьмо кругомъ: хто кругомъ їздить, той дома почує. Ажé, якъ питали жінки, чи скоро чоловікъ приїде: якъ поїхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ навпрошки, то хйба завтра.

«Вжежъ, якъ придемо до діда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі попаритьця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотієшъ, то все минетця, и здоровъ станешъ.» — А я люблю, — обізавсь Петро́, — долі, на солومی: долі, кажуть, дві волі, и рука и нога спить... А вставай, Трохиме, та одчиний ворота; на пугу одъ собагъ! — (Собаки такъ и гунули, та впьять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця, — такъ и ховаютця.» — Отже, щось иде, — каже дідъ Ничпоръ. — А вийди, Секлето! — «Та се, якісь люде приїхали, — за хвижею и невидно.» (Убїгла Секлета, та заразъ и скочила на пічъ гритьця.)

«Обтрусил мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у синахъ.) — А Гривко ажъ двері гризе. — «Добровечіръ, діду!» — Здоровъ! — (Дідъ придивляецця) — Се ти, Трохиме? бачъ, я й не пізнавъ! «Пустіть ночувать!» — Добровечіръ, діду! — Здоровъ, Петре! скидай кобенякъ. — Ну, дай хуга жъ! и світа Божого невидно... Підъ таку хвижу не одно одубіє, не тільки пьяне, а й тверезе. — Роспрягайте жъ коні, — та отамъ, у клуні, сіно. —

«Иди, Петре, роспрягай, а язъ дідомъ табаки понюхаю... А дай лишъ діду табаки.» — Біжи, Марку, до Тимоша́, позпчъ табаки. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табаки...! Устанешъ у ночі, сядешъ на припичку — отсе мое місце, — разівъ десятокъ понюхаєшъ, и мислі розибьєшъ; — звісно, старому не спитця, а друге те — и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачкі!» — Бачишъ, Трохиме, — одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та и въ насъ, сю зйму, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

— Не чого й вовки ходять у село, — почавъ дідъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать, — а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договоръ зъ вовками, щобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бачъ, вони не будуть ходитъ у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схованку, котамъ, а коти мишямъ, а миші, возьми, та и ззіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердятця, а коти на мишей, — а вовки все-таки ходять у село; якъ тільки собаки скажуть вовкамъ: а чого ви ходете у село? ви жъ дали росписку! — дакъ вовкі и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, выпрігши коней.) «А щб, постановивъ коней?» — Постановивъ, діду! — И сіна підложивъ? — Підложивъ! — А, ну, лишъ, стара, чи буде намъ щбъ вечерять?... А моя стара да хоче мене поквнуть!... — Якъ-то, діду, — каже Трохимъ: — я заходивъ до тебе у

хату, ідучи у Коногіпъ, — дакъ баба журилась за тобою: «поіхавъ», каже, «мій старий, — колибъ не змерзъ, бо на-двѣрї хурá піднялась.» — Тѣ вона при людяхъ такъ каже. — (Усміхнувся Ничипоръ, да й поглянувъ на стару.) — Ти вже зъ жартами своїми, старий!... — Усе у людяхъ: учора гребенівъ вводили, а сѣгодні веретена запрядали, — видно, хоче собі молодого підчипити. — (Зареготались усі.) — И почавъ витрибінковати! узявъ би лучче та людей почастувавъ. — А ну лишъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стілъ; клади хлїбъ, ложкї, та станови борщъ. — (Дїдъ бере пляшку, чарку, и насипá.) — Пий, Трохиме! — У хазяїна у рукахъ, у хазяїна и въ устахъ. — Будьмо живї, та Богу милї! — (Випивъ дїдъ.) — Колясь и дешевша була горїлка, та мїцнїша... Нехай же въ гѣродї, що подешевшала, а въ насъ и подорогшала, та погана така: инодї ажъ кисла, ажъ живїтъ обдїма: тїлко звáніе, що горїлка. — (Сказавъ и сплянувъ дїдъ.) — Ну, пий, стара: гостї будуть та й пїдуть, а ми съ тобою вїкъ зжили! — (Почастовавъ дїдъ Трохима, а потїмъ — Петра; посїдали за стїлъ.) — А ну лишъ, стара, чоловікъ на днїй нозї не ходить, а на двохъ: наливай лишъ по дрўгїй! — Пошли, Боже, вїкъ, здоровье и спасенїе! — (Випила сама, — тодї старого почастовала, а тодї вже гостей. Поїли борщъ.)

— Подавай іще тамъ, що є! Выпий три, да й усї протри, пословиця гѣвѣритця; наливай лишъ по третїй!... — Чому ти, дїду, кобили не перемїнишь? У мене уже, пїсля тїеї, що на Чѣсного (!). купивъ, — дрўга. «А на що мїні перемїнять? Мїні кобили не гризти. Мїні, якъ и ся возить, дакъ и дѣбра.

(Повечеряли, випили на-потўху, стали дякувати:) «Спасибї Господу-Богу, Матерї Божїй и всїмъ святїмъ, за хлїбъ, за сїль и за вечерю; и тобї, дїду, и тобї, бабо, и тобї, Марку, и тобї Секлето!» — Богу милосердному! —

— Дакъ ти, дїду, їздивъ у Мельню?

— Та їздивъ: купивъ тамъ дощогъ съ пьятъ! Думка така, — якъ прїдетця помїратъ, дакъ нї-сь-чогѣ буде и домовини збитъ. Я вже домовину готую, а вона, не бїйсь, молодого собі шукае...

— Стелїть соломи: хто ляже долї, а я на полу, а ти, стара, на печї... «Та же-жъ!» — Баба тодї й хвабра, якъ на печї. Подавайте сюди онучки, та ўстїлки, яїположу на вѣмнї, то вони висохнуть. —

(!) На Чесного, значить — на Воздвиженїе.

(Помолились Богу, полягали де-кому припало.)—Тушінь же й каганець.—

Трохимъ и Петро такъ и захропли, мовъ побиті; а тамъ, заснувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ п'ять табáки. А хуртóвина все завиває, та порошить у вікна; вже й людъ, утихомривсь, а вона все насвистує, та все дёрготить вікнами. Спить людъ Божий, кому припало тепло; а инший, у кого думка думку пошибає, той и не спить, та повертуєтця зъ боку-на-бікъ; та не спить той, кого застигла хвижа, у полі: хўкає собі у руки, та стукає ногами, повертаєтця зъ своєю скотиною, мовъ той червякъ у кучугурі; ажъ заспа лась Булана, та повёртуєтця у заметахъ,—поспішаєтця до-дому, бо и ій хочетця у затишку, у хлівці, задрімати. Уже й собаки не чутно на селі, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраєтця для своєї поживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тільки зайчичокъ-стрибайчичокъ, обгризує молодіі пáгонці на вишняхъ, да й той козирить ушима, щобъ не попастись у слопець. Заспівали треті півні; уже старий устававъ тричі, посидівъ на припичку, понюхавъ табакн, та й оп'ять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а тутъ и бабина унучка заходилась плакать; заворушились усі. Уже и Трохимъ прокинувся. — А що, діду, чи унишкла хуртóвина?—Та унишкла: уже тихо стало, и морозець малий; після хуртóвини, на дощъ перевелось; а передъ-світомъ морозець ухопивъ. Теперъ такъ, якъ листовнимъ жалізомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, спилась Тимошенкова Настя,—озвалась баба:—здаєтця, я бачу, що у її дворі огонь: такъ поломья и піднімаєтця, и піднімаєтця стовпомъ; а потімъ—димъ! такий димъ, такий димъ, да кучерявий—такъ и качаєтця по землі.—Кажуть, буде якесь диво,—обізвалась Секлета.

(Засвітили каганець; де хто лежить; Секлета на гребні пряде.)

— Скілько не лежать, а треба вставать,—каже Трохимъ.—Пора й до-дому братьця. —

— Чого ви такъ поспішаєте? Іщєбъ поспідали, —каже дідъ.

— Та спасбі! Істи не хочетця.—Прощавайте жъ!

— Спасбі-жъ вамъ за хлібъ, за сіль, и за вашу ласку! дай, Боже, вамъ здоровья! —

— Богу святому дякуйте!...

Степанъ Нісць.

Село Поворя, Черніговського повіту. 1860.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

Помѣщаемыя въ «Основы» *Письма о Пчеловодствѣ* взяты изъ полнаго сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, *Як. Пав. Костенецкаго*, вполне изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любимую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, *Письма о Пчеловодствѣ* представляютъ замѣчательнѣйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакція «Основы» приобрѣла все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною книгой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помѣщаемыхъ *трехъ письмахъ*, г. Костенецкій излагаетъ многія собственныя наблюденія надъ природой и дѣятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросѣ въ жизни этихъ насѣкомыхъ—«о взаимномъ отношеніи и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства»,—при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теоріи иностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

ПИСЬМО II.

ПЧЕЛИНОЕ СЕМЕЙСТВО: МАТКА, ТРУТНИ, РАБОЧИЯ ПЧЕЛЫ. ДѢЛАНІЕ ПЧЕЛАМИ МЕДУ И ВОСКУ. РОЖДЕНІЕ ПЧЕЛЪ. ПРЕЖНЯЯ ГИПОТЕЗА О ПОЛОВОМЪ ОТНОШЕНІИ СУЩЕСТВЪ ПЧЕЛИНАГО СЕМЕЙСТВА. МОЯ ОБЪ ЭТОМЪ ГИПОТЕЗА. ГИПОТЕЗА ДЭИРЗОНА.

Подобно нѣкоторымъ другимъ насѣкомымъ, пчелы-живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себѣ иногда до сорока и болѣе тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдѣльно, дружелюбно и имѣетъ свою общую собственность, но не имѣетъ никакихъ сношеній съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между ними произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ пчелъ и множества трутней — страшный тройственный составъ, какого, сколько извѣстно, не имѣютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ пчелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъ-поръ подсмотрѣнное пчеловодами, ея занятіе есть—класть яички въ ячейки. Она несетъ два рода яичекъ: пчелиныя и трутневья, — послѣднія нѣсколько болѣе первыхъ. Въ сотахъ три вида ячеекъ: обыкновенныя пчелиныя, трутневья — нѣсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имѣющія видъ жолудя, или наперстка. Матка кладетъ яички или сѣмена во все три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ яичекъ въ назначенныя для нихъ ячси и всегда по одному, дурная же (дѣлаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нѣскольбу яичекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, а одни трутневья. Другаго какого-либо занятія матка не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, до-сихъ-поръ болѣе не открыто. Она очень рѣдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изрѣдка на *проигру*, будучи еще молодою. Она имѣетъ жало, но рѣдко его употребляетъ, развѣ будучи раздражена до-крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействѣ случится двѣ, то онѣ дерутся до-тѣхъ-поръ, пока одна не убьетъ другой. Почти все пчеловоды приписываютъ маткѣ неограниченную власть въ семействѣ и разныя, даже умственные свойства, отъ которыхъ будто бы зависитъ все благосостояніе семейства; но, по моему мнѣнію, въ этомъ взглядѣ много фантазіи. Матка живетъ долѣе пчелы, (которой вѣкъ менѣе года), отъ пяти и до восьми лѣтъ; въ молодости бываетъ цвѣта темнаго, а подъ старость—желтѣетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ немъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ яичекъ, или кладетъ одиѣ только трутневья, то семейство это непременно векорѣ уничтожится. А потому пчеловоды прежде всего должны знать основательно все тѣ признаки, по которымъ узнается качество матки. По наружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дѣйствіямъ. По такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасмчиковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностранныя руководства къ пчеловодству, убѣждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды невѣли никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, все примѣты, по которымъ узнаются добрыя и худыя матки, подсмотрѣны окончательно и до-того вѣрно, что для

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляет уже никакой трудности. Честь всѣхъ этихъ наблюдений, систематическаго ихъ изложенія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежитъ нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вѣрными способами исправленія дурныхъ пчелиныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствѣ и указалъ совершенно новый и вѣрный способъ выгоднаго веденія пасеки.

Всѣхъ матокъ, по ихъ происхожденію, можно раздѣлить на два рода: на *натуральныя* и *свищевыя*, или самовыпложенныя. Первые рождаются естественнымъ образомъ, отъ сѣменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя, — въ случаѣ лишенія матки, — производятся уже пчелами изъ сѣменъ, или яичекъ, первоначально предназначенныхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ — какъ яичекъ этихъ нельзя переносить съ одного мѣста на другое, то маточники этихъ матокъ, дѣлаемые изъ пчелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, раздѣляются на *добрыя* и *трутневыя*. Добрыми матками признаются тѣ, которыя кладутъ пчелиныя и трутневыя яички сообразно времени и потребности и содержатъ въ должномъ порядкѣ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тѣ, которыя кладутъ однѣ только трутневыя яички, или вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природѣ, или отъ приключеній: отъ старости, увѣчья послѣ драки и отъ болѣзни; поэтому и добрыя матки впоследствии дѣлаются трутневыми. Пчеловоды — писатели утверждаютъ, что матка въ брюшкѣ своемъ имѣетъ два отдѣленія: одно для пчелиныхъ яичекъ, а другое для трутневыхъ, Сламмердамъ и Кристль утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно прямиить въ яичникѣ матки, двѣ вѣтви яичъ, одну трутневую а другую пчелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и полагаю, что въ происхожденіи яичекъ того и другаго рода есть тайна, еще никѣмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучіи своемъ, теряетъ всегда способность класть только пчелиныя яички; но еще никогда не замѣтили, чтобы матки, способныя класть пчелиныя яички, были бы не въ состояніи класть яичекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онѣ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются самъ нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пче-

ловодъ отбрасать ее у нихъ при дѣланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействѣ. Они больше рабочей пчелы, отлпчаются отъ нея наружностью, имѣютъ совершенно другіе органы и неимѣютъ жала. Они рождаются изъ ячеекъ, положенныхъ маткой въ ячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дѣлаются болѣе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бываютъ болѣе рабочей пчелы; но иногда они рождаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчелѣ. Пребываніе трутней въ пчелиномъ семействѣ есть только временное: они рождаются весной и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настояще не опредѣлилъ; вѣрно только то, что они не собираютъ меду, а ѣдятъ его готовый, собранный пчелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуется какая-то неизвѣстная намъ надобность, но даже и лѣтомъ истребляются пчелами, какъ—скоро сдѣлается въ ульѣ недостатокъ въ кормѣ. Вопросъ о назначеніи трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ послѣднее время, трутни считаются за самцевъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болѣе не дѣлаютъ никакихъ надъ ними наблюдений; но, по моему мнѣнію, это обстоятельство также сомнительно, какъ и все другія мнѣнія объ отношеніяхъ между собою всехъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробнѣе.

Третій и главнѣйшій видъ существъ пчелинаго семейства составляютъ *рабочія пчелы*, такъ названныя потому, что онѣ однѣ производятъ все работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая пчела менѣе матки и трутня, потому что выводится въ ячейкѣ гораздо менѣе маточной и трутневой ячейкѣ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ вылаживаются, бываютъ болѣе тѣхъ, въ которыхъ онѣ уже нѣсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менѣе или болѣе, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растутъ болѣе. Цвѣта онѣ всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темнѣе, то желтѣе; я полагаю, что пчелы во всехъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвѣта съ самыми небольшими развѣ измѣненіями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое—хоботокъ или язычокъ, находящійся надъ самимъ ртомъ, помѣщающійся въ особаго рода трубочкѣ, какъ бы футлярчикѣ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиненъ, острокопеченъ, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристль, не имѣетъ внутри отверстія, а покрытъ волосиками на подобіе лясьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываетъ его изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Кромѣ хобота пчела имѣетъ на головѣ межъ глазъ два *усика* или *щупальца* служащіе ей какъ бы ослзательными органами; *клещи*, состоящіе изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособіе въ ея работахъ. Она имѣетъ четыре крыла и шесть ногъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ. На обѣихъ парахъ заднихъ ногъ находится на каждой, по *щеточкѣ* или небольшому четвероугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цвѣтовъ цвѣточную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находится углубленіе на подобіе ложечки, называемыя *лопаточками*, въ которыя она набиваетъ цвѣточную пыль. Брюшко пчелы состоитъ изъ шести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюшкѣ помѣщены кишки, медовой пузырькѣ, желудокъ, пузырькѣ съ ядомъ и жало.

Всѣ вообще работы, въ пчелиномъ семействѣ, производятся рабочими пчелами; онѣ собираютъ изъ растений медъ, составляющій ихъ главную пищу, дѣлаютъ изъ него воскъ, а изъ воску—вошину, собираютъ цвѣточную пыль, или *перу*, составляющую пособіе въ пищѣ лѣтомъ и которая особенно необходима для приготовленія пищи для молодой *дѣтки*, посятъ воду и выводятъ дѣтку изъ сѣмянъ, положенныхъ маткой. Каждое пчелиное семейство всегда имѣетъ у себя стражу, которая, прогоняя чужихъ пчелъ, впускаетъ въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мѣсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мѣста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а слѣдетъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ улей. Но если перевезти улей надалекое разстояніе, версты на три, то пчела обознавши мѣстность, привыкаетъ опять къ новому направленію. Пчелы могутъ отлетать отъ своего улья верстъ на шесть и болѣе и никогда, при возвращеніи, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотря по надобности, и всѣ другія пчелы одного семейства хорошо понимаютъ эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочет пристать въ улей, то она всегда, ставъ на *летикъ*, упранивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послѣ чего ее и принимаютъ въ улей.

ДѢЛАНІЕ МЕДУ И ВОСКУ.

Пчелы собираютъ медъ, изъ многообразныхъ цвѣтовъ, иногда изъ листьевъ различныхъ растений, болѣе или менѣе имѣющихъ свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизываютъ хоботкомъ и, если хотятъ употребить въ пищу, то чрезъ ротъ пропускаютъ ее въ желудокъ, если же хотятъ сохранить въ запасъ, то пропускаютъ ее чрезъ ротъ въ особый пузырекъ, находящійся въ брюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ и опять чрезъ ротъ извергается въ ячейки.

О дѣланіи пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумѣется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы носятъ на своихъ ножкахъ, цвѣтомъ дѣйствительно похожую на воскъ. Женевакскій натуралистъ—пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говорилъ, былъ слѣпъ и свои наблюденія надъ пчелами дѣлалъ съ помощью слуги, еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, первый началъ оспаривать это мнѣніе и утверждалъ, что пчелы дѣлаютъ воскъ изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это мнѣніе неслѣпостью. Иные утверждаютъ, (даже Крестъ и за нимъ Прокоповичъ) что пчелы, эту цвѣточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, слизываютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкѣ и изъ него выпускаютъ чрезъ ротъ уже воскъ. По моему—жъ мнѣнію, которое я уже давно печатно изложилъ въ одной изъ статей моихъ о пчеловодствѣ, пчелы дѣлаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онѣ, переработавъ въ своемъ желудкѣ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдѣ онѣ, охладѣвая и твердѣя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластинки, которыя онѣ берутъ потомъ въ ротъ, мѣсятъ зубами и дѣлаютъ изъ нихъ вошину. Это ясно изъ того, что пчелы дѣлаютъ вошину и тогда, когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онѣ даже не вылетаютъ изъ улья; такъ напримѣръ, если раншею весною подрѣзать соты въ ульѣ, въ которомъ много будетъ меду, а мало вошины, то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дѣлать вошину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаетъ порожнихъ сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ дѣлаютъ вошницу, между-тѣмъ какъ въ то время почти не посятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, производится самая большая и поспѣвшая работа вошницы, то пчелы, въ торопливости, даже роняютъ множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпанной крупы, можно видѣть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ *роевню*, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, бѣленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дѣланіе пчелами воска изъ меду, а не изъ чего-либо другаго, и выкатываніе его изъ желудка сквозь поры тѣла, а не выпусканіе его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, этого не достигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невѣрномъ понятіи объ этомъ предметѣ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячей для вылаживанія въ нихъ своей дѣтки или *черви*:—пчелиныя трутневныя ячей, составляющія непрерывныя, сверху внизъ идущіе пласты вошницы, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вошницъ, маточныя ячей. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ ихъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насѣкомыя устраниваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не рождается желаніе имѣть хотя какое-либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рожденіе пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательнаго пчеловода успѣли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убожища, высмотрѣть все, что только можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, и, послѣ разныхъ недоразумѣній и ошибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послѣ дѣланія воска, самое любопытнѣйшее и необходимѣйшее для знанія дѣйствіе составляетъ рожденіе пчелъ и другихъ существъ этого семейства.

Пчела, подобно прочимъ насѣкомымъ, до полного своего развитія имѣеть два превращенія, что называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніи зародыша или яичка и, потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только песеть яичка, передъ сѣменіемъ, дѣлается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальцами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свѣтлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очищаютъ отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровожденіи ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бѣленькое яичко, которое приклеивается въ ней посредніи и первоначально стоитъ въ ячейкѣ, не приклоняясь къ стѣнкѣ, вертикально къ отверстию; положивши въ ячейку одно яичко, матка кладетъ въ смежную ячейку другое, и такъ далѣе, пока не истощится. Хорошая матка кладетъ всегда по одному яичку въ ячейку и притомъ пчелиныя яички—въ пчелиныя, а трутневыя—въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нѣсколько болѣе пчелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмѣстѣ и въ какія ни попали ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Незвѣстно только, можетъ ли хорошая матка, положивши сначала пчелиныя яички въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засѣменивши пчелиный пластъ вошницы, засѣменить потомъ безъ остановки трутневой пластъ, и обратно; или она, для каждаго такого сѣмененія, употребляетъ особое время, и слѣдовательно не разомъ имѣетъ въ себѣ запасъ тѣхъ и другихъ яичекъ. По мнѣнію Криста, матка до тѣхъ поръ кладетъ одного рода яички, пока истощатся у нея всѣ бывшія въ готовности для того дня. Мнѣніе Зибольта противоположно мнѣнію Криста. Такое сѣменіе маткою яичекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникѣ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числѣ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотѣ времени, а еще болѣе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засѣменяетъ вдругъ почти всю порожнюю вошницу; но пчелы высиживаютъ ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успеютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же яички остаются въ ячейкахъ, гдѣ онѣ, въ хорошее время, могутъ сохраняться довольно долго, или же съѣдаются пчелами.

Надъ опредѣленными для высиживания яичками пчелы сидятъ постоянно, поддерживая тѣмъ необходимую теплоту. Три дня яичко находится въ одинаковомъ положеніи, не претерпѣвая никакого видимаго измѣненія; наконецъ, на четвертый, изъ него рождается червячокъ бѣлый и безногий, состоящій изъ нѣсколькихъ колецъ. Червячокъ этотъ, или личинка, растетъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основаніе ячейки,—что продолжается для пчелы—четыре, а для трутней—шесть дней. Впродолженіе этого времени, пчелы неупустительно заботятся о питаніи и согрѣваніи дѣтки. Пищу составляютъ для нея изъ меду и перги, только-что принесенной съ поля или же имѣющейся въ запасѣ—и вотъ единственное назначеніе этой перги, носимой пчелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дѣланія воска, какъ нѣкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дѣлается разнообразною во вкусѣ и цвѣтѣ и, слѣдовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будетъ отъ семи до восьми дней отъ положенія яичка, смотря по погодѣ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходитъ ко второму періоду своей жизни: онъ переменяетъ свое положеніе, перевертывается со всюю силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тѣмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку пищею, дѣлаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, *печатаютъ* дѣтку; послѣ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дѣткѣ, усиливая тѣмъ надъ нею теплоту. Вскорѣ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой нѣжной, бѣлой пленочки, которую онъ образуетъ, выпуская изъ рта своего тончайшую линную нить и обвивая ее вокругъ своего тѣла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по возможности наблюденія, подсмотреть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одинадцать или тринадцать дней отъ запечатанія ячеи, смотря по погодѣ, куколка, находясь въ состояніи сна, живетъ только внуреннюю жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ,

разгрызываетъ сводъ своей ячейки и вылезать изъ нея, оставляя въ ней свою плеву или коконъ, который плотно пристаетъ къ стѣнкамъ ячейки, отчего она послѣ нѣсколькихъ выходовъ пчелъ, значительно уменьшается и чернѣетъ. Еще день или два, смотря по погодѣ, молодая пчелка остается въ ульѣ, гдѣ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ—называемую *проиру* около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, какъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тѣмъ пчеловодамъ—писателямъ, которые изъ этого пастъкомаго сдѣлали самое радушнѣйшее и нравственнѣйшее существо, и ставятъ его въ примѣръ не только человѣку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же личка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитаніе и, влѣдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячей для матокъ дѣлаются гораздо болѣе пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолуди или наперетка, и висятъ на ребрахъ сотовъ. Едва личко обратится въ червяка, какъ для него готовится самая обильная, а, можетъ—быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамѣтнымъ, и когда эту пищу наполнитъ ячейка (или маточникъ), тогда ее печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, но они бывають короче, и матка вырастаетъ въ двѣнадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ личка.

Гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляющую большую рѣдкость въ природѣ, весьма рано началъ обращать на себя вниманіе и пчеловодовъ, и натуралистовъ, которые, весьма правильно, подозрѣвали въ немъ загадку все го непонятнаго въ жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, сочтя ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По моему же мнѣнію, всѣ, до-сихъ—поръ, составленныя гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины, и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій. Здѣсь я постараюсь изложить важнѣйшія объясненія этихъ отношеній, какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается всѣми единственною настоящею самою, которая одна несетъ яички всѣхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала думали, что матка несетъ яички въ одномъ мѣстѣ, который потомъ рабочія пчелы разносятъ по ячейкамъ; но это мнѣше, при первомъ же, болѣе внимательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульѣ можно видѣть, какъ сама матка кладетъ яички въ каждую ячейку. Также думали, что матка рождается только изъ яичка, положеннаго маткой въ особу для того назначенную ячейку—маточникъ; но Ширахъ, нѣмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена пчелами и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда оный не старѣе трехдневнаго возраста, какое открытіе и послужило основаніемъ къ дѣланію отводковъ или искусственныхъ роевъ. Открытіе Шираха, показавшееся сначала нелѣпостью, возбудило впоследствии много къ нему неудовольствія, и желаніе унизить такое открытіе заставило многихъ обнаружить, что искусственное вылаживаніе матки давно уже было извѣстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дѣйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежитъ честь что это открытіе сдѣлалось достояніемъ науки. Знаменитый нѣмецкій пчеловодъ, Дирзонъ, утверждаетъ, что оный дозналъ многолѣтними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8—ми дней почти до времени запечатанія ячеекъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристиъ выводитъ слѣдующія заключенія: 1) что виѣшнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ, большая ячейка, въ которой зародышъ имѣетъ болѣе свободы развиваться, производятъ, что изъ всякаго пчелинаго яичка или червячка, изъ котораго вышла бы обыкновенная пчела, можетъ произойти и матка, и 2) что всѣ рабочія пчелы первоначально суть *несовершенныя самки*, изъ которыхъ каждой слѣдовало бы быть одной только степенью болѣе образованной для того, чтобъ сдѣлаться *совершенною самкою* и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристиъ, вѣроятно, что дѣтородные члены пчелъ должны быть или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примѣтить яичниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралистъ и анатомикъ *Сва.и.мердамъ*, столь превосходно описавшій и изобразившій маточныя яичники? Какъ не могли примѣтить ихъ великіе натуралисты Миральди и Реомюръ? Между тѣмъ, въ примѣчаніи, Кристиъ присовокупляетъ,

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія пчелы произвели до ста яицъ, изъ которыхъ выходятъ только трутни, но что ни онъ (Крпстъ), ни Бонне никогда не замѣтили, чтобы пчелы несли яичка. Заключение Крпста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтоженіе въ пчелахъ дѣтородныхъ частей, и наблюденіе Рейма въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно. Нашимъ пчеловедамъ давно извѣстно, что рабочія пчелы имѣютъ способность нести яички, изъ которыхъ рождаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ *выродками*. Когда пчелиное семейство лишится матки и нѣтъ въ немъ ни яичка, ни червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ кладутъ трутневые яички, только въ небольшомъ количествѣ и безъ должнаго порядка, по два и по три въ одну ячейку. Этихъ пчелъ—матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействѣ—неизвѣстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болѣе пяти. Такія пчелы-выродки тѣмъ бываютъ вредны, что ихъ прочія пчелы любятъ какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мнѣніе Прокоповича объ этомъ явленіи, изложенное въ сочиненіи послѣдователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состояніи червя, *изъевнушивается*, или кастрагится другими пчелами, то—есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы теряютъ свою матку, то, въ безпокойствѣ, забываютъ покоптить нѣкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенною. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чѣмъ—либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, всѣ вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Сваммердама, считаютъ самцами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическіе рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и внѣ улья, хотя послѣднее, по словамъ ихъ, и рѣдко случается. Матка, по свидѣтельству Реомюра, вскакиваетъ на трутня, пбо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, что можно видѣть и въ такомъ случаѣ, если трутня прижать по срединѣ. Но членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тѣло, пмѣя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ послѣ совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ дѣлалъ наблюденія надъ маткою, только—что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никѣ ея ясно видѣлъ бѣловатую сѣмянную жидкость и остатки дѣтородныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлекать; послѣ чего, говоритъ Губеръ, нѣтъ мѣста сомнѣнію копуляціи матки съ трутнемъ. Такъ думаетъ и Кристь, присовокупляя, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульѣ отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было рѣдко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомнѣнія могли бы когда-нибудь замѣтить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому всѣ средства, между-тѣмъ это никому не удалось; а потому увѣренія Реомюра и Рейма безъ-сомнѣнія ошибочны, а мнѣніе Губера, какъ слыща, видѣвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менѣе достоверно (1). Мнѣніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выпложенныя пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не впускалъ ни одного трутня, нанесли потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мѣсяца, когда еще во всей пасикѣ нѣтъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневыя лички безъ всякаго, разумѣется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душными частицами, исходящими изъ тѣла самцевъ; это предположеніе, быть-можетъ, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считаютъ. При разговорѣ моемъ объ этомъ предметѣ съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположеніе, онъ сталъ мнѣ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убѣдился неоднократными опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного *мухи*, и впустивши туда только что выплывшуюся матку, отвозилъ его верстѣ за восемь отъ всякой пасѣки, и возвратясь къ нему чрезъ нѣкоторое время, находилъ заложенную пчелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшаникѣ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нѣсколько времени такую же черву.»

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

(1) Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще пять трутней, Кристь думаетъ, что матка, оплодотворяясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама дѣлается плодовитою на нѣсколько лѣтъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улитки, а въ особенности древесныя вшп, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонне, могутъ распложаться безъ совокупленія съ самцами даже до шестаго поколѣнія. Еще въ 1848 году, не зная этого мнѣнія Криста, я помѣстилъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (стр. 361), статью о самооплодотвореніи пчелиной матки, гдѣ изложилъ, что, основываясь на наблюденіяхъ ученыхъ, дѣлаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (*arhis*) и разными бабочками, которыя плодятся нѣсколько поколѣній безъ участія самца, быть-можетъ, можно сдѣлать такое же заключеніе и о пчелахъ. Ученый Карлье получилъ изъ яицъ бабочки-липарисъ (*Liparis dispar*) три поколѣнія, изъ которыхъ предпоследнее произвело только однихъ самцевъ; подобное явленіе бываетъ постоянно и у пчелъ, ибо когда состарѣется матка, то она кладетъ только трутневья яйца. Еще разительнѣе представляетъ примѣръ самооплодотворенія *свищевая* матка, которую сами пчелы выплаживаютъ весною и которая потомъ кладетъ яйца, такъ-сказать, отроду не видавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикѣ. Сюда можно присоединить еще и примѣръ осы, очень близко подходящей къ пчелѣ. Извѣстно, что осы на зиму все пропадаютъ, а весною являются одни только ихъ матки, которыя, отыскавъ сдѣланное прошлымъ лѣтомъ гнѣздо, кладутъ въ ячейки яйца и производятъ молодыхъ осей, которыя къ зимѣ опять погибаютъ. Мнѣніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьѣ, было только *предположеніемъ*, а не полнымъ убѣжденіемъ, и написано болѣе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими. явленію природы. Все сравненія пчелъ съ другими насѣкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть вполне примѣнны. Изъ замѣчанія моего о свищевой маткѣ можно вывести только одно вѣрное заключеніе, что все вообще матки дѣйствительно дѣлаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ получали это свойство, какъ бы по наслѣдству отъ прежде оплодотворенной своей матки, — даже напротивъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это можетъ служить опроверженіемъ такого мнѣнія. Извѣстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пче-

лишняго яичка или молодого пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болѣе нежели получаютъ ихъ всѣ пчелы, потому что онѣ не могли быть опредѣлены прежнему маткою къ тому назначенію, которое получили по смерти ихъ.

Пѣмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотвореніи матки трутнями, въ сочиненіи своемъ о пчеловодствѣ 1796 года, излагаетъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: почитая матку совершенною самкою, онъ думаетъ, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужскаго пола, а другая — женскаго. Сии послѣднія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себѣ, они раждаютъ трутней—ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тѣла, такъ и недостатокъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ какими-то уродами, несколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвѣстно. Пчелы женскаго пола или несовершенныя самки — трутневия матки, которыя порождаютъ трутней, по мнѣнію его, суть тѣ продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называютъ *лакомками*, которыя весной вьются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онѣ вовсе не хищныя пчелы. Такъ-какъ въ то время нѣтъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужскаго пола ихъ прогоняютъ, а потомъ, когда выйдетъ молодая муха, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутневыми матками совершается чрезъ одно цѣлованіе, что можно видѣть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самцами изъ рабочихъ пчелъ производится также, по мнѣнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цѣлованіе, ибо всегда видѣть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и цѣлующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сии-то пчелы суть совершенныя самцы, имѣющіе дѣтородные свои члены напередѣ, такъ какъ и матка. Что же касается того, что эти члены находятся не назадъ, какъ у прочихъ животныхъ, а напередѣ, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всѣхъ тѣхъ насекомыхъ, которыя снабжены жаломъ и ядовитымъ пузырькомъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Крпсть присовокупляетъ, что пауки, улятки и проч. имѣютъ дѣтородный членъ напередѣ, улятки — на шеѣ, а пауки — на головѣ, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдѣлано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дѣйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда извѣстно, что одна и таже матка несетъ пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можетъ служить только прихѣтромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая мнѣніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействѣ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи всякаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышеназванной гипотезѣ есть нѣчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе теорія половыхъ отношеній пчелъ, обнародованная сиезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имѣетъ тѣсную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и подтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлешъ, повѣрившій всѣ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изслѣдованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоитъ въ слѣдующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ея совершается въ воздухѣ, внѣ улья. Въ копуляціи оплодотворяется не личинка, а хранилище сѣмени—пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, по оплодотвореніи же наполняющая его влага имѣетъ бѣлый цвѣтъ; 2) дѣятельность личинокъ пробуждается копуляціею, но не всегда. Пныя неоплодотворенныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ яйца только трутневыя, что иногда случается и съ рабочими пчелами, оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ невозможнымъ по недостаточному развитію у нихъ хранилища сѣмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполняющею хранилище семени, а потому произведеніе такихъ яицъ возможно только для матки; 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается бесплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки яицъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть яйца; на это же бываютъ способны и матка и пчелы безъ участія самцовъ. Дзирзонъ навелъ на эту мысль наблюденіе надъ тремя матками, которыхъ крылья были изкалѣчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетѣть и оплодотвориться, но, не смотря на то; во всю свою жизнь клали трутневые яйца.

Анатомико-микроскопическіе опыты Зибольта, относящіяся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Дзирзона и тѣмъ самымъ даютъ ей особенную вѣроятность. Зибольтъ, еще въ 1837 году, открылъ присутствіе *живчиковъ* (spermatozoa) въ самкахъ многихъ насекомыхъ и, въ томъ числѣ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдѣльно отъ самцовъ, и которыхъ, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать изловленными послѣ конуляціи. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежатъ у самки въ особомъ хранилищѣ (reservoirium seminis, Sieboldt), отдѣленномъ отъ яйцевода. Этихъ живчиковъ онъ находилъ и въ такихъ маткахъ, которыя были плодотворены уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Дѣлая микроскопическія наблюденія надъ самыми яичками, Зибольтъ открылъ несомнѣнное присутствіе живчиковъ въ пчелиныхъ яичкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баронъ Берлепихъ дѣлалъ слѣдующіи опыты: имѣя въ виду, что живчики должны быть чувствительнѣе къ холоду, нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что слѣдовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному холоду, положивши ее на ледъ. Изъ трехъ такихъ матокъ двѣ пропали, а одна осталась живою и клала потомъ во всю свою жизнь яйца только на трутней. Наши пчеловоды тоже давно уже замѣтили, что свищовыя матки, вылазживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бываютъ трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, подтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: *Три открытія въ естественной исторіи пчелы*, считаетъ совершеннѣйшимъ, которымъ будто бы разрѣшается окончательно вся таинственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 1-хъ: довѣряя вполне показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствіи живчиковъ какъ въ хранилищѣ съмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствіи ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывести только то, что они дѣйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ еще изслѣдованій. Дзирзонъ рѣшаетъ его тѣмъ, что матка оплодотворяется трутнями и что для этого она должна непременно, хоть одинъ разъ въ жизни, вылетѣть изъ улья. Это

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхъ онъ подрѣзалъ крылья и которыхъ, оттого, будучи не въ состояніи вылетѣть изъ улья, не могли имѣть копуляціи съ трутнями, и поэтому не могли класть яицъ на рабочихъ пчелъ, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе оно недостаточно. Дзирзону могли попасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействѣ множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщвляютъ, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убѣдиться въ своемъ предположеніи, Дзирзону нужно было сдѣлать опытъ не надъ тремя, а по крайней мѣрѣ надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностію и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утвержденіе Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогъ оплодотворенія сохраняетъ на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послѣ оплодотворенія, должна бы быть наиболѣе плодородною, т. е. класть наибольшее количество пчелиныхъ яицъ, а потомъ, постепенно, по мѣрѣ ея старости, класть ихъ менѣе. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалѣ менѣе плодородна, нежели впоследствии, и даже можно утвердительно сказать, что чѣмъ матка старѣе, тѣмъ она плодovitѣе, кромѣ, разумѣется, послѣдней старости. При этомъ сдѣлаю очень важное замѣчаніе, что большая или меньшая плодovitость матки, кромѣ ея собственнаго достоинства, зависить еще отъ количества пчелъ въ ульѣ: чѣмъ пчелиное семейство сильнѣе, т. е. чѣмъ больше оно имѣетъ мухъ, тѣмъ и матка его плодovitѣе, а при маломъ семействѣ матка, самая добрая, кладетъ немного яицъ.

Въ 3-хъ: основное положеніе ученія Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляціи съ трутнемъ, не можетъ класть яицъ на рабочую пчелу и подобныхъ себѣ матокъ. Но я и многіе лучшіе пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что *матка кладетъ яйца и на рабочую пчелу безъ участія трутня*, что, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замѣчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — *кладка пчелиною маткою яицъ на рабочую пчелу безъ копуляціи съ трутнемъ*, въ дѣйствительности котораго я не

сомнѣваюсь, и который каждый пчеловодъ легко можетъ повѣрить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбѣиваетъ совершенно все ученіе Дзпрзона о зарожденіи пчель.

Кромѣ всего этого, мнѣ приходятъ на мысль еще слѣдующія соображенія. 1-е: Одна матка, по увѣренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока тысячъ яичекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ яицъ. Какъ эти яички ни малы, но если взять ихъ всѣ три тысячи вмѣстѣ, то они объемомъ своимъ далеко превзойдутъ брюшко матки, слѣдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткѣ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ породить сама собою такое огромное количество яичекъ?—2-е. При извѣстной надобности, для того, чтобы матка не закладывала червы, пчеловоды запираютъ ее въ клѣточку, гдѣ, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недѣли три) но будучи удалена отъ сообщенія съ пчелами п отъ ячеекъ, она дѣйствительно не несетъ яичекъ, ни весною, когда еще нѣтъ трутней, ни лѣтомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро вышустятъ ее изъ клѣточки къ пчеламъ, она на другой или третій день начинаетъ уже нести яички въ большомъ количествѣ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имѣла сама въ себѣ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ клѣточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или невольно несла бы яички и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клѣточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываетъ: находясь въ клѣточкѣ очень долгое время, она даже особенно не полихѣтъ и имѣетъ обыкновенное брюшко.

Послѣ всѣхъ изложенныхъ мною замѣчаній и фактовъ, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ извѣстныхъ случаяхъ, класть яички, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же онѣ самки, т. е. способны нести какія бы то ни было яички, то нужно, чтобы онѣ, или были оплодотворяемы самцами, или же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примѣру травяной виш или бабочки-шпариса. Если допустить это послѣднее предположеніе, то въ такомъ случаѣ матка, передавъ, какъ будущей другой маткѣ, такъ и всѣмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имѣла бы уже надобности

порождать самцев—трутней, до тѣхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываетъ, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутни паразитируютъ въ пчелиномъ семействѣ ежегодно и въ значительномъ количествѣ: по изчисленію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутню.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество яицъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаруживаетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности ученій (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Всѣ эти противорѣчія и неполнота теорій могутъ, какъ мнѣ кажется, быть обойдены предположеніемъ, что въ распространеніи пчелинаго семейства, т. е. въ произведеніи новаго поколѣнія пчелъ, участвуютъ не только однѣ матки и личинки, по мнѣнію Дэйрзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всѣ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знаютъ слѣдующее явленіе въ жизни пчелъ: во время кладки яицъ маткою ее окружаютъ рабочія пчелы. Послѣ кладки каждыхъ 7—10 яицъ, матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормятъ ее и ухаживаютъ возлѣ нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передаютъ посредствомъ своихъ язычковъ, маткѣ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продуктъ организма пчелъ, изъ котораго производится яйца? Допустивъ это предположеніе, мнѣ кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукѣ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получаютъ болѣе правдоподобное объясненіе тѣ факты, которые имѣли уже нѣкоторые толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будетъ допустить, что всѣ рабочія пчелы должны быть оплодотворены трутнями, и въ такомъ случаѣ трутни получаютъ законное мѣсто въ порядкѣ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какими-то уродами или ублюдками, вовсе имъ къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природѣ, которая ни-

чего не создаетъ бесполезнаго или ненужнаго. При господствѣ убѣжденія, что трутни имѣютъ совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подемотрѣть исключительно это явленіе, и нѣкоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видѣли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замѣчалъ, между-тѣмъ, есть одно явленіе въ пчелиномъ семействѣ, которое очень похоже на такое дѣйствіе. Когда выходитъ изъ улья рой и носится еще въ пасикѣ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухѣ, играютъ съ трутнями, гоняются за ними, ловятъ ихъ, сбиваются съ ними и отбиваютъ ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снуютъ по всему рою и трубятъ самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое зрѣлище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предубѣжденію, никому не приходитъ въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относитъ его къ игрѣ или шалости этихъ насекомыхъ. Это предположеніе объясняетъ причину, почему матка, закладывая пчелиную дѣтку, закладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свѣтъ пчелъ-самокъ, она производитъ для нихъ и соразмѣрное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, что пчела, одинъ разъ сокупившіеся съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вслѣдствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году сокупившаяся съ трутнемъ, не имѣетъ болѣе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой пчелы. Этому можетъ быть подтвержденіемъ то обстоятельство, что, когда выходитъ первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутней; вторые рой, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имѣютъ болѣе трутней; третіе же или четвертые рой, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имѣютъ на половину трутней. и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульѣ, гдѣ тоже остается одна молодая пчела. Это очень сообразно съ потребностію пчелы, хотя одинъ разъ въ жизни, сокупившись съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себѣ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчелъ плодотвореніе,

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія яички, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, вслѣдствіе котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полную жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдѣльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извѣстно, въ царствѣ животномъ, бываетъ только вслѣдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ ей повинуются, вездѣ за нею слѣдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любитъ своихъ пчелъ, любитъ быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходитъ съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и ищетъ себѣ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношеніи къ трутню самкой, становится въ отношеніи къ своей маткѣ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невѣрна, но ею, какъ мнѣ кажется, можно объяснить всѣ явленія, какія до-сихъ-поръ замѣчены въ этомъ насѣкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначеніе трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткѣ, и необыкновенная плодовитость сеи послѣдней, и, наконецъ, ростъ пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную черву, потомъ соответственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будетъ много червы, отъ которой оно еще болѣе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляетъ улей. Еслибы она захотѣла остаться въ томъ же семействѣ, то она, быть можетъ, не имѣла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго поколѣнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокуиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она вылетаетъ навсегда изъ улья, вѣроятно вмѣстѣ со старыми пчелами, т. е. уже совокуившимися съ трутнями, и оставляетъ въ немъ новое поколѣніе съ новыми зародышами пчелъ, трут-

ней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится нѣсколько матокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульѣ должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себѣ новую матку, ищетъ новаго мѣста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свѣтъ сочиненія К. Ф. Рулье: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. По выходѣ этой брошюры, которую я получалъ только въ 1859 году, я думалъ найти въ ней окончательное разрѣшеніе этой двухвѣковой задачи о половыхъ отношеніяхъ пчелъ, и, въ случаѣ опроверженія моихъ предположеній объ этомъ предметѣ, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но послѣ самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрѣ, я рѣшаюсь сдѣлать извѣстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новѣйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется мнѣ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполне доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сдѣлать множество дзирзоновскихъ опытовъ надъ матками съ подрѣзанными крыльями; потомъ, сдѣлать, наиримѣръ, такой опытъ: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдѣ много пчелиной червы, готовой къ выходу и нѣсколько созрѣвшихъ маточниковъ, выгнать всю муху, вырѣзать въ гнѣздѣ трутневую черву, закрыть его и продержать нѣсколько дней въ тепломъ мѣстѣ. Потомъ, когда часть мухи вылупится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этотъ улей въ такое мѣсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Черезъ нѣсколько времени въ этомъ ульѣ вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видѣла бы трутней, и слѣд. не могла бы имѣть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гнѣздѣ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и пчелъ еще въ зародышѣ ихъ, подобно бабочкѣ-липарисѣ; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гнѣздѣ вовсе не оказалось никакихъ яичекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двуполомъ устройствѣ рабочей пчелы, о совокупленіи ея сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробовалъ дѣлать такой опытъ, но онъ мнѣ не удавался по близости соседнихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гнѣздо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послѣ такихъ тщательныхъ и многочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляции пчелъ съ трутнями, и ученіе Дэрзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желалъ, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послѣ такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, но не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себѣ всѣ противоположныя мнѣнія наблюдателей, и объединяетъ собою не часть, а уже всѣ извѣстные доселѣ явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполне истиннымъ и, слѣд., окончательнымъ рѣшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довѣріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имѣю въ виду также и то, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убѣжденія въ ихъ истинѣ, и если я рѣшаюсь теперь сдѣлать эти предположенія извѣстными, то единственно съ тою цѣлю, что, по мнѣнію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онѣ ни были полезны, бываютъ часто полезны тѣмъ, что вызываютъ къ труду новыхъ дѣятелей, которые проводятъ новыя идеи, и производятъ новыя, болѣе удачно поставленные опыты, которые, или подтверждаютъ прежнія предположенія изыскателей, или опровергаютъ ихъ и даютъ новое направление предмету. Я позволю себѣ надѣяться, что многіе пчеловоды обратятъ на мои предположенія свое вниманіе, и не только попробуютъ пополнить мои наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужатъ въ подтвержденіе или въ опроверженіе моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всѣ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безъизвѣстными. Если они въ отдѣльности будутъ неполны и нерѣшительны, то, быть можетъ, изъ соображеній ихъ, можно будетъ впоследствии вывести какое-либо положительное заключеніе. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное рѣшеніе этой двухъвѣковой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные пчеловоды и натуралисты, досталось бы на долю нашихъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ мнѣніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дэйрзона будто бы окончательно уже разрѣшило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчелъ и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрѣшеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляютъ безъ вниманія наши наблюденія и мнѣнія.

Въ сочиненіи г-на Рулье находится изображеніе внутренняго устройства брюшка матки, сдѣланное еще Сваммердамомъ.

ПИСЬМО VII.

Второй періодъ состоянія пасѣвки: — роеніе пчелъ. Причины роенія. Два рода роенія. Изобрѣтеніе искусственнаго роенія. Дѣланіе искусственныхъ роевъ. Методы пчеловодства: хозяйственная, промышленная и смѣшанная. Исправленіе слабыхъ пчелъ роемъ. Прекращеніе роенія пчелинаго семейства. Занятіе въ пасѣкѣ во время этого періода.

Роеніе пчелъ есть отдѣленіе части пчелинаго семейства и удаленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ въ природѣ, но крайней мѣрѣ, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, оно свойственно однимъ только пчеламъ. Причина роенія пчелъ, по моей гипотезѣ о половыхъ отношеніяхъ ихъ между собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще всемъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ въ пчелахъ. Когда увеличеніе пчелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болѣе тысячъ пчелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви всѣхъ заставляетъ пчелъ заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслѣдствіе этого, пчелы дѣлаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ яички, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возвращаютъ или уничтожаютъ. Когда выплодятся молодыя матки, тогда старая матка, не желая имѣть себѣ соперницы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, вѣроятнѣе всего, старыя пчелы. Что улей оставляетъ старая матка, а не молодая, это происходитъ быть можетъ еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновенно расположены къ любви, вслѣдствіе чего слишкомъ изобильно осѣменяютъ матку, въ старомъ же ульѣ, гдѣ все гнѣздо занято червою или медомъ, нѣтъ ячеекъ для положенія яичекъ. Сыскавши новое мѣсто, пчелы необыкновенно быстро дѣлаютъ вошину, и по мѣрѣ того какъ она поспѣваетъ, матка кладетъ въ ячейки сѣмена. Молодая же матка, которая остается въ ульѣ, не вдругъ дѣлается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобнѣе могутъ ожидать того времени, когда, по выходѣ червы, будетъ вновь мѣсто и для кладки яичекъ. Эти, по мнѣнію моему, естественныя причины производятъ роеніе пчелъ, которое, поэтому, можно назвать слѣдствіемъ ихъ любви. Это сильное расположеніе пчелъ къ любви и, вслѣдствіе того, сильная плодовитость матки бывають только подъ условіемъ извѣстной, довольно высокой, температуры и при изобиліи хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошемъ кормѣ, даже искусственномъ, пчела будетъ хорошо роняться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она нѣсколько разъ готовится къ роенію и потомъ уничтожаетъ маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роняетъ. Замѣчу еще одно важное свойство роевъ по выходѣ ихъ изъ роднаго своего улья: гдѣ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкають къ новому своему мѣсту и *роевая муха* никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдѣльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извѣстно, не бываетъ, и пчела *перосвая* переселенная въ другое мѣсто, всегда возвращается на старое. Поэтому *роевая муха* есть самая удобнѣйшая для усиленія слабыхъ пчелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статьею и какъ удовольствіемъ, тому зрѣлище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала виднѣи необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, круговращательный полетъ по пасикѣ, гдѣ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сцѣпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ падаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрѣлищу особенно равнодушны пчеловоды. Кристь говоритъ, что любитель природы не промѣнялъ бы его ни на какое театральное зрѣлище, а для него этотъ пчелный концертъ пріятнѣе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрѣлищемъ смѣло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первоначально, въ пчеловодствѣ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искусственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: *естественное*, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и *искусственное*, когда пчеловодъ отбираетъ его отъ семейства, и поэтому первые рои называются *натуральными*, а вторые *искусственными*, или *насильными*.

Когда пчелиное семейство готовится къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ вошны, появляются сначала яички, по одному въ каждомъ, потомъ они наполняются постепенно густою, бѣлою напоподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточники печатаются, и чрезъ двѣнадцать или четырнадцать дней отъ положенія яичка, выходятъ изъ нихъ матки, послѣ появленія которыхъ въ ульѣ, если только благопріятствуетъ погода, выходитъ первый рой, или *первакъ*, съ старою маткою. Сначала рой летаетъ по насикѣ, а потомъ гдѣ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдѣ будетъ сидѣть часа два; въ это время его убираютъ въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, патерію растѣніемъ мелиссой или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго роя, будучи старою и сѣмешною, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ нею падаетъ; поэтому искусный насичникъ, во время выхода перваго роя, сидитъ всегда возлѣ летика улья и схватываетъ матку руками, которую, посадивъ въ кѣлочку, ставитъ въ сборню, что значительно ускоряетъ поймку

роя. Первые рой, выходящіе изъ ульевъ имѣющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имѣютъ ее всегда одну, и поэтому матку сажаютъ въ улей прямо безъ всякой переборки пчелы. Но иногда даютъ роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, вывелили потомъ у себя нѣсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нѣскольку матокъ, то, при посадкѣ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливаютъ всѣхъ матокъ и даютъ роя только одну лучшую; такимъ же образомъ поступаютъ при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рой выходятъ прежде нежели изъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вошцы; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гнѣзда, которыхъ нельзя видѣть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранѣе. Появленіе этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или шѣнію, которое отличается совершенно отъ пчелинаго жужжанія и слышно даже внѣ улья, особенно вечеромъ. По выходѣ изъ улья первака, дней черезъ шесть, а иногда ранѣе или позже, выходитъ другой рой, или *другакъ*; потомъ черезъ день послѣ сего третій, и такъ далѣе. Всѣ эти рой выходятъ уже съ молодыми матками, которыхъ имѣютъ отъ одной и до десяти, вслѣдствіе чего посадка ихъ въ улей должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и послѣдующіе рой бываютъ менѣе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдѣльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лѣто, первые рой даютъ сами роевъ, которые называются *парои*.

Вообще при натуральномъ роеніи, слѣдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рой, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если роѣба началась рано, то вначалѣ можно ставить рой и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ усилятся еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рой же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2-е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ ронлся; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ рониться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами;

иначе онъ до-того изростетъ, что не только будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одномъ роѣ нѣсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всѣхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клѣточкѣ.

Другой видъ роевъ составляютъ искусственные или насильные рои. Самовыплаживаніе пчелами свищевой матки открытъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, какъ я уже говорилъ выше, нѣмецкій пчеловодъ и натуралистъ Ширахъ, который, заключивъ въ нѣсколько отдѣльныхъ ящичковъ по одному соту съ пчелыной дѣткой и пчелой, увидѣлъ потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себѣ матокъ. Это подало ему мысль къ дѣланію искусственныхъ роевъ, чѣмъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ каждаго пчелинаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ выплодиться пчелиная матка, между-тѣмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка рождается только изъ особыхъ личекъ, которыхъ будто бы матка несетъ много, но пчелы ихъ прячутъ въ особомъ мѣстѣ и хранятъ до надобности. Открытіе Шираха развило въ-особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Крестъ изложилъ очень много правилъ и пріемовъ дѣланія искусственныхъ роевъ. Нашъ Прокоповичъ обогатилъ это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сдѣлалъ извѣстною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и послѣдователь его Пономаревъ, въ своемъ сочиненіи о пчеловодствѣ, объяснилъ этотъ предметъ самымъ лучшимъ образомъ.

Искусственный рои отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само готовится къ роенію и имѣетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые *назолки*. Рои съ назолковъ я и буду называть собственно *искусственными*. Но очень часто они отбираются гораздо ранѣ появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульѣ бываетъ много мухъ и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, *насильными*. Преимущество искусственныхъ роевъ предъ натуральными состоитъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дѣлать произвольной величины, тогда-какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при натуральномъ роеніи, когда нѣсколько роевъ выходитъ вмѣстѣ, они смѣшиваются и уничтожаютъ или калѣчатъ много матокъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываетъ при искус-

ственномъ роеніи; 3-е, насильными роями вѣрнѣе и значительнѣе увеличивается пасика, тогда—какъ неблагоприятная погода можетъ очень уменьшить натуральное роеніе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленіи исключительно цѣльныхъ ульевъ, нельзя получить много дохода отъ пасики, какъ уничтоженіемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ся комплектъ. Недога же искусственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасѣки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднѣе отбирать нежели натуральные, и 3-е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извѣстно, не всегда бывають добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенія пчелъ породили много мнѣній и споровъ, которые и теперь еще остаются нерѣшенными. Одни пчеловоды придерживаются только натурального роенія и свойственной ему методы пчеловодства, доказывая основательность своихъ убѣжденій, кромѣ трудностей операций, требуемыхъ искусственнымъ роеніемъ, преимущественно тѣмъ, что отъ сего послѣдняго роенія заводится въ пасикѣ много свищевыхъ матокъ, которыя, если и бывають добрыми, то недолговѣчны, а также и тѣмъ, что искусственные рои составляютъ большой рискъ, и если отъ нихъ, при хорошемъ взяткѣ, бываетъ большая выгода, за то не только при худомъ, но даже при посредственномъ взяткѣ, погибають какъ самые рои, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роеніемъ ослабляются и получаютъ дурныхъ матокъ. Методы натурального роенія придерживаются, большею частію, простолюдины и помѣщики, неимѣющіе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее можно назвать *натуральною* или *хозяйственною* методою пчеловодства. Другіе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натурального роенія, которое не всегда бываетъ успѣшно, въ видахъ полученія отъ пасики бѣльшей прибыли, берутъ насильные рои изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не смотря на то, готовится ли онъ къ роенію или нѣтъ, и такимъ способомъ быстро увеличивая, даже удвоая, свою пасику, въ хорошее лѣто получаютъ очень значительный доходъ. Эту методу можно назвать *промышленною*, потому что ее употребляютъ большею частію пчеловоды—промышленники, думающіе только о наивозможно-большемъ полученіи дохода отъ своей пасики. Этой методѣ слѣдуютъ у насъ

всѣ пчеловоды-старообразцы, живущіе въ Новозыбковскомъ уѣздѣ и служащіе паспчниками у многихъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. При благопріятномъ лѣтѣ, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемого меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляеть ихъ слѣпо слѣдовать этой промышленной методѣ. Но какъ послѣдствія ея, при неблагопріятномъ лѣтѣ, бывають иногда до-того пагубны, что разомъ уничтожается почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дѣйствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слѣдовать?—По моему мнѣнію, въ простомъ пчеловодствѣ, при неопытныхъ паспчникахъ, гораздо лучше придерживаться натуральнаго роенія; но кто имѣеть у себя знающаго паспчника, тотъ долженъ въ этомъ случаѣ избрать путь, указанный намъ Прокони-чемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здѣсь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искусственные рои не всегда берутся только по произволу пчеловода, но иногда они составляютъ необходимость; такъ, во 1-хъ, бывають такія пчелиныя семейства, которыя независимо отъ погоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожатъ назоки, что повторяи нѣсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такихъ пчель необходимо взять искусственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, ныя семейства бывають до-того сильны, что мухи въ нихъ полонъ улей, а между-тѣмъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думаютъ роптеть, и ежели ихъ такъ оставить, то они впоследствии ослабѣють; съ такихъ пчель, по тому же расчету, необходимо брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкѣ пасѣки ныя пчелы до-того бывають сильны, что едва помѣщаются въ ульѣ; если изъ нихъ не взять насильныхъ роевъ, хотя бы они впоследствии и могли дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видѣть, какъ много теряють тѣ, которые придерживаются одного натурального роенія. Но польза искусственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ большой пасикѣ, гдѣ въ одинъ день выходитъ пятьдесятъ и болѣе натуральныхъ роевъ, они непременно смѣшаются, отъ чего погибнуть многія хорошія матки, и самый разборъ ихъ будетъ труднѣе ежели взятіе искусственныхъ роевъ; кромѣ того, изъ пятидесяти роевъ натуральныхъ едва удастся пасѣчникамъ поставить тридцать, тогда какъ взявши эти пятьдесятъ роевъ искусственнымъ образомъ

вы не подвергнете ихъ никакимъ приключеніямъ и всё они будутъ цѣлы и хороши; 2-е. Многія сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искусственнымъ образомъ можно взять у нихъ рой желасмой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучшими, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду падаютъ на землю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рой отбираются искусственнымъ образомъ.

Но эта метода искусственныхъ роевъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, будетъ не только бесполезною, но даже гибельною, если брать насильно рой безъ всякаго соображенія, на—удачу, какъ дѣлаютъ большею частію пчеловоды — промышленники, а потому въ ней слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1-е. Брать рой только съ *прибора*, т. е. изъ тѣхъ шней, въ которыхъ появляются печатные или налитые маточники, назопки, чрезъ — что не только рой будутъ хороши, но пчорки будутъ имѣть натуральныхъ матокъ, и слѣдовательно не заведется въ пасикѣ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываетъ при промышленной методѣ. 2-е. На основаніи этого правила, а также вслѣдствіе того, что рой, выходящіе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряютъ, должно всё первые рой, особливо въ большой пасикѣ, отбирать непременно искусственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготовляясь къ роенію, уничтожаютъ потомъ свои назопки, когда онѣ, будучи очень сильны, не готовятъ роевъ въ самое роевое время и, наконецъ, при перевозкѣ пасики изъ ульевъ, полныхъ мухор, необходимо брать искусственнымъ образомъ рой не только съ приборныхъ пчелъ, но даже съ червы. 4-е. Всѣхъ вообще искусственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и позднѣйшихъ, за неимѣніемъ медковъ, на вощанки, и отбирать ихъ не иначе какъ въсомъ; ранніе рой могутъ быть меньше, а поздніе — больше. Меньшіе въсъ раннихъ роевъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мѣрѣ приближенія взятка нужно постепенно увеличивать въсъ ихъ до шести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вощанки, — что можно дѣлать только при началѣ яришнаго взятка, — меньшіе въсъ можетъ быть пять фунтовъ. 5-е. При отборѣ искусственныхъ роевъ, кромѣ знанія правилъ, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство, — чего ловкій пасѣчникъ при

частыхъ опытахъ можетъ легко достигнуть. Легче отобрать искусственные рои изъ тѣхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ липечныхъ ульяхъ ловкимъ паспчникомъ отбирается рой въ пять и не болѣе десяти штукъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рой эти *по посадкѣ въ ульи* не слетали на старые ульи: въ такомъ случаѣ они ослабѣютъ и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ паспки въ другое мѣсто, не ближе четырехверстнаго разстоянія: поэтому, выгодыѣ всего отобрать ихъ при перевозкѣ паспки. Но можно ставить и въ одной паспкѣ каждый рой возлѣ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ паспкѣ стоятъ рѣдко, не менѣе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ большой внимательности паспчника; при заботливости и знаніи, онъ также безопасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозкой пользуюсь только при случаѣ. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искусствѣ и ловкости паспчника, вы всегда будете имѣть отъ своей паспки болѣе выгоды, нежели въ томъ случаѣ, еслибы вы придерживались исключительно одного только натурального роенія, и будете подвергаться менѣе риску, нежели при промышленной методѣ. Вы будете всегда имѣть больше и лучшихъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдѣлавшись къ яриному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, слѣдовательно, вы получите большую пользу. Совершенно скудный взтокъ будетъ конечно гибеленъ для паспки, но это самое случилось бы и при натуральномъ роеніи, ибо, по этой методѣ, насильнымъ роеніемъ вы берете почти тѣхъ же натуральныхъ роевъ только искусственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, промышленной, я назову *сильшанною*, такъ-какъ въ ней приняты всѣ три рода роенія: натуральное, искусственное и насильное. Всѣ эти три методы, имѣющія цѣлю главнымъ образомъ увеличеніе паспки, предполагаютъ полученіе отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества паспки увеличившейся рояли, чрезъ умерщвленіе части ея пней, — о чемъ я буду говорить впоследствии.

Для тѣхъ пчеловодовъ, которые держатъ пчелъ въ цѣльныхъ ульяхъ, всѣ эти способы роенія не представляютъ достаточно надежнаго

способа для получения хорошаго дохода въ перонстое лѣто. Не увеличивая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хорошій и продолжительный взятокъ, они не могутъ рѣшиться брать насильныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случаѣ неудачи, они рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое перонстное лѣто эти пчеловоды бывають сначала въ большомъ недоумѣніи, а по истеченіи его, если они были осторожны, то почти не получаютъ дохода отъ пчелъ; если же дѣйствовали на авось, то торжествуютъ удаче риска или оплакивають потери. Эти обстоятельства бывають причиною всѣхъ тѣхъ безкопечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія пчелъ, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ перемѣнъ убѣжденій пасичниковъ, послѣ испытанныхъ ими потерь или удачъ. Въ продолженіи моихъ занятій пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всѣ эти методы, я подвергался также частымъ колебаніямъ, но наконецъ рѣшилъ мои недоумѣнія только тѣмъ, что оставилъ цѣльные ульи и ввелъ составные, и теперь рѣшаюсь сказать, что одно только веденіе пчелъ въ составныхъ ульяхъ есть единственное средство, которое можетъ избавить пчеловода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роенія пчелъ, и принести ему, во всякомъ случаѣ, обильный доходъ. Въ такой пасикѣ, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобильномъ взяткѣ, получится тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія насики, какой бы могъ получиться и при роеніи, а иногда и болѣе; въ случаѣ же скуднаго взятка, нѣтъ риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линеечныхъ ульяхъ, о чемъ я буду говорить впоследствии. Прежде нежели я достигну въ своей пасикѣ до надлежащаго количества линеечныхъ ульевъ, я придумалъ еще одну особую методу для получения и изъ цѣльноулейной пасики значительнаго дохода, не уменьшая увеличившагося роями количества насики и не подвергая ее, въ случаѣ неблагоприятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ занятіямъ въ пасикѣ въ продолженіе періода роенія. Они бывають слѣдующія:

1. *Отборъ и посадка роевъ.* Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикѣ, и къ нему, смотря по величинѣ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ и хотя нѣсколько приученныхъ къ обращенію съ ульями. При пересмо-

трѣ пасики, почти ежедневномъ, необходимо отмѣчать приборные ульи установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роеніи, слѣдить за приборными ульями, не прозвѣвать выхода роя; при выходѣ перваковъ, сидѣть у самаго летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши рой, сажать ихъ, со всѣми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вощанками, ульи. По выходѣ вторыхъ и послѣдующихъ роевъ, въ которыхъ большею частію бываетъ нѣсколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всѣхъ матокъ, какъ то дѣлаютъ простолюдины, отъ чего матки дерутся, иногда погибаютъ лучшія изъ нихъ, и рой бунтуетъ. Наблюдать, чтобы натуральные рой имѣли достаточно силы, и ежели выходятъ малые рой, то ихъ или соединять по два вмѣстѣ, или же усиливать ими слабыхъ перваковъ, или взройковъ. При искусственномъ роеніи, изъ отмѣченныхъ вечеромъ приборныхъ ульевъ, на слѣдующее утро отобрать рой, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы на взятокъ, если только погода не сдѣлается холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорѣе изловить матку, ибо чѣмъ она скорѣе будетъ поймана, тѣмъ скорѣе сдѣлается искусственный рой, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ея. Для отбора искусственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочими и каждой парѣ брать рой особю, что ускоряетъ работу. По отборѣ роевъ, непременно по вѣсу мухи и по посадкѣ ихъ въ ульи, необходимо или вывозить ихъ изъ пасики, или же ставить возлѣ ихъ взройковъ, поступая при этомъ такъ, какъ будетъ сказано въ письмѣ XI-мъ. По посадкѣ въ ульи какъ искусственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдѣлать на нихъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на взройкахъ отмѣтить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, что необходимо какъ для наблюденія надъ роями, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искусственные рой, вторые выходятъ большею частію натурально; но если они не выходятъ, а въ взройкѣ сила и черва большая, то можно брать и вторые рой искусственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на взройка, въ которомъ останется много червы, накинуть маленькаго натурального ройка.

2. *Усиленіе слабыхъ.* Когда нѣкоторые пчелиныя семейства отъ какихъ либо обстоятельствъ ослабѣли, то въ это время представляется

самый лучший случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно подбавлять имъ мухи изъ другихъ ульевъ, пересаживать, или переставлять ихъ — какъ дѣлалось до роибы, а стоить только накупить имъ натурального роика, такого, котораго особо сажать не слѣдуетъ, или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имѣющей свойство тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старое. Такія усиленные пчелы, если уже и не будутъ роняться, то, по крайней мѣрѣ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими *зимовиками*—пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще надобно постоянно помнить основное правило, что выгоднѣе имѣть менше пчелъ, но сильныхъ, нежели много слабыхъ, а потому не слѣдуетъ стараться каждый небольшой роекъ сажать въ отдѣльный улей, но лучше употребить его на усиленіе слабого.

3-е. *Недопущеніе изройковъ до ослабленія.* Иныя пчелы даютъ двухъ и болѣе роевъ, которые, будучи всегда небольшими, не могутъ быть сажасмы отдѣльно; изройки же при этомъ сильно ослабѣваютъ. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульѣ, по выходѣ изъ него перваго или втораго роя, смотря по силѣ его, посчитать всѣ маточки; если же и послѣ сего онъ будетъ продолжать отпускать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вышедшимъ роемъ, посадить въ особый улей, т. е. сдѣлать насильнаго втораго роя, а на гнѣздо изройка накупить маленькаго натурального роика. Ко взятку они будутъ оба хороши, а безъ этого они будутъ оба слабы и, слѣдов., не въ состояніи будутъ внести себѣ достаточно на зиму меду. Вообще на изройковъ надобно обращать большое вниманіе и не допускать ихъ до слабости: они болѣею частію предназначаются для полученія отъ нихъ меду въ доходъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ длинные заіосы. Но многіе пасѣчники объ этомъ не заботятся и, какъ остроумно замѣчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большаго выхода роевъ, въ пасикѣ у нихъ есть такіе изройки, которые едва существуютъ, но они бѣгаютъ, ищутъ новой посуды и дорого за нее платятъ, не подозрѣвая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить рой, и не только избавили бы себя отъ хлопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый маленькій рой отдѣльно.

4-е. *Исправленіе безматковъ.* Во время роенія, когда такъ

много молодыхъ и хорошихъ матокъ, надобно всѣмъ тѣмъ семействамъ, которыя не имѣютъ матокъ или имѣютъ худыхъ, дать новыхъ хорошихъ матокъ. Въ это время слѣдуетъ: 1-е, удостовѣриться въ качествахъ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нѣкоторыхъ семействахъ, и если онѣ дурны, то перемѣнить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли онѣ у первыхъ искусственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что узнается по червѣ и другимъ признакамъ гнѣзда, и въ случаѣ неблагополучія дать новыхъ матокъ, за которыми опять имѣть такое же наблюдение; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тѣхъ изройковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдутъ въ зиму или на перегоны; у тѣхъ же, которые назначаются на медъ, если матки нѣтъ, особенно если это случится уже во взяточное время, то нѣтъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно лишить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходѣ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть яички, пчелы заляютъ медомъ всю вошину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ не только будетъ болѣе меду, но медъ, сверхъ того, будетъ совершенно чистый и безъ червы.

5-е. *Кормленіе пчелы.* Въ роевое время, если въ природѣ нѣтъ обильнаго взятка, вся пасека требуетъ хорошаго корму отъ хозяина; особливо онъ нуженъ молодымъ ролямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабѣвъ, или погнѣнутъ, или же если доживутъ до яричнаго взятка, то не будутъ въ состояніи внести себѣ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалѣть меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рой, тѣмъ—болѣе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. *Перевозка пасики.* Пасики, расположенныя въ лѣсной или луговой мѣстности, гдѣ бываетъ изобиліе весенній взятокъ, болѣею частию отронваются на мѣстѣ, до яричнаго взятка; по полевая пасики роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромѣ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза изъ пасики всѣхъ насильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случаѣ перевозкою пасики. Если перевозка пасики случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное новое мѣсто всѣхъ взятыхъ прежде искусствен-

ныхъ роевъ и усиленныхъ пчелъ, а потомъ, во время самой перевозки, взять сильные рои изъ всѣхъ тѣхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозѣ ихъ изройковъ, дня черезъ два, перевезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всѣ изложенныя въ этомъ письмѣ правила, тогда къ яриному взятку — этому важнѣйшему періоду пчеловодства, при благоприятной, разумѣется, погодѣ, пасика будетъ не только обильна роями, (иногда удвоится), но всѣ рои, изройки и старыя пчелы или *нерои* будутъ обильны мухою — этою рабочею силою, которой чѣмъ больше въ ульѣ, тѣмъ лучше; и ежели будетъ хорошій взятокъ — медъ полетится рѣкою въ пасику, и каждый улей внесетъ его не только достаточно для своего, почти годового, существованія, но и для дохода хозяина. Въ противномъ же случаѣ, при слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткѣ рабочей мухи, и самыи изобильной взятокъ принесетъ хозяину мало пользы, а при посредственномъ взяткѣ всѣ слабые рои и изройки подкурятся сѣрой, и удвоенная пасика вдругъ уменьшится наполовину своего весенняго количества, не принеся хозяину никакого дохода.

(VIII-е письмо въ слѣдующей книжкѣ.)

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

Страна, населенная Южноруссами (Украинцами, Малороссами), занимаетъ часть Восточной Европы. Протяженіе ея съ запада на востокъ занимаетъ собою почти 20 градусовъ долготы, т. е. отъ 38 до 58 градусовъ восточной долготы (считая отъ острова Ферро), что составитъ слишкомъ 1,800 верстъ. Наибольшее протяженіе съ сѣвера на югъ простирается до 900 верстъ, т. е. отъ 44 градусовъ 30 минутъ, до 53 градусовъ 45 минутъ сѣверной широты.

Изъ разсмотрѣнія *границъ* Южной Руси читатели увидятъ, что край этотъ имѣетъ весьма разнообразную фигуру и входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи; меньшая часть (одна четырнадцатая) принадлежитъ послѣдней.

На западѣ граница Украины начинается отъ г. Саидеча, въ Галлиціи, въ 10-ти миляхъ отъ Кракова, и идетъ на сѣверо-востокъ чрезъ г. Ярославъ въ Царство Польское до мѣстечка Туробина и далѣе; отсюда граница поворачивается на востокъ, переходитъ Западный Бугъ и идетъ на Ковель и по южной долинѣ р. Припяти до ея впаденія въ р. Днѣпръ при м. Старе-мѣсто; отсюда граница идетъ на сѣверъ по Днѣпру до м. Лоева и потомъ на сѣверо-востокъ до г. Мглина, самаго сѣвернаго пункта южнорусскаго населенія. Отъ Мглина Украинское населеніе граничитъ съ великорусскимъ (Орловскою губерніею) и идетъ на юго-востокъ; далѣе,—въ Курской губерніи, съ точностію границу эту опредѣлить нельзя, потому что нѣкоторые селенія Украинскія находятся восточнѣе Курска, и нѣкоторые великорусскія села

лежать близъ границъ Черниговской губерніи. Отъ г. Богодухова на югъ, жители сплошь Украинцы и граница, направляясь на востокъ, входитъ нѣсколько въ Воронежскую губ. и оттуда круто поворачиваетъ на югъ до верховьевъ р. Калміуса. Отъ этого мѣста на югъ лежитъ отдѣльная земля Кубанскаго (б. Черноморскаго) Козачьяго Войска, населенная безъ исключенія Украинцами. Между Азовскимъ моремъ и Украинскимъ населеніемъ Екатеринославской и Таврической губерній, поселили Ногайскіе татары и нѣмецкіе колонисты (1). Затѣмъ, отъ Перекопскаго перешейка до Турецкихъ владѣній, берега Чернаго моря заселены Украинцами и составляютъ южную границу страны. Рѣка Дунайъ составляетъ юго-западную границу Украины до м. Ямполья, а оттуда граница идетъ на западъ по южному склону Карпатскихъ горъ и доходить, на крайнемъ западѣ, до г. Сандеча. Изъ этого обзора границъ видно, что населеніе южно-русскаго народа занимаетъ большую часть Австрійской Галиціи, половину Люблинской губерніи Царства Польскаго, малую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерній и Землю Кубанскаго (Черноморскаго) войска.

Мы не говоримъ, что на всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ одни Украинцы; такъ, напримѣръ, въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и городскіе обыватели болшею частію Поляки; въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ почти все помѣщики и нѣкоторые мѣщане также Поляки; въ Херсонской и Таврической живутъ Нѣмцы-колонисты, Сербы, Болгары, Греки и проч.; въ Харьковской—много переселенцевъ великорусскихъ; и, во всей западной Украинѣ весьма много Евреевъ. Но земледѣльческій классъ почти весь состоитъ изъ населенія, говорящаго Южно-русскимъ или Украинскимъ языкомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ горахъ Карпатскихъ, Приплетскихъ болотъ и земель, лежащихъ на лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, вся описываемая нами страна отличается плодородіемъ и считается житницею Россіи и даже Европы. Чер-

(1) Отсюда къ сѣверовостоку, отдѣльныя украинскія поселенія разсѣяны въ Донской Землѣ, преимущественно на правой сторонѣ верхняго и нижняго Дона, частію въ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ.

воземъ доставляетъ обильную жатву зерноваго хлѣба, а умѣренный климатъ способствуетъ произрастанію плодовъ.

Пространство земель, населенныхъ Украинцами, въ точности опредѣлить нельзя, но, приблизительно, оно составляетъ слишкомъ 10,870 кв. геогр. миль, изъ коихъ на Австрійскія владѣнія въ Галиціи, Венгрии и Буковинѣ приходится около 1,650 миль. На всемъ этомъ пространствѣ находится около 14,300,000 жителей, говорящихъ южно-русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, по пространству, Украина или Малороссія превышаетъ Францію на тысячу географическихъ миль, а по абсолютному населенію уступаетъ Испаніи двумя милліонами жителей. По причинѣ значительнаго пространства, занимаемаго страной, *мѣстность* въ ней весьма разнообразна: начиная отъ гористаго запада Галиціи, Венгрии и Буковины, до пространныхъ степей Екатеринославской и Херсонской губерній и до болотистой равнины р. Припечи, можно встрѣтить мѣстоположеніе всѣхъ родовъ; такъ, *Карпатскія* горы, на границѣ Венгрии и Галиціи, достигаютъ до 6,000 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Главный хребетъ этихъ горъ тянется отъ запада къ юго-востоку и имѣетъ въ ширину отъ 40 до 70 верстъ. Покатости его положе къ югу и обрываете къ сѣверу. Отъ хребта къ югу отдѣляется нѣсколько замѣчательныхъ вѣтвей, какъ напримѣръ, идущая отъ деревни Полянки до г. Варано между притоками р. Ондавы; вѣтвь, отдѣляющаяся отъ хребта при деревнѣ Ростоки и оканчивающаяся двумя отраслями: западною, называемою *Свинскій камень* и восточною, оканчивающеюся при г. Унгварѣ. Восточнѣе, отъ горы Шерейникъ (Ширника), идетъ гребень горъ, который кончается круто при кр. Мункачѣ. Отъ горы *Попады*, тоже отдѣляется нѣсколько вѣтвей на югъ, — не длинныхъ, но весьма суроваго характера. Гора *Петро* служитъ узломъ, при которомъ Карпатскій хребетъ круто поворачиваетъ на югъ, распространяя отрасль на востокъ по Буковинѣ до долины рѣки Прута. На сѣверъ отъ главнаго хребта, вѣтвей гораздо менше, но зато тѣ, которыя существуютъ, длиннѣе, хотя онѣ не сохраняютъ альпійскаго характера южныхъ отраслей. Самая важная начинается отъ горы Ширники, проходитъ между источниками рѣкъ Сана и Дибетра и тянется сперва на сѣверъ до Новаго-мѣста, потомъ на востокъ до Львова (Лемберга), откуда раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ одна идетъ на сѣверо-западъ до р. Тисва, впадающей въ р. Санъ; другая, по сѣверному направленію, между притоками Сана съ одной и притоками р. Буга

(Западнаго) съ другой стороны, направляется въ Люблинскую губ., гдѣ, при м. Томашовѣ, принимаетъ направленіе съ запада на востокъ и служитъ началомъ р. Вепржа и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ рѣки Вислу и Бугъ. Наконецъ, третья отрасль направляется на востокъ, проходя между притоками Днѣстра и Буга, входитъ въ предѣлы Россіи и служитъ раздѣленіемъ водъ, текущихъ въ Черное и Балтійское моря.

Самый хребетъ Карпатскій, проходящій по западной части Южнорусскаго края, хотя и не бываетъ покрытъ вѣчными снѣгами, однако имѣетъ почти вездѣ альпійскій характеръ, т. е. рѣчки, имѣющія въ немъ начало, не пересѣкаютъ хребта и имѣютъ берега обрывистые и скалистые; подъемы на горы возможны только по дорогамъ; во многихъ мѣстахъ вершины оканчиваются пиками, и снѣга почти на всемъ гребнѣ лежатъ 8 и болѣе мѣсяцевъ.

Не смотря на такой суровый характеръ горъ, дорогъ въ нихъ весьма много, въ особенности въ западной части, какъ-то: изъ Н. Самдеча въ Мусшну; изъ Грибова туда же и въ Бартфельдъ; изъ Горлице, чрезъ Зоро, въ Бартфельдъ; изъ Змигорода туда-же; изъ Змигорода въ Свидникъ; изъ Дуклы въ Стропко, и проч.; въ восточной же части, отъ дороги изъ Турки въ ст. Веречку до восточнаго поворота, псключая тропинку, пѣтъ ни одной удобной дороги. Южный склонъ Карпатовъ сохраняетъ тотъ же характеръ, что и ихъ гребень. Сѣверный же, не смотря на крутые спуски, понижается мало по малу и, при рѣкахъ Санъ и Бугъ, обращается въ равнины.

Вся Галиція съ запада на востокъ имѣетъ видъ холмистый, въ Люблинской же губерніи — на западѣ мѣстность волнообразная, а на востокѣ представляетъ большею частію плоскія возвышенія, теряющіяся въ долины Западнаго Буга.

Эти возвышенія входятъ въ Польшу при Тарнополь и потомъ разворачиваются, какъ-бы вѣеромъ: на западъ до Вислы, на востокъ до Буга, а на сѣверъ ограничиваются большою дорогою изъ Грубешова въ Люблинъ. Въ этой части самое возвышенное мѣсто есть гора *Гута*, Красновоставскаго уѣзда, болѣе 1,095 футовъ.

Въ южной Галиціи и Буковинѣ рѣки прорѣзали глубокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, долины и текутъ чрезвычайно изгибисто; въ сѣверной же части, тамъ гдѣ почва наносная, рѣки имѣютъ теченія почти прямыя и долины ихъ широкія.

Въ Россію отрасли Карпатовъ входятъ небольшими горами между

городами Владиміромъ—Волынскимъ и Кременцомъ и образуютъ три главныя вѣтви: 1-я вѣтвь, идущая на сѣверъ между источниками р. Луга, впадающей въ Бугъ и притоками р. Стыри, Туры и Припети, имѣетъ на югъ характеръ гористый съ нѣсколькими возвышеніями до 1120 ф. (при м. Бѣлозеркѣ); на сѣверѣ же и востокѣ, постепенно понижаясь, превращается въ равнину; 2-я идетъ на востокъ, составляя нагорный берегъ р. Припети, возвышаясь до г. Староконстантинова и отбрасывая отрасли къ сѣверу между рѣками Стырью, Горынью, Случемъ и другими, впадающими въ Припеть. Отъ г. Староконстантинова горы обращаются въ возвышенную равнину и только подъ Кіевомъ становятся холмисты; 3-я отрасль направляется на юго-востокъ,—подъ г. Кременцомъ достигаетъ 1,328 футовъ высоты и составляетъ нагорный берегъ р. Днѣстра, образуя глубокія долины его притоковъ; эта же отрасль, давъ начало р. Бугу (Южному), идетъ на востокъ не превышая 1,180 футовъ. Южныя отпрыски даютъ странѣ видъ горный, съ нѣсколькими остроконечными гранитными вершинами и крутые берега рѣкъ и овраговъ. Отрасль же, идущая на востокъ, волнообразна и проходитъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской губерніи до Никополя и Днѣпровскихъ пороговъ. Вся эта полоса имѣетъ въ основаніи гранитъ, который показывается въ обрывистыхъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ и проходитъ отъ м. Ямполья на востокъ, пересѣкаетъ р. Бугъ между Ольвiоподемъ и Вознесенскомъ, и потомъ, близъ Никополя, р. Днѣпръ.

Все это гористое, возвышенное пространство ограничено—на сѣверо-западъ—ровнымъ плато, служащимъ раздѣльною чертою водъ, текущихъ въ Балтійское и Черное моря; на сѣверѣ Волынской и Кіевской губерній оно превращается въ плоскую равнину, почти сплошь поросшую лѣсами и называется *Польсьемъ*. Возвышенности оканчиваются и Польсье начинается по слѣдующей чертѣ: отъ м. Торчина на г. Луцкъ, м. Олыку, Клевань до Бронниковъ, по р. Горыню до м. Тучина, а оттуда чрезъ Повгородъ—Волынской и, отдѣляя двѣ трети Радомысльскаго и третью часть Кіевскаго уѣздовъ, доходитъ до р. Днѣпра.

Отъ вышесказанной гранитной полосы мѣстность, постепенно понижаясь на югъ, доходитъ до береговъ Чернаго моря, образуя плодородныя степи, покрытыя черноземомъ.

Изъ этого обзора мѣстности отъ запада до Днѣпра, мы видимъ, что Карпатскій хребетъ составляетъ самую возвышенную часть края и пускаетъ отъ себя вѣтви короткія на югъ, длинную на сѣверъ, и

еще длиннѣйшую на востокъ и составляетъ, такимъ-образомъ, выпуклую часть, оканчивающуюся на юго-востокѣ берегами Чернаго моря, на сѣверо-востокѣ—болотистою равниною Полѣсья и на сѣверѣ равнинами Польши.

По лѣвой сторонѣ Днѣпра тянутся двѣ главныя возвышенности: одна идетъ изъ сѣверной части Курской губерніи на юго-западъ, на югъ и юго-востокъ и даетъ начала рѣкамъ: Окѣ, Соснѣ, Сейму и др.; а другая, перерѣзавъ Днѣпръ между Екатеринославомъ и с. Знаменкою, идетъ сперва на востокъ, а потомъ на сѣверо-востокъ и составляетъ такимъ образомъ продолженіе гранитной полосы, о которой мы упоминали выше. Эти двѣ возвышенности нигдѣ не образуютъ горъ, но имѣютъ характеръ холмистый и только по берегамъ рѣкъ бываютъ круты. Вѣтви этихъ возвышенностей, проходя между рѣками Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерній, образуютъ какъ бы котловину къ лѣвому берегу Днѣпра между м. Лосвымъ, гг. Черниговомъ, Лубнами и Золотоношею. Полуостровъ Крымъ состоитъ изъ двухъ частей: горной и степной; большая дорога изъ Феодосіи, чрезъ Симферополь, въ Севастополь служитъ чертою раздѣленія этихъ мѣстностей. Къ сѣверу отъ дороги есть холмы, но горъ не имѣется, къ югу же сплошь все горы. Эти горы суть продолженіе Кавказскихъ горъ. *Крымскія* горы, начинаясь на южномъ берегу полуострова отъ монастыря св. Георгія, тянутся по берегу на востокъ; первая часть ихъ до Бююкъ-Ламба—та носитъ названіе *Яйла*; далѣе, отъ Балаклавы, хребетъ, приближаясь къ Черному морю, отъ мыса Біоцента до мыса Аія, образуетъ отвѣсныя берега моря; отъ Аія—горы опять нѣсколько удаляются отъ южнаго берега, такъ-что гребень ихъ отдаленъ отъ одной до четырехъ верстъ.

Наиболѣе возвышенные пункты хребта суть: *Ай-нетра*—3,661, *Чатыръ-Дагъ* — 3,047 и *Бабуянъ* — 3,117 футовъ. Отъ горы *Демерджи* горы удаляются отъ моря верстъ на десять и притомъ становятся все ниже и ниже, и подъ Феодосією терются въ степи. Южный склонъ горъ крутъ и скалистъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совершенно отвѣсенъ. На немъ примѣчательна гора *Аюдагъ*; она выдается далеко въ море, и, образуя мысъ, занимаетъ пространство въ три версты длиною и въ двѣ съ половиною шириною; высота ея равняется 1,918 футовъ. Оканчивая орографію страны, мы укажемъ на примѣчательныя высоты относительно поверхности Океана: *Черная гора* въ Карпатахъ, на границѣ Галиціи и Венгріи, 6,000 футовъ;

Гута, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи—1,095 $\frac{1}{2}$ футовъ; *Кавенчинъ* Замойскаго уѣзда—1,088 $\frac{1}{2}$ футовъ; *Бѣлозерскія* горы Волынской губерніи—1,120 футовъ; у деревни *Кривочинцы*, на границѣ Подольской и Волынской губерніи, 1,155 футовъ; при м. *Фельштинъ* Подольской губерніи—1,159 фут.; при с. *Тучь*, Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи—1,055 $\frac{1}{2}$ фут. Г. *Кіевъ*, старый, 651 $\frac{1}{2}$ фут. и гора *Криленецъ*, Харьковской губ., на берегу р. Донца—800 фут. Земля Черноморскаго, или Кубанскаго, козацкаго войска почти вся есть равнина, прорѣзанная небольшими рѣчками, имѣющими медленнаго теченіе съ юго-востока на западъ; она ограничена съ юга р. Кубанью, которая имѣетъ берега весьма низменныя, въ-особенности у своего устья.

Обратимся теперь къ описанію примѣчательныхъ равнинъ края, начиная съ запада.—Въ Царствѣ Польскомъ наибольшая равнина находится по обѣимъ сторонамъ р. Западнаго Буга. На лѣвомъ берегу этой рѣчки, она начинается отъ м. Опалина и тянется на юго-востокъ до Владимира; длина ея—болѣе 80, а ширина отъ 7 до 30 верстѣ. Въ Галиціи примѣчательна равнина, лежащая между городами Соколомъ и Бродами и идущая по юго-восточному направленію; она соединяется съ другою, идущею отъ г. Сокола на западъ до м. Любцы.

Въ Русскихъ предѣлахъ особенно замѣчательна равнина р. Припяти, называемая *Польсьемъ*. Она занимаетъ страну плоскую, низменную, покрытую огромными болотами и дремучими лѣсами. Открытыя поля составляютъ исключенія; рѣка Припять и ея притоки имѣютъ паденіе ничтожное и потому теченіе медленное, а берега плоскіе, неопредѣленные. Въ этой странѣ населеніе весьма скудное, сообщенія затруднительны, а во время весеннихъ разливовъ почти вездѣ прекращаются; такъ-что въ Минской и Волынской губерніяхъ нѣкоторыя селенія не имѣютъ между собою сообщенія по два и болѣе мѣсяца. Польсье имѣетъ въ длину до 450 верстѣ, а въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе 80-ти. Въ Подольской губерніи находится одна большая равнина, имѣющая въ длину 110, а въ ширину до 15-ти верстѣ. Она начинается отъ м. Улапова, по лѣвому берегу р. Синеводы и Буга до с. Приборовки; Балтскій уѣздъ, какъ степной, также образуетъ равнину. Въ Кіевской губерніи, кромѣ Польсья, большая равнина находится около м. Бѣлой-Церкви, ограниченная съ юга р. Росью, съ запада — р. Красною, съ востока — берегомъ р. Стугны и съ сѣвера с.с. Пологи и Мозеницы. Длина равнины 80,

ширина 40 верстъ. Вся южная часть Херсонской губерніи, принадлежа къ разряду степей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная равнина, перерѣзанная рѣками: Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, незначительными рѣчками и болотами. Черниговская губернія хотя сама по себѣ ровна, но—будучи покрыта большими лѣсами—имѣетъ не много равнинъ. Можно указать только на южные, степные уѣзды: Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и частію Козелецкій, небольшія равнины открытыя мѣста близъ г. Глухова и м. Воронежа, имѣющія каждое пространства около 130 квадр. верстъ. Сѣверные и восточные уѣзды Полтавской губерніи принадлежатъ къ степнымъ мѣстамъ, а потому тамъ находятся обширныя равнины.

Харьковская и Екатеринославская губерніи, почти безъ исключенія, составляютъ одну общую равнину, пересѣкаемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмами, рывшинами и рѣками, имѣющими крутые и пологіе берега.

О полуостровѣ Крымъ мы уже говорили; сѣверная же часть Таврической губерніи представляетъ степь, кончающуюся около Азовскаго моря и Сивашскаго залива частію песчаными, частію глинистыми солончаками. Кромѣ отроговъ возвышенностей, проходящихъ между рѣками, Землю Войска Донскаго можно назвать равниною открытою; исключеніе составляетъ Міускій округъ, который имѣетъ мѣстность волнообразную и возвышенную.

Рѣки южнорусскаго края принадлежатъ къ бассейнамъ водъ Балтійскаго и Чернаго морей. Балтійское море не входитъ въ предѣлы нашего края, а потому займемся описаніемъ только Чернаго съ его залвомъ — Азовскимъ моремъ. *Черное море*, есть море внутреннее, имѣющее исходъ на юго-западъ, гдѣ посредствомъ Константинопольскаго пролива оно соединяется съ Средиземнымъ. Наибольшая длина его отъ запада къ востоку 1,060 верстъ; наибольшая ширина отъ Тилигульскаго лимана до устья р. Сакарты, на Анатолійскомъ берегу,—585 верстъ. Берега Чернаго моря вообще возвышены съ востока и юго-юго-запада, и низменны съ сѣверо-запада и сѣвера, а потому это море болѣе открыто для сѣверныхъ вѣтровъ. Море имѣетъ теченіе постоянное, отъ Керченскаго пролива, по сѣвернымъ берегамъ съ востока на западъ до Одессы, а оттуда на югъ въ проливъ, куда стремится и общее теченіе моря.

Черное море острововъ (кромѣ трехъ небольшихъ) не имѣетъ. Отмели находятся только на сѣверномъ берегу между устьемъ Дуная и Перекопскимъ перешейкомъ, а также въ Керченскомъ проливѣ; а

потому плаваніе около береговъ безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ. Самыя сильныя бури бывають въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при южныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ.

Море ежегодно замерзаетъ на мелководьяхъ; порты же съ глубокою водою никогда не замерзають. Вода въ Черномъ морѣ менше солона, чѣмъ въ Средиземномъ и болѣе солона, чѣмъ въ Балтійскомъ. Приливамъ и отливамъ Черное море не подвержено, за исключеніемъ тѣхъ приливовъ, которые происходятъ отъ постоянно и сильно дующихъ нѣсколько дней, съ одной стороны, вѣтровъ.

Главныя углубленія въ материкѣ, на сѣверныхъ берегахъ моря, суть: *Азовское* море съ заливомъ *Сивашъ*, *Каркинитскій* заливъ, омывающій сѣверо-восточные берега Крымскаго полуострова и южный берегъ материка; западнѣе этого залива находятся другіе, образуемые лиманами рѣкъ: *Днѣпра*, *Тилигула*, *Днѣстра* и *Кагульника*. Берега Азовскаго моря вообще низменны, за исключеніемъ части южнаго берега отъ Казантипскаго мыса до входа въ Керченскій проливъ. *Сивашскій* заливъ, или *Гнилое* море, соединяется съ Азовскимъ посредствомъ Геническаго пролива, имѣетъ берега плоскіе и весьма извилистые. Длина этого моря, отъ устья р. Дона до Керченскаго пролива, равна 290, а ширина—212 верстамъ; наибольшая глубина 46 футовъ. Вода гораздо прѣснѣе воды Чернаго моря. Отъ Азовскаго моря Сивашъ отдѣляется узкою полосой земли, называемою Арабатскою косою. Пролитъ имѣетъ только 45 сажень ширины. На Сивашѣ находится множество полуострововъ, изъ которыхъ примѣчательнъ *Чангаръ*, соединенный съ Крымомъ посредствомъ постояннаго моста. Азовское море ежегодно замерзаетъ на полтора и два мѣсяца.

Керченскій проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, имѣетъ фарватеръ длиною въ 40 верстъ, чрезвычайно извилистъ, съ нѣсколькими песчаными отмелями и каменными рифами,—что при малой глубинѣ (уменьшающейся иногда до $2\frac{1}{4}$ футовъ), дѣлаетъ плаваніе кораблей весьма затруднительнымъ. Теченіе пролива—съ сѣвера на югъ; но при южныхъ продолжительныхъ вѣтрахъ оно останавливается. Пролитъ начинается отъ мыса *Фанаря* и кончается на югѣ м. *Таклынскимъ*, отъ котораго берега становятся возвышеннѣе, и тамъ, гдѣ къ нимъ примыкають Крымскія горы, круты и скалисты. Для укрытія судовъ отъ буръ на полуостровѣ удобны слѣдующія углубленія: *Феодосійскій* заливъ,—открытъ только южнымъ вѣтрамъ и, при твердомъ грунтѣ, способенъ для якорной стоянки; *Судакскій* рейдъ

удобенъ менѣе Теодосійскаго, но хорошо защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; *Ялтинскій* портъ неудобенъ, по причинѣ каменстаго грунта; *Балаклавская* гавань глубока, закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, но весьма узкій входъ (9½ сажень) представляетъ важное неудобство. На западномъ берегу Крыма въ-особенности замѣчательна *Севастопольская* бухта, длиною въ 6 верстъ, шириною до 400 сажень; глубина бухты отъ 6 до 10 сажень при илистомъ грунтѣ. Эта бухта еще имѣетъ три небольшіе рукава, въ которыхъ суда совершенно защищены отъ западныхъ вѣтровъ, единственныхъ, волнующихъ главную Севастопольскую бухту. Последняя на полуостровѣ гавань, *Эваторійская*, совсѣмъ неудобна для якорной стоянки по своей открытости.

Отъ Карканитскаго залива на западъ, берега Чернаго моря хотя и имѣютъ много углубленій въ материкѣ, но устроить въ нихъ порты невозможно по мелководью. Отъ Перекопа до оконечности Кипчури-ской косы море у береговъ мелко. Отъ этой же косы начинается обширный Днѣпровскій лиманъ, о которомъ, равно какъ и обо всѣхъ лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, мы скажемъ при описаніи рѣкъ. Берега моря отъ устья Кагальника нигдѣ не превышаютъ 30-ти сажень, какъ напримѣръ около Одессы; въ другихъ же мѣстахъ они почти въ уровень съ моремъ и образуютъ соленыя озера, какъ пространство на югъ отъ Одессы до устья Дуная. Городъ Одесса есть единственный портъ на этомъ пространствѣ; рейдъ Одесскій открытъ для восточныхъ, сѣверо и юго-восточныхъ вѣтровъ, покрывается въ большіе морозы льдомъ, и грунтъ его состоитъ изъ клейкаго ила. — Нѣкоторые писатели прославили Черное море, какъ опасное для плаванія кораблей; но это мнѣніе не совсѣмъ справедливо, потому—что на этомъ морѣ очень мало подводныхъ камней и рифовъ; песчанья отмели всѣ извѣстны; бури бываютъ сильны только въ извѣстнаго время, т. е. въ концѣ осени, и для береговаго плаванія по берегамъ, какъ Чернаго, такъ и Азовскаго морей, устроено много маяковъ и другихъ знаковъ.

Рѣкъ, протекающихъ по странѣ, населенной южно-русскимъ народомъ и принадлежащихъ къ Балтійскому бассейну, весьма мало и всѣ онѣ суть притоки р. Вислы. *Санъ* вытекаетъ изъ горы Ширники на сѣверъ до м. Дынова; потомъ поворачиваетъ на востокъ до г. Пржемысля, а оттуда, принявъ сѣверо-западное направленіе, впадаетъ въ Вислу между городами Завихостомъ и Сандомѣржемъ. Все теченіе простирается на 360 верстъ. Въ вершинѣ своей, Санъ

есть горный, быстрый поток и течетъ до Пржемысля въ узкой долинѣ и чрезвычайно извилисто до г. Ярослава, а отсюда по широкой долинѣ до своего впаденія въ Вислу. Судоходство по Сану начинается отъ Дубецка, но оно удобно только въ половодье; внизъ спускается не болѣе 300 барокъ и 200 плотовъ. Изъ притоковъ Сана примѣчательнъ *Вислокъ*, впадающій въ него съ лѣвой стороны ниже г. Пршеворска. Съ правой стороны при м. Улановѣ, Санъ принимаетъ сплавную р. *Таневъ*. Санъ и Вислокъ протекаютъ по Галиціи, а Таневъ по Царству Польскому. Рѣка *Венржъ* имѣетъ источники близъ м. Томашева, протекаетъ 243 версты, — сперва на сѣверъ и сѣверо-западъ, потомъ 60 верстъ на западъ, и вливается въ Вислу при кр. Иванъ-городѣ. Ширина ея. на 170 среднихъ верстахъ, до 20, у устья 70 сажень. Русло рѣки сжато берегами до Красностава, а далѣе долина ея шире и рѣка дѣлается судоходною. Кромѣ 40 различнаго рода переправъ, чрезъ р. Венржъ, на шоссе, перекинуть отличной *американской* постройки мостъ, при д. Косьмино.

Р. *Бугъ* (западный) получаетъ начало въ Галиціи, верстахъ въ 20 отъ г. Бродъ, изъ отрасли Карпатскихъ горъ, называемыхъ *Недоборжець*. До кр. Бреста-Антовека течетъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-западъ до слиянія съ р. Нуржець, потомъ поворачиваетъ на западъ и при м. Сероцькѣ сливается съ р. Наревомъ, гдѣ, принявъ наименованіе *Буго-Нарева*, впадаетъ въ Вислу при кр. Новогеоргиевкѣ. Длина его 676 версты, ширина средняго теченія отъ 15 до 20, а въ нижнемъ—до 100 сажень. Долина Буга только въ верхьяхъ своихъ сжата между берегами; отъ г. Бродъ она уже расширяется и становится ровною, и въ немногихъ мѣстахъ пересекается холмами, какъ при Устѣлугѣ и Городю. Отъ впаденія же въ Бугъ рѣчки Кржины долина становится измненною и болотистою. На всемъ теченіи р. Буга до м. Грана (сѣверный предѣлъ южно-русскаго населенія) можно указать только на слѣдующія возвышенныя на рѣкѣ мѣста: при м. Крыловѣ, Володавѣ, Славатычѣ, Коденѣ—на лѣвомъ, и при м. Гранѣ—на правомъ берегу рѣки. Переправъ чрезъ Бугъ весьма много; примѣчательнъ при Брестѣ висячій, чугунный мостъ. Р. Бугъ служитъ водянымъ сообщеніемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Съ первымъ соединяется посредствомъ Августовскаго канала и р. Пѣмаша, а также и посредствомъ Вислы; со вторымъ—посредствомъ Дитъпровско-Бугскаго канала и Дитъпра. До впаденія въ Бугъ Муховца, судоходству препятствуютъ мельницы и плотины, кото-

рыхъ, на указанномъ нами протяженіи, считается 52. Замѣчательныя притоки Буга съ лѣвой стороны: *Лисецъ*, имѣетъ въ длину 98 верстъ и впадаетъ въ Бугъ въ Варшавской губерніи; *Кржна* или *Тржна*, длиною въ 88 верстъ; по ней весною сплавляютъ лѣсъ; *Гучва*, впадающая въ Бугъ ниже Грубешова, имѣетъ теченіе длиною въ 69 верстъ. Съ правой стороны, кромѣ судоходной р. *Муховца*, впадаютъ въ Бугъ двѣ сплавныя рѣки—*Иретва* и *Лузь*.

Обратимся теперь къ описанію замѣчательнѣйшихъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря. *Днѣстръ* имѣетъ источникъ въ 8½ верстахъ отъ м. Турки и впадаетъ въ Черное море при Овидіюполѣ, пробѣгая 1,550 верстъ, — одну треть изъ нихъ по Галиціи, а остальные по русскимъ владѣніямъ. До м. Фельштина, въ видѣ горнаго потока, рѣка течетъ на сѣверъ, до с. Конюшки на сѣверо-востокъ, а оттуда по восточно-юго-восточному направленію до г. Ямполья, гдѣ поворачиваетъ на югъ до впаденія. Теченіе этой рѣки чрезвычайно извилисто, въ берегахъ крутыхъ, иногда возвышающихся до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Сплавная до г. Самбора, она становится отъ него судоходною; но судоходство вообще весьма затруднительно, какъ по быстротѣ теченія, такъ и по причинѣ крутыхъ, на ней имѣющихся, поворотовъ. Поднимаются же по рѣкѣ суда на незначительное разстояніе отъ устья. При м. Ямпольѣ на Днѣстрѣ находится пороги, образовавшіеся отъ Карпатскаго гранитнаго отрога, пересекающаго рѣку въ этомъ мѣстѣ. Множество мелей, острововъ и полуострововъ составляютъ отличительный характеръ Днѣстра. Эти послѣдніе образуются отъ чрезвычайно извилистаго теченія рѣки. Ширина ея весьма разнообразна: берега то суживаются до 15, то расширяются до 200 саж. Въ Галиціи есть нѣсколько постоянныхъ мостовъ; въ русскихъ же предѣлахъ ни одного, и переправы производятся на паромахъ. Грунтъ рѣки каменистый и скалы иногда встрѣчаются на обоихъ берегахъ, какъ напримѣръ отъ Бамоса до Козлова. Выше р. Ягорлыка, Днѣстръ входитъ въ степь, и ширина его до лимана отъ 80 до 120 сажень. Отъ г. Тирасполя долина рѣки расширяется, дѣлается болотистою и образуетъ на низменномъ берегу нѣсколько озеръ. Въ Днѣстрѣ полноводье бываетъ три раза каждое лѣто: весеннее, около Иванова дня, и около осенняго Іакова (Якуба). Днѣстровскіи лиманъ имѣетъ въ длину 40, а въ ширину отъ 6 до 9 верстъ; отъ Чернаго моря лиманъ отдѣляется песчаною низменностію, соединяющею два противоположные берега узкою пересышью. Въ обыкновенное время,

глубина его отъ $6\frac{1}{2}$ до 8 футовъ. Входъ въ лиманъ совершается съ моря двумя протоками и не затруднителенъ, потому что глубина протоковъ до 9 футовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Галиціи—*Стрый*, вытекаетъ съ вершины горы Пикуй и впадаетъ въ Днѣстръ съ правой стороны, при Жидачовѣ. Съ той же стороны Днѣстръ принимаетъ въ себя р. *Свинцу* и *Быстрицу*. Съ лѣвой стороны въ Днѣстръ впадаютъ, въ Галиціи: *Злота-Луца*, *Стрѣя*, *Середъ* и *Збручъ* или *Подгорца*; послѣдняя составляетъ пограничную черту австрійскихъ и русскихъ владѣній, протекаетъ 176 верстъ и вездѣ проходима въ бродъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены плотны, которыхъ на рѣкѣ весьма много; р. *Смотричъ* съ высокими и скалистыми берегами, длиною въ 143 вер.; р. *Ушица*, впадающая въ Днѣстръ при мѣстечкѣ того же имени, протекаетъ 105 верстъ; р. *Мурафа* течетъ въ глубокомъ, каменномъ корытѣ на протяженіи 145 верстъ.

Между Днѣстромъ и Бугомъ въ Черное море впадаютъ: р. *Кульникъ*; *Тилгуль*, лиманъ коего имѣетъ до 40 верстъ длины и отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ ширины, и *Аджалькъ*, съ лиманомъ въ 10 верстъ длины. Р. *Бугъ (южный)* имѣетъ источники на сѣверо-западѣ отъ г. Проскурова, сперва течетъ на востокъ, а потомъ на юго-востокъ до впаденія своего въ Днѣпровскій лиманъ. Длина его около 600 вер., глубина въ нижнемъ теченіи до 28 фут. Бродовъ много въ верховьяхъ; на 200 же нижнихъ верстахъ бродовъ Бугъ не имѣетъ. Ширина его весьма разнообразна: при Вознесенкѣ 70 сажень, а 40 верстъ ниже Николаева — до 975 саж. Берега его въ Подольской губерніи большею частію примыкаютъ къ руслу рѣки, ниже Ольвіополя возвышаются до 20 саж., круты и состоятъ изъ гранитныхъ скалъ. Въ этихъ же мѣстахъ находятя и пороги. Полноводье бываетъ только весной. Судходство по Бугу производится отъ Вознесенска до устья. Примѣчательнѣйшіе притоки р. Буга суть: р. *Волкъ* и *Бужокъ*—двѣ болотистыя рѣчки; *Икаа*, течетъ по ровной мѣстности, имѣетъ много прудовъ и заливныхъ озеръ; *Стевода* весьма быстрая въ полноводье; *Синюха* имѣетъ пороги и гранитные берега; *Пингуль* имѣетъ начало близъ с. Сентона, теченіе его, въ 200 верстъ, съ сѣвера на югъ; ширина у устья до ста сажень. Въ верховьяхъ рѣка имѣетъ быстрое теченіе, а при впаденіи въ Бугъ при Николаевѣ медленное. Между с. Христофоровкою и Балацкимъ, на рѣкѣ находится озеро, длиною въ 2, шириною въ $1\frac{1}{2}$ версты.

Р. *Днѣпръ* беретъ источники въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губернии проходитъ чрезъ Могилевскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии и имѣетъ всего протяженія около 2,000 верстъ. До г. Копыса, Днѣпръ течетъ въ тѣсныхъ и открытыхъ берегахъ, а оттуда долина расширяется отъ 1 до 6 верстъ; нагорные берега его большею частію круты, но противъ слиянія Припяти берега плоски и покрыты лѣсами. Отъ Кіева до Кременчуга Днѣпръ устьянъ песчаными отмелями, перемежающимися ежегодно. Около г. Черкассы и Чигирина и с. Мошны видно прежнее русло Днѣпра. Отъ Кіева почти до самаго устья правый берегъ Днѣпра выше лѣваго. При впаденіи Самары лѣвый далска отходитъ отъ русла. Ниже Екатеринослава оба берега составляютъ отвѣсныя, высокія скалы (до 35 саж.), гдѣ рѣка пересѣчена порогами. Отъ Александровска лѣвый берегъ дѣлается низменнымъ и болотистымъ, а правый — нагорнымъ, доходитъ до р. Базавлука и потомъ понижается. Въ 12-ти верстахъ ниже Екатеринослава начинаются пороги, тянущіеся по Днѣпру на 65½ верстъ. Пороговъ считается 13, по главнѣйшихъ, опасныхъ для судовъ, спускающихся по Днѣпру, 9-ть: 1) *Старокайдакскій*, на 150 сажняхъ имѣетъ паденія 8 футовъ. 2) *Сурскій*, при впаденіи р. Суры, имѣетъ двѣ каменные поперечныя гряды; длина порога 120 саж., паденія 3 фут. 6 дюймовъ. Сурскій порогъ лежитъ отъ перваго въ 7 вер. 3) *Лоханскій*, одинъ изъ опаснѣйшихъ; на серединѣ три гранитныхъ острова. Онъ начинается въ полуверстѣ отъ Сурскаго и на 200 саж. длины имѣетъ паденія 86 ф. и 2 дюйм. 4) Въ разстояніи 5 верстъ, начинается порогъ *Звонецкій*, длиною во 125 саж., паденія 4 ф. 9 дюйм. 5) *Пенасытенскій*, самый опасный изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ; онъ удаленъ на 6 верстъ отъ предыдущаго. Гряды подводныхъ и надводныхъ камней, косвенное съ одного берега на другой теченіе, и въ особенности одна пучина, называемая *адамъ*, при малѣйшей неосторожности въ управленіи и при боковомъ вѣтрѣ губятъ суда мгновенно. Длина порога 643 саж., паденія 24 саж. 3 дюйма. 6) Ниже на разстояніи 13 верстъ лежитъ *Волынскій* порогъ, длиною въ 150 саж., паденія 5 ф. 7 дюймовъ. 7) *Будиловскій* въ 5 вер. отъ предыдущаго, длиною во 100 саж., паденіе 4 ф. 10 дюйм. 8) Въ 14 верстахъ отъ этого находится *Лишній* порогъ, длина его 150 саж., паденіе 3 фут. 5 дюйм. и 9) *Вильный* порогъ, чрезвычайно извилистый, проходитъ по гранитному грунту, со множествомъ острововъ,

лежитъ въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ отъ предъидущаго. Длина порога 430 саж., паденіе въ 1 саж. 11 дюймовъ. Паденіе всѣхъ же пороговъ, на разстояніи $63\frac{1}{2}$ верстъ, составляетъ 22 саж. и 1 фут. За порогами Днѣпръ принимаетъ медленное теченіе и далѣе образуетъ много рукавовъ. При устьяхъ Буга и Днѣпра находится *Днѣпровскій лиманъ*, имѣющій въ длину съ востока на западъ 60 верстъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ 15 верстъ, суживаясь у моря до 5-ти. Вдоль обонхъ береговъ тянутся мелы, между которыми три прохода въ море, отъ 23 до 45 футовъ глубиною. Фарватеръ расчищенъ до 140 сажень ширины и до 22 футовъ глубины. Днѣпръ вливается въ лиманъ шестью рукавами, или гирлами, изъ коихъ *Блѣотрудовскій* считается для судоходства лучшимъ. Говоря вообще о судоходствѣ Днѣпра, нельзя назвать его удовлетворительнымъ, по причинѣ отмелей перемежняющагося русла рѣки и описанныхъ выше пороговъ. Постоянное же судоходство существуетъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ, отъ Кременчуга до Шклова, и отъ моря до Херсона и нѣсколько выше. Сверху же внизъ по теченію, пользуясь весеннимъ половодьемъ, суда ходятъ отъ г. Дорогобужа до самаго моря. Изъ притоковъ Днѣпра мы укажемъ только на примѣчательнѣйшіе, протекающіе по странѣ, населенной Украинцами.

Съ правой стороны, Днѣпръ принимаетъ *Березину*, имѣющую источники въ м. Докшицахъ Минской губерніи; она протекаетъ по этой губерніи 310 верстъ, а по Могилевской только 4 версты и при г. Рогачевѣ сливается съ Днѣпромъ. Березина входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Западною Двиною, посредствомъ *Березинскаго* канала, (прокопаннаго на $7\frac{3}{4}$ верстахъ) между озерами *Плавію* и *Берештою*; изъ Плавію въ озеро Манецъ, а отсюда въ р. Сергутъ — притокъ Березины, изъ Берешты въ р. Берешту, потомъ въ Эсеу, въ Лещельское озеро и отсюда въ р. Уллу, впадающую въ Двину. Рѣка *Припять* (Припеть) вытекаетъ изъ болотъ и озеръ близъ м. Шацка и направляется на востокъ до г. Мозыря 360 в., потомъ на юго-востокъ до впаденія въ Днѣпръ (120 верстъ). Припеть получаетъ свое названіе при соединеніи рѣкъ: Пины, Ясѣльды и Стыри, откуда она становится судоходною. Берега ея низменны, неопредѣленны, болотисты и покрыты лѣсами и кустарниками. Глубина ея лѣтомъ отъ 5 до 10 фут. Весною разливается рѣка на значительное пространство, въ ширхъ мѣстахъ до 20 верстъ. Единственное исключеніе въ низменности береговъ составляетъ правый

берегъ около г. Мозыря, который возвышенъ и скалистъ. Теченіе рѣки весьма медленно, и во время полноводья, для указанія пути судамъ, надобно фарватеръ обозначать вѣхами. Припеть также входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Вислою и Нѣманомъ. Съ Вислою Припеть соединяется посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго (Королевскаго) канала, проведеннаго между р. Пиною (притокъ Припети) и р. Мухавцемъ (притокъ Буга). Изъ Припети въ Нѣманъ суда поднимаются по Ясѣльдѣ, Огнискскому каналу въ р. Щару, которая впадаетъ въ Нѣманъ. Съ правой, т. е. съ южной стороны, въ Припеть впадаютъ слѣдующія рѣки: *Стырь*, начало которой въ Галиціи, протекаетъ 425 верстъ; ширина отъ 15 до 30 саж.; нижнее же теченіе во всемъ подобно р. Припети; а южнѣесть берега возвышенные и крутые, какъ напримѣръ, между с. Вербяевымъ и Мстѣшиномъ. Общее паденіе рѣки отъ 4 до 6 дюймовъ на версту. Хотя рѣка Стырь считается сплавною, но по ней, при небольшомъ исправленіи бичевника и нѣкоторыхъ отмелей, могли бы суда подниматься и вверхъ по теченію. Р. *Иква*, притокъ Стыри съ правой стороны, длиною 130 верстъ; по ней сплавляются плоты. *Горынь* имѣетъ источники на югѣ Волынской губерніи, судоходна на 537 верстъ. *Случь* вытекаетъ изъ Староконстантиновскаго уѣзда и, пройдя 400 верстъ, впадаетъ въ Горынь. По Случу весною сплавляются внизъ плоты. *Стоходъ* — болотистая рѣка, притокъ Припети. *Тетеревъ*, источники котораго около м. Янушполя, вливается въ Днѣпръ близъ с. Шлявы. По рѣкѣ этой сплавляется внизъ болѣе 800 плотовъ. Р. *Рось* течетъ изъ Бердичевскаго уѣзда весьма быстро, имѣетъ утесистые берега. Эта рѣка несудоходна, но, по обилію воды, на ней много устроено мельницъ и вододѣйствующихъ фабрикъ. *Тясминъ* впадаетъ въ Днѣпръ при Новогоріевскѣ; это довольно быстрая рѣка во время весеннихъ разливовъ. *Пуглецъ* беретъ начало изъ мѣстности Александрійскаго уѣзда (Херс. губ.), называемой *Чернымъ льсомъ* и верстахъ въ 15 отъ Херсона вливается въ Днѣпръ. Правый берегъ рѣки этой крутъ, обрывистъ и во многихъ мѣстахъ каменистъ, а лѣвый — отлогій; при устьи оба берега низменны, болотисты и поросли камышомъ. Пуглецъ имѣетъ въ длину 320 вер. а ширины 30 сажень; онъ не судоходенъ, по причинѣ запрудъ.

По лѣвую сторону въ Днѣпръ вливаются: *Сожь*, вытекаетъ изъ Смоленской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ у м. Лоева, на границѣ Могилевской, Черняговской и Минской губерній. Длина ея болѣе 300

версть; ширина въ нижнемъ теченіи до 40, а глубина отъ г. Чирякова внизъ — до 2 саж. Должна рѣка широкая, въ иныхъ мѣстахъ до 4-хъ версть и весною затопляется; берега круты и возвышены, правый выше лѣваго. *Сожь* становится сплавною отъ м. Кричева, а ниже — и судоходна. *Десна* имѣетъ источники въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и сливается съ Днѣпромъ въ 10 верстахъ выше Кіева. Въ обыкновенное время ширина ея отъ 12 до 70 саж. Берега Десны вообще пологи, крутые встрѣчаются рѣдко; правый господствуетъ надъ лѣвымъ. Судоходною рѣка становится отъ г. Брянска, вверхъ же по Деснѣ ходитъ только небольшое число судовъ съ солью. Важный притокъ Десны—*Сеймъ*—имѣетъ нѣсколько шлюзовъ, посредствомъ которыхъ нѣсколько десятковъ судовъ спускается внизъ по рѣкѣ. *Трубежь* сливается съ Днѣпромъ близъ Переяславля. Р. *Сула* имѣетъ начало въ Харьковской губерніи и вливается въ Днѣпръ при м. Чигринъ-Дуброва; Сула течетъ по широкой долинѣ. *Пселъ* выходитъ изъ Курской губ., имѣетъ большею частію возвышенные и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистые берега; рѣка могла бы быть судоходною по причинѣ глубины ея — отъ 2 до 3-хъ саж. Пселъ извѣстенъ своею живописностью. *Ворскла* впадаетъ въ Днѣпръ близъ м. Переволочны; правый берегъ ея возвышенъ, иногда обрывистъ, лѣвый — пологій; глубина отъ 4-хъ футовъ до 2-хъ саж. *Орель*, составляющая границу Полтавской и Екатеринославской губерній и впадаетъ въ Днѣпръ при м. Орликѣ, гдѣ берега рѣки утѣлены гранитными отломками. Р. *Самара* вытекаетъ изъ Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ, впадаетъ въ Днѣпръ при с. Михайловкѣ и м. Игрени, противъ Екатеринослава, имѣя въ длину 200 вер. Правый берегъ рѣки почти вездѣ выше лѣваго, но лѣвый круче; въ верхнемъ теченіи берега пологи. Глубина рѣки отъ 1 аршина до 4 саж., ширина доходитъ до 100 саж. Самара судоходна на незначительномъ разстояніи. Притокъ Самары—р. *Волчь*—не уступаетъ ей въ протяженіи; на ней устроено много мельницъ. Р. *Конскя* или *Конка* замѣчательна медленнымъ теченіемъ, въ-особенности въ нижнихъ частяхъ; длина ея 160 версть. Рѣка *Молочнал*, впадающая въ озеро Молочное, съ притокомъ Токмакомъ, маловодная рѣка, хотя теченіе ея простирается на 120 версть.

Въ Азовское море впадаютъ: р. *Кальмиусъ*; беретъ начало въ с. Яковлевѣ, Бахмутскаго уѣзда, течетъ на протяженіи 130 версть и впадаетъ въ море при г. Мариуполѣ; судоходенъ только на 6 версть отъ устья. Р. *Миусъ* при впаденіи своемъ въ море образуетъ лиманъ, имѣющій до

30 верстъ длины и до 3 верстъ ширины. Р. *Донъ* вытекаетъ въ Тульско-й губерніи изъ Ивановаго озера и проходитъ Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи и Землю Войска Донскаго и впадаетъ въ море при г. Азовѣ. Длина Дона около 1,300 верстъ. При входѣ въ Донскую Землю онъ имѣетъ ширины 100 сажень, а при устьѣ 260; глубина не превышаетъ 10 сажень. Въ половодье Донъ вполнѣ судоходенъ отъ впаденія въ него Воронежа и выше. На рѣкѣ, впрочемъ, много отмелей, которыя измѣняютъ ежегодно свое положеніе. Донъ соединяется съ моремъ 30 рукавами (гирлами); изъ нихъ только по тремъ проходитъ суда: по *Мертвому Дону*, *Каламъ* и *Донскому-гирлу*; еще слѣдуетъ указать на рукавъ *Южный Аксай*, который служитъ сообщеніемъ Ново-Черкаска съ Дономъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, правые берега рѣки выше лѣвыхъ. Съ лѣвой стороны Донъ принимаетъ въ себя: р. *Воронежъ*, вытекающую изъ Рязанской губерніи и впадающую въ Донъ ниже г. Воронежа въ 16 верстахъ. Въ Тамбовской губерніи эта рѣка плавная, въ Воронежской же судоходна. *Битюгъ*, имѣетъ протяженіе до 200 верстъ, ширина отъ 3 до 10 сажень; рѣка проходитъ чрезъ *Черкасское озеро*. Р. *Хоперь*, имѣетъ источники на границѣ Пензенской и Саратовской губерніи; всего теченія имѣетъ до 300 верстъ; сплавъ на немъ бываетъ только весною. *Медвѣдица* беретъ начало въ Саратовской губерніи и впадаетъ въ Донъ у Спасова монастыря. Теченіе рѣки медленное, берега возвышенные, судоходство бываетъ по низовьямъ весною. *Июль* весьма излучиста и мелководна. *Манычъ* сливается съ Дономъ при Манычской станицѣ. Составленная изъ непрерывнаго почти ряда озеръ, рѣка имѣетъ теченіе только при устьѣ, а потому предположеніе о соединеніи Азовскаго съ Каспійскомъ моремъ не только возможно посредствомъ Маныча, но и не потребуетъ большаго издержекъ. Съ правой стороны Донъ имѣетъ слѣдующіе притоки: въ верховьяхъ можно указать только на сплавную рѣку *Сосну*; на Землѣ же Войска Донскаго, Донъ принимаетъ въ себя р. *Сѣверный Донецъ*, который беретъ начало въ Карачевскомъ уѣздѣ Курской губерніи и впадаетъ въ Донъ при Кочетовской станицѣ. Имѣя глубину не менше 3½ футовъ, Донецъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи болѣе 300 верстъ. Берега во многихъ мѣстахъ скалисты, возвышаются надъ уровнемъ воды отъ 10 до 20 сажень, вообще же правый берегъ выше лѣваго, который въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ низменныя пространства. Судоходству по рѣкѣ препятствуютъ устроенныя въ верхнихъ и среднихъ частяхъ ея плотины и запруды. Впрочемъ, въ Изюмѣ строятся суда и спускаются внизъ до Ростова

Важнѣйшій притокъ Донца—р. *Осколь* вытекаетъ изъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи и сливается съ Донцомъ въ 12 верстахъ отъ Пскова.

Всѣ рѣки Земли Черноморскаго войска берутъ начало на юго-востоки, не далеко отъ р. *Кубани* и впадаютъ въ Азовское море. Медленное теченіе рѣкъ, какъ наиримѣръ—*Челбаса*, *Бейсука* и *Заразной*, есть главное ихъ отличіе, а судоходство, по малой промышленности края, почти не существуетъ. Р. *Кубань*, составляя южную границу Земли Черноморскаго войска, имѣетъ источники на горѣ Эльбрусъ и соединяется многими рукавами съ Азовскимъ моремъ. На востокѣ Черноморской земли Кубань имѣетъ правый берегъ возвышенный, при устьѣ же оба берега низменны, покрыты болотами и камышемъ.

Рѣки Таврическаго полуострова весьма не велики. Укажемъ ихъ: *Салгирь*, источникъ котораго у подошвы Чатырь-Дага, а устье близъ деревни Шимжой, гдѣ онъ впадаетъ въ Сивашъ. Длина его 140 верстъ, но лѣтомъ, въ верховьяхъ, Салгирь на пересыхаетъ. Принявъ въ себя р. *Біюкъ-карасу*, Салгирь изъ горъ вступаетъ въ степь, гдѣ также на нѣмъ много бродовъ. Рѣки *Алма*, *Кача* и *Бельбекъ* или *Кабарта* вытекаютъ изъ хребта Ийлы и текутъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море,—первая у мыса Лукулъ, третья у Севастопольской бухты, а вторая между устьями Алмы и Белбека.

Подробное разсмотрѣніе теченія показываетъ, что почти всѣ рѣки, лежація на западъ отъ Днѣпра, въ верховьяхъ своихъ имѣютъ направленіе или съ юга на сѣверъ, или съ запада на востокъ и, небольшая часть—съ востока на западъ; а потому эти рѣки, описывая дугу, всѣ склоняются на югъ и впадаютъ въ Черное море. Такое положеніе рѣкъ никакъ нельзя приписать какому либо геологическому перевороту, а скорѣе общему склону Карпатскихъ отроговъ, которые въ Галиціи имѣютъ покатость на сѣверъ, на границахъ владѣній Пруссскихъ и Австрійскихъ—на сѣверо-востокъ и востокъ, и потомъ общая, почти ровная, покатость степной полосы имѣетъ склонъ на югъ. По лѣвую сторону Днѣпра текуція рѣки, почти безъ исключенія, имѣютъ правые берега выше лѣвыхъ.

Значительныхъ озеръ въ Ю.—русскомъ краѣ нѣтъ; въ Галиціи на всѣхъ рѣкахъ дѣлаются запруды, въ которыхъ сберегается рѣчная рыба для употребленія. Въ сѣверной части Люблинской губерніи много небольшихъ озеръ, но они не заслуживаютъ вниманія, потому что самое большое изъ нихъ—*Ставъ Вельско-Семенскій* въ ширину не имѣетъ и $1\frac{1}{2}$ версты, при длинѣ въ $5\frac{1}{2}$ версты. На долині р. Припети число озеръ,

значительно; изъ нихъ, большія по пространству суть: *Князь* или *Жидъ*, Мозырскаго уѣзда, *Погоское* Пинскаго уѣзда, *Свитязькое* и *Пулемецкое* Волынской губерніи. Въ нагорной полосѣ Волынской, Подольской, Кіевской и Херсонской губерніи озеръ совсѣмъ нѣтъ, но зато на каждой рѣкѣ встрѣчаются запруды, какъ для вододѣйствующихъ фабрикъ и мельницъ, такъ и для храненія рыбы. По долигѣ Днѣпра, на тѣхъ мѣстахъ, которыя заливаются водою, находятся озера, но какъ они ежегодно измѣняются, то многія изъ нихъ не имѣютъ даже названій. Въ долигѣ же нижняго Днѣпра, постоянныя заливыя озера, хотя и имѣютъ названія, но по малости своей не заслуживаютъ вниманія. Озера, составляющія богатство страны, суть соленыя: они снабжаютъ солью даже сѣверныя мѣстности Южнорусскаго края. *Тула* отдѣляется отъ Чернаго моря пересышью; *Аджитоль* или *Горькое*; оба находятся въ Одесскомъ уѣздѣ. Озеро *Лонго*, въ г. Новомиргородѣ, съ соленою минеральною водою. Въ Таврической губерніи наибольшее число озеръ; изъ нихъ примѣчательны: *Молочное*, длиною въ 30, шириною отъ 6 до 8 верстъ; вода въ немъ мало-солоня. *Бердяцкое*, образуемое р. Бердою, какъ лиманъ ея; имѣетъ длины 8, ширины до 3 верстъ. По Кинбургской косѣ раскинуто до 180 озеръ. Семь озеръ находятся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, четыре въ Днѣпровскомъ; изъ всѣхъ добывается поваренная соль. Близъ Генгисскаго пролива два соленыя озера: *Генгисское* и *Аверьянское*. Въ Перекопской дистанціи: *Старое* озеро имѣетъ въ окружности болѣе 14 верстъ; въ немъ добывается отличная соль. *Красное* озеро, въ окружности до 33 верстъ, даетъ соли около трехъ милліоновъ пудовъ. По бѣлизнѣ и легкости лучшая соль добывается изъ *Кіятскаго* озера. Во внутреннихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Харьковской находятся небольшія озера; но можно упомянуть только объ озерѣ *Лиманъ* (Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ.), имѣющемъ въ длину 7, а въ ширину 3 версты; вода въ немъ горько-солонцеватая, и объ *Моисеевскомъ* (въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.), которое постоянно увеличивается. Въ Землѣ Войска Донскаго всѣ озера лежатъ на заливныхъ долинахъ большихъ рѣкъ; ихъ считается болѣе тысячи, но они не важны ни по обширности, ни въ промышленномъ отношеніи (1).

(Продолженіе впереди).

(1) Названія мѣстностей, въ этой статьѣ, болѣею частію, не народныя. Мы были бы весьма благодарны за сообщеніе въ «Основу» мѣстныхъ названій, — чего мы прежде всего ожидаемъ отъ людей, живущихъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ мѣстъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

II.

Рисунокъ IV — представляетъ *бабуся въ намиткѣ и свиткѣ*; гравированъ мною съ рисунка Н. П. Соколова, который снятъ его съ натуры, въ селѣ Вереміевкѣ, Полтавской губерніи. Свитка—бѣлая, сапоги—двухъ цвѣтовъ: голенища—желтыя, а низъ—черный. Тамъ, гдѣ носятъ цвѣтные сапоги, почти всегда—у старуль сапоги желтые, а у дѣвушекъ—красныя.

Кому не извѣстны украинскіе *бандуристы, кобзаря*? Кто не видѣлъ ихъ, живя въ Малороссіи? Эти поэтическія личности, бродящія по свѣту—прямые наследники Бояновъ и Гомеровъ,—это воплощенная дума — пѣснь и исторія народа. Самое достойное и поэтическое мѣсто въ народной украинской жизни принадлежитъ бандуристамъ. Они одушевляють своей игрой сходку, свадьбу, ярмарку; разгоняють *тугу* закурившагося *дѣда*, учать молодое поколѣніе старинѣ и внушаютъ любовь къ тѣмъ могучимъ руинамъ, которыя заростають мхомъ и шипенцей.—Мнѣ попадались бандуристы двухъ родовъ:—у однихъ преобладала печаль, доброта, мягкость,—въ другихъ я встрѣчалъ крутой нравъ, жесткую, суровую рѣчь. Тѣ, которые думаютъ, что узнали кобзарей наблюдая ихъ только на улицѣ, знаютъ ихъ мало, хотя и больше тѣхъ, которые иногда заставляютъ сидѣть бандуриста за деньги. Чтобы имѣть понятіе о бандуристѣ болѣе полное, надо съ нимъ познакомиться ближе, пріобрѣсть довѣріе его, сдружиться съ нимъ. Образъ жизни имѣетъ на нихъ, какъ и на каждого, сильное вліяніе. Вліяніе это не только внутреннее, но и внѣшнее: рѣчь бандуриста не та, что у простаго селянина; руки его можно отличить межъ сотней пахарскихъ рукъ; игра развила ихъ и онѣ деликатны, тогда какъ пахарю плугъ натеръ мозо-

ли. Часто, во-время пѣнія, выраженіе кобзаря бываетъ вдохновенно, пѣжно; ему знакома трудовая жизнь и вся поэзія народа; онъ знаетъ цѣлу поэзію; она его кормитъ, она ему и мила и доходна.

Я никогда не могъ равнодушно слушать бандуристовъ: они сразу были мнѣ по сердцу и я полюбилъ ихъ съ ихъ рубищемъ, съ ихъ слѣпотою, съ ихъ бродячей пѣсней. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть и слышать бандуриста въ мѣстечкѣ *Сѣдневъ*, Черниговскаго уѣзда. Слепой, онъ шелъ на ярмарку; я остановилъ его на перенутьи, чтобъ его послушать, — зазвалъ къ себѣ и начертилъ его портретъ, какъ могъ. Выраженіе его лица особенно меня удивляло своею вдохновенностью и идеальностью. — Прилагаемый рисунокъ (V) представляетъ именно этого бандуриста, съ поводиремъ, у меня въ комнатѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРИГЛАШЕНИЕ (1)

(отъ дѣректора Земледѣльческой Школы и редактора
журнала «Сельское Хозяйство»).

Два года тому назадъ былъ издавъ мною «Ботаническій Словарь» или собраніе названій, какъ русскихъ, такъ и многихъ иностраннхъ растений на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными инородцами, живущими въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Первоначальною цѣлю этого труда, издавнаго первымъ изданіемъ

(1) Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ *Приглашеніе* автора извѣстнаго *Ботаническаго Словаря*, *И. Ив. Диткова*, въ «Основѣ», гдѣ было уже указано на важность изученія народной ботаники (*О естествознаніи на Русскомъ Югѣ. Основа, февраль*), и душевно желаемъ, чтобы новое обращеніе къ просвѣщенному содѣйствію нашихъ читателей и читательницъ увѣчалось успѣхомъ. *Приглашеніе* придетъ на Югъ во время собиранія ягодъ, грибовъ, травъ, хлѣбовъ и проч., — когда грамотные чаще обыкновеннаго сходятся съ простымъ народомъ, — когда самъ-собою открывается сподручный, богатѣйшій источникъ народныхъ преданій, опытовъ, наблюденій, повѣрій, примѣтъ и названій, относящихся къ растительному міру. — Разные обычаи, которыми сопровождаются лѣтніе сельскіе праздники, украшеніе жилищъ травами и цвѣтами, лекарственныя запасы, и т. д. представляютъ удобный случай для собиранія матеріаловъ народной ботаники. — Вспоминяя, при этомъ, охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, красильщиковъ, маляровъ, бабокъ, костоправовъ, знахарей и аптекарюкъ, отъ которыхъ также можно добыть драгоцѣнный для ботаники и этнографіи свѣдѣнія. — Занятіе, къ которому мы приглашаемъ всѣхъ, чрезвычайно пріятно, вовсе не трудно и незамѣрно-полезно: знакомство съ внутреннею жизнью народа, съ его вѣковымъ опытомъ, своеобразными вѣрованіями и понятіями, открываетъ намъ новый міръ, котораго мы, не смотря на такое близкое сосѣдство, и не подозрѣвали... Знаменитый Мишлѣ говоритъ, что «польза, поучительность, приобретаемая нами отъ разумнаго сближенія съ народомъ, равняется той, которую доставляетъ намъ знакомство гения». Мы, грамотные до-сихъ-поръ еще, ксожалѣнію, не привыкли такъ думать. *Ред.*

подъ именемъ: «Простонародныя названія русскихъ растений», было желаніе доставить возможность понять русскія мѣстныя названія и опредѣлить ихъ латинское наименованіе. При второмъ изданіи, значеніе это было расширено и Ботаническому Словарю было дано уже назначеніе болѣе обширное—служить вообще пособіемъ при чтеніи сочиненій о растеніяхъ, будутъ ли онѣ писаны по русски, французски, нѣмецки или латински. Трудъ этотъ состоитъ нынѣ изъ списка латинскихъ названій растеній въ алфавитномъ порядкѣ. Латинскія названія приняты самыя общеупотребительныя при настоящемъ состояніи науки. При каждомъ названіи растенія, приведены его русскія мѣстныя, простонародныя, названія съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ употребительны онп, имени лица, сообщившаго ихъ, или сочиненія, въ которомъ онп обнародованы. Далѣе, приведены французскія и нѣмецкія названія этого растенія, заимствованныя изъ лучшихъ ботаническихъ сочиненій и, наконецъ, названія на языкахъ различныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ—то: татаръ, финновъ, мордвы, черемисъ, чувашъ, эстонновъ, остяковъ, вотяковъ, тунгузовъ, армянъ, грузинъ и т. д.

Кромѣ того, приведены фармацевтическія названія растеній лечебныхъ и главнѣйшая синонимія растеній, получившихъ въ послѣднее время, въ наукѣ, новыя названія.

Со времени изданія этого словаря, я имѣлъ случай собрать еще множество новыхъ матеріаловъ, которые увеличиваютъ сумму изданныхъ названій, можетъ—быть вдвое, но тѣмъ—не—менше я совершенно далекъ отъ мысли, что мною исчерпано все. Зная по опыту, что пополненія подобнаго рода изданія совершаются медленно и только при содѣйствіи многихъ сотрудниковъ, проживающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи,—я обращаюсь ко всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ журнала «Основы» съ моей покорнѣйшей просьбой—оказать содѣйствіе къ возможному пополненію изданнаго мною Ботаническаго Словаря сообщеніемъ:

1) всѣхъ мѣстныхъ простонародныхъ названій растеній, на какомъ бы то ни было нарѣчій, съ указаніемъ, если возможно, свойствъ, употребленія растеній и, вообще, тѣхъ данныхъ, которыя заставили простолюдина обратить вниманіе на растеніе и дать ему имя. Въстѣ съ тѣмъ, прошу сообщить существующій выговоръ названія принятыми знаками ударенія;

2) всѣхъ названій на языкахъ различныхъ народовъ, живущихъ

въ Россіи. На эту просьбу прошу обратить особенное вниманіе. Большая часть нашихъ инноплеменниковъ, особенно тѣхъ, которые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и Восточной Россіи, находясь вдали отъ сношенія съ другими народами, и не будучи знакомы съ научной стороною цивилизаціи, естественнымъ—образомъ должны обратиться къ природѣ для отысканія въ ней удовлетворенія своихъ нуждъ въ практической жизни, и путемъ опыта и наблюденія изучить пользу или вредъ различныхъ растеній. Отъ этого, собраніе названій растеній, даваемыхъ этими народами, имѣеть для насъ интересъ изслѣдованія; и я покорнѣйше прошу—вмѣстѣ съ названіемъ растенія сообщить, буде возможно, значеніе этого названія по—русски, не говоря уже, что знаніе свойствъ и употребленія этихъ растеній, у различныхъ туземцевъ, было бы въ высшей степени любопытно. Здѣсь также прошу обратить вниманіе на способъ выговариванія шнородческихъ названій;

3) указанія на неправильности и ошибки, вбравшіяся въ нынѣ изданное сочиненіе.

4) Имѣя въ виду—въ слѣдующее изданіе Ботаническаго Словаря ввести названія отдѣльныхъ частей растенія, я при этомъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на существующія простонародныя названія этихъ частей, которыя, вѣроятно, не всегда одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣроятно, не всегда совпадаютъ съ названіями, принятыми въ наукѣ. Это вопросъ тоже важный. Мы говоримъ—вѣичикъ, чашечка, прицвѣтшикъ и т. д., а народъ, можетъ—быть, называетъ эти части иначе.

5) Всѣ другія свѣдѣнія и пополенія будутъ приняты съ особенной благодарностью.

Всѣхъ, желающихъ оказать мнѣ услугу сообщеніемъ просимыхъ мною свѣдѣній, я покорнѣйше прошу адресовать свои письма по слѣдующему адресу: *въ Москву, въ домъ Земледѣльческой школы, Николаю Ивановичу Анненкову.*

Вслучаѣ затрудненія, какъ назвать по—латыни то растеніе, котораго извѣстно мѣстное, простонародное, русское или шнородческое, названіе, я прошу присылать мнѣ экземпляры самого растенія въ засушенномъ видѣ. Всѣ издержки переписки и пересылки я съ удовольствіемъ принимаю на свой счетъ, высоко цѣня одно участіе къ общеплезному дѣлу.

Н. Анненковъ.

ВІСТІ.

Изъ г. Ромна (Полт. губ.).

(5 марта, 1861).

Маслянская роменская ярмака. Маслянская ярмарка, по результатам своимъ, плоха. Обыкновенно, эта ярмарка всегда начиналась съ 15 февраля и длилась до 1 марта, а теперь, до 22 числа, не было покупателей и, начавшись съ 22, она все таки кончилась 1 марта. Покупателей было немного, покупали мало, собирался на плохую торговлю по городамъ, да притомъ, по случаю дурного пути очень дороги были провозы. — Казалось бы, послѣ Крещенской (въ Харьковѣ) и контрактной (въ Кіевѣ), гдѣ торговали очень хорошо, следовало ожидать и здѣсь хорошей торговли, но вышло совершенно иначе: въ Крещенской ярмаркѣ рѣдкіи изъ торговцевъ были *недовольны* ярмаркой, а въ Маслянской рѣдкіи *довольны*; — мануфактурщики торговали плохо, еврейскіи рядъ (галантерейный) тоже; бакалейщики и сахарники, которыхъ здѣсь было не много, тоже крѣпко жалуются.

Касательно Украинскихъ товаровъ сообщаю вамъ слѣдующее:

Воску здѣсь было до 2000 пуд.; въ началѣ ярмарки, цѣна была 22 р. 75 коп.; потомъ, по причинѣ неудобной и дорогой отправки, упала до 22 рублей.

Шестины было до 4000 пуд., цѣна—Слободской отъ 16 до 20 рублей, Рашевской—отъ 22 до 23 рублей.

Перо мелкое—4½ рубля за пудъ.

Пухъ—16 рублей за пудъ.

Грива—(3000 пудъ) отъ 3½ до 4 рублей.

Залць—въ замѣнкѣ; безъ требованія, и хотя количество было

гораздо меньшее противъ прошлаго года, пменно 120 тыс.;—но за него не давали и 20 рублей—(за сотню).

Табакъ—лучшій сортъ—до 12 рублей за куль (5 пуд.); средній—до 10 рублей.—Желтыхъ тонколистныхъ табаковъ здѣсь бываетъ очень мало.—Торговля этимъ товаромъ составляетъ принадлежность Нѣжна.

Сахара рафинада было не болѣе 10 тыс. пудъ; продавали отъ 8 р. 70 к. до 7 р. 70 коп.

Песку сахарнаго привезено было около 3 тыс. пуд. Проданъ ть 5 р. 10 к., до 5 р. 60 к.—Назывался песками при заводахъ, Оно въ покупки никто не входилъ.

Теперешняя зима причинила огромныя потери и извозчикамъ и хозяевамъ. Дороги, отъ большого снѣга, дотога дурны, что гдѣ было ѣзды извозчику 20 дней, тамъ онъ ѣхалъ 30 и 40,—многіе извозчики измучили лошадей, разбросали товаръ и «попроѣлись».—Позднія отсюда отправки табаку заставляютъ многихъ призадуматься (товаръ этотъ боится подмочки, а теперь, отъ наступившихъ оттепелей, по дорогамъ много воды). Провозы здѣсь достигли нешмовѣрныхъ цѣнъ: въ Москву (разстояніе 740 верстъ) подъ табакъ и сахаръ платили 80, 90 к., рубль, съ пуда, и дороже; до Мценска подъ табакъ 40 коп.

За февраль, съ табакомъ, вышло въ Москву около 2 т. лошадей; съ сахаромъ и пескомъ около 500 лошадей; въ Мценскъ съ табакомъ до 700 лошадей. Были значительныя отправки табаку въ Ростовъ (Яросл. губ.), Калугу и Арзамасъ; главныя же отправки были въ январѣ. До Елисаветграда (на Егорьевскую ярмарку) за мануфактурный товаръ платятъ рубль съ пуда; туда требуется ежегодно около 1000 лошадей.

О. Н—ій.

Изъ с. Карабиновка,

(Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ.).

(4 марта, 1864 г.).

Разставшись съ вами въ Петербургѣ 12 января, въ день выхода первой книжки «Основы», я, возвратившись домой, получилъ ее толь-

ко 12 февраля, т. е. ровно *через мѣсяць*. Я вамъ и лично жаловался на чрезвычайно позднее получение у насъ ежемѣсячныхъ журналовъ: вообразите себѣ, что мы до сихъ поръ еще не получили здѣсь *первыхъ* книжекъ ни «Отечественныхъ Записокъ», ни «Современника», которыя уже почти *шесть недѣль* какъ вышли въ Петербургѣ! Вѣдь и мы, провинціальныя подписчики на столичныя періодическія изданія, имѣемъ свои права на вниманіе къ намъ гг. издателей *первыхъ*, мы доставляемъ не малую, едвали не большую, сравненіи съ столичными подписчиками, матеріальную поддержку всякихъ періодическихъ изданій; во-вторыхъ, болѣе или менѣе дальнее разстояніе отъ столицъ справедливо возбуждаетъ въ насъ и большее любопытство къ свѣжимъ новостямъ, которое жители столицъ могутъ удовлетворять такъ или иначе, мы же единственно посредствомъ періодическихъ изданій... Если старыя журналы равнодушны въ этомъ случаѣ, не смотря на неоднократно заявлявшіяся издателямъ ихъ какъ письменно, такъ и печатно, претензіи провинціальныя подписчиковъ на позднее получение этихъ журналовъ; то вашему новому изданію въ видахъ успѣшнѣйшаго распространенія его и сугубаго интереса для провинціальныя подписчиковъ, которыхъ оно, конечно, имѣетъ преимущественно въ виду, не мѣшало бы подать первый примѣръ скорого и исправнаго доставленія его въ провинціи. Нѣтъ сомнѣнія, что высшее почтовое начальство, приглашающее къ обнаруживанію всякихъ несправностей и неудобствъ для частныхъ лицъ по его вѣдомству, не откажется содѣйствовать благовременной разсылкѣ по провинціямъ періодическихъ изданій, издаваемыхъ въ столицахъ. Естественно, чѣмъ скорѣе мы будемъ получать періодическія изданія, входящія въ столицахъ, тѣмъ быстрѣе и дѣятельнѣе можетъ быть и участіе съ нашей стороны въ нихъ—какъ корреспондентовъ и сотрудниковъ.

Этимъ самымъ я перехожу къ обѣщанію, данному мною вамъ, сообщать для вашего изданія нѣкоторыя мѣстныя свѣдѣнія... Есть пословица: «что у кого болятъ, тотъ о томъ и говоритъ». Вамъ известна моя библиоманія; поэтому начинаю *библиографическими свѣдѣніями*, а за скудость ихъ не взыщите, по другой пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ слѣдствіе вызова редакціи «Основы», спѣшу сообщить о настоящемъ состояніи книжнаго дѣла въ г. Екатеринославѣ. Въ 1859 году, напечатана въ «Библиографическихъ Запискахъ» № 18, статья

моя объ общественной библіотекѣ и книжномъ магазинѣ въ г. *Екатеринославѣ*. Въ ней было объяснено, что первоначальная формальная переписка объ учрежденіи публичной библіотеки въ г. *Екатеринославѣ* относится къ 1830 году; а въ 1834 г. 9, мая въ первый разъ открыта библіотека, составившаяся изъ книгъ большею-частью пожертвованныхъ, а въ теченіи времени пополнявшаяся почти исключительно періодическими изданіями, присылаемыми безденежно отъ разныхъ официальныхъ редакцій. Но и эта первоначальная библіотека истреблена пожаромъ въ 1836 году, во время помѣщенія ея въ домѣ дворянскаго собранія; въ 1843 году, будучи возобновлена, она нѣсколько время успѣхъ, но, постоянно упадала, съ 1851 г. перестала существовать вовсе. Изъ остатковъ этой библіотеки и новыхъ пріобрѣтеній, она открыта 1 сентября 1859 года и, по составленному тогда же каталогу, состояла изъ 546 сочиненій. Въ минувшемъ 1860 году она продолжала преуспѣвать, и впродолженіи года, пріобрѣтено для нея на деньги подписчиковъ и посѣтителей 22 лучшихъ періодическихъ изданія русскихъ и иностранныхъ и 102 тома разныхъ сочиненій, такъ, что теперь библіотека состоитъ изъ 1552 томовъ. Въ доходъ библіотеки поступило, отъ подписчиковъ и посѣтителей, 452 руб. 70 коп. Читавшихъ въ библіотекѣ и бравшихъ книги для чтенія на домъ было 133 лица. Библіотека эта обязана своимъ существованіемъ въ настоящемъ ея видѣ г. Ульману, который завѣдываетъ также и книжнымъ магазиномъ А. А. Смирдина (сына) и комп. Магазинъ этотъ существуетъ здѣсь съ 1 сентября 1858 года. Книги въ этомъ магазинѣ продаются по петербургскимъ цѣнамъ, съ надбавкою 10%. Эта выгода могла бы значительно распространить мѣстную книжную торговлю, еслибы не препятствовала тому весьма медленная доставка книгъ посредствомъ тяжелыхъ транспортовъ, такъ-что интересующіеся свѣжими литературными новостями вынуждены выписывать книги изъ столицъ чрезъ почту: обоюдная потеря и для покупателей книгъ и для магазина! По свѣдѣніямъ отъ г. Ульмана, въ минувшемъ 1860 году продано книгъ на 4782 руб. 92 коп. Въ статьѣ «Библиографическихъ Записокъ» упоминалъ я, что главными покупателями были помѣщики; за ними слѣдовали чиновники, ученики—особенно гимназисты и мальчики изъ евреевъ, потомъ колонисты—пѣмцы, купцы и мѣщане, и, въ последнее время, государственные крестьяне. Больше всего распродано дѣтскихъ книгъ и учебниковъ; затѣмъ, надо назвать полныя собранія произведеній

русскихъ классиковъ,—книги, относящіяся къ сельскому хозяйству и политико-экономической дѣятельности,—далѣе, сочиненія богословскія; романовъ и повѣстей книгъ легкаго чтенія — безъ особеннаго внутренняго достоинства, почти вовсе не спрашивалось; математическія сочиненія не имѣли хода; историческія, съ народнымъ интересомъ, какъ вообще все современное, продавались тотчасъ. Екатеринославъ, не смотря на относительную свою ограниченность по пространству и народонаселенію между губернскими городами, можетъ похвалиться, что кромѣ типографіи при губернскомъ правленіи имѣетъ двѣ частныхъ типографіи съ литографіями, и одну собственно литографію. Въ типографіи губернскаго правленія напечатана «памятная книжка для Екатеринославской губерніи на 1860 годъ», заключающая въ себѣ 1) адресъ-календарь лицъ служащихъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, 2) статистическое обзоріе Екатеринославской губерніи за 1859 годъ и 3) разныя свѣдѣнія, какъ—то: о цѣнѣ гербовой бумаги, о полученіи и отправленіи почтъ въ Екатеринославской губернской почтовой конторѣ и въ почтовыхъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи, о разстояніи отъ г. Екатеринослава до смежныхъ губернскихъ городовъ, почтовой дорожничъ Екатеринославской губерніи, свѣдѣнія о количествѣ земли и о числѣ мукомольныхъ мельницъ въ Екатеринославской губерніи, и, наконецъ, объ уѣздномъ городѣ Новомосковскѣ, или, собственно, о кожевенномъ въ немъ промыслѣ. Изданіе книги не дѣлаетъ чести губернской типографіи:—бумага и печать напоминаютъ *дѣла давно минувшихъ дней — преданья старины глубокой*. За сообщенныя же въ памятной книжкѣ свѣдѣнія нельзя не быть признательнымъ заботливости мѣстнаго начальства и не пожелать, чтобы какъ въ Екатеринославѣ, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ такія памятные книжки издавались ежегодно.

Н. Мизко.

Изъ Полтавы.

(Мартъ 1861.)

I.

Полтавскіе колонисты. Болѣе 50-ти лѣтъ, какъ въ Полтавѣ поселены нѣмецкіе колонисты; но до-сихъ-поръ, кажется, объ нихъ не вспомнили ни однимъ печатнымъ словомъ, какъ-будто этихъ

полезныхъ людей и не существуетъ, или, какъ-будто совершенно вѣчего сказать объ нихъ; но стоить только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Я представлю здѣсь лишь краткій очеркъ нашихъ колонистовъ, прося всѣхъ, кому болѣе моего извѣстно ихъ положеніе, дополнить мой очеркъ (*).

На основаніи доклада министра внутр. дѣлъ, утвержденного 20 июня 1808 г., для усиленія въ Россіи сукнодѣлія, вызваны были изъ Богеміи и Моравіи суконные фабриканты и поселены: — въ Полтавѣ, 54 семейства (249 душъ обоого пола), и въ Константиноградѣ — 41 семейство (218 душъ). При поселеніи ихъ, правительство сдѣлало имъ разныя пособія: построены для нихъ на городской землѣ каменные дома; куплены, необходимыя для сукнодѣлія, инструменты; для выдѣлки суконъ, на счетъ казны покупалась шерсть, а за работу, отъ штуки сукна, платилось 30 р. асс.; но кто хотѣлъ, — могъ выдѣлывать сукно въ сырцѣ (суровѣ) и изъ собственной шерсти; за штуку такого сукна казна платила 20 р. асс. Завѣдывалъ этими фабрикантами особый инспекторъ фабрикъ. — Повидимому, благосостояніе колонистовъ было упрочено; но на дѣлѣ, оно годъ-отъ-году становилось хуже, и чрезъ 10 лѣтъ, въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27 Декабря 1818 г. министру внут. дѣлъ, сказано: что «иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ положеніи.» Для поправленія ихъ благосостоянія тѣмъ же указомъ повелѣно: 1) казенный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для сукнодѣлія отдать тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны, на каждое семейство, по сто р. на три года; 5) предоставить колонистамъ учредить у себя судъ и расправу, по примѣру прочихъ иностранныхъ колонистовъ въ Россіи, съ изъятіемъ ихъ отъ управленія, доселѣ ими завѣдывавшаго; и 6) предоставить имъ свободу заниматься ремесломъ своимъ независимо отъ мѣстнаго начальства. При этомъ, колонисты поручены въ особенное попеченіе бывшего малороссійскаго генералъ-губернатора, на обязанность котораго возложено приведеніе ихъ въ лучшее устройство. Князь Рѣпинъ, исполняя это повелѣніе, 13 мая 1820 года издалъ особую инструкцію, по которой для управленія колонц-

(*) За эти свѣдѣнія приношу благодарность г. Дробышу.

штамп учреждены приказы изъ старосты и двухъ бейэвцеровъ, избираемыхъ обществомъ на три года.

Но и эта мѣра не достигла своей цѣли; благосостояніе колонистовъ не улучшилось: не смотря на то, что они никакихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ повинностей не несутъ, они все таки приходили въ бѣдность. Какая была коренная причина этого зла — трудно опредѣлить: сами колонисты находили её въ присоединеніи колоніи къ управленію государственныхъ имуществъ; стороннія же лица причину обѣдненія видѣли въ томъ, что фабриканты продавали издѣлія свои (сукно, фланель, одѣяла, и проч.) по самымъ низкимъ цѣнамъ, нерѣдко съ убыткомъ. Какъ бы то ни было, только князь Долгоруковъ, будучи генералъ-губернаторомъ здѣшняго края, обратилъ вниманіе на бѣдное положеніе колонистовъ; и по ходатайству его, комитетъ министровъ призналъ «единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ улучшенію благосостоянія фабрикантовъ» выдать имъ заимообразно, изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія 40,000 р. асс. на пять лѣтъ по 6%. На это послѣдовало 4 ноября 1842 г. Высочайшее повелѣніе, съ тѣмъ, чтобы выдѣляемое строе фабричное сукно было поставляемо въ кременчугскую комиссаріатскую комиссію для облундированія рекрутъ полтавской губерніи, съ платою за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ, мѣрою 42 аршина, 7 р. 43 к. серебр. Въ то же время, учрежденъ «особый комитетъ» для улучшенія состоянія суконыхъ фабрикантовъ. Комитетъ составляется изъ шести членовъ, избираемыхъ самимъ обществомъ изъ среды себя, подъ предѣдательствомъ попечителя колоніи, назначаемаго мѣстнымъ начальствомъ. — Въ томъ же году, 13 апрѣля, объявлено Высочайшее повелѣніе объ отчисленіи полтавскихъ колонистовъ изъ вѣдомства палаты государственныхъ имуществъ и подчиненіи ихъ общему городскому управленію.

Въ настоящее время, всѣхъ колонистовъ въ Полтавѣ считается 254, а въ Константиноградѣ 268 душъ; но межъ ними найдется не болѣе пяти-шести сколько-нибудь достаточныхъ семействъ; всѣ же прочіе въ самомъ скудномъ положеніи, хотя долъ приказу общ. призрѣнія уже выплаченъ. — Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, зло бѣдности? Между колонистами *положительно нѣтъ* ни пьяницъ, ни воровъ, ни расточителей; всѣ они люди трудолюбивые, аккуратные; но отчего они бѣдны? отчего правительственныя пособія не улучшили ихъ состоянія? Наши нѣмцы объясняютъ это явленіе слѣд. образомъ: 42 арш.

сукна видѣлывается, семействомъ изъ 4 душъ, въ 14 дней; при этомъ, кромѣ труда, фабрикантъ расходуетъ на масло, клеѣ, освѣщеніе, отопленіе, на починку инструментовъ, на валку, стрижку и отдѣлку сукна, да на свой счетъ укупорить и отвезеть сукно въ Кременчугъ, гдѣ изъ комисіи ему дадутъ, за каждый аршинъ, 75 к.; а съ этого не разживешься. По этому расчету выработашъ въ сутки отъ 7 до 10 к. Развѣ можно изъ этого содержать семейство? Слава Богу, теперь долгъ казнѣ ушлатили, авось поправимся!..»

Въ обѣихъ колоніяхъ, для поддержанія состарѣвшихся фабрикантовъ, заведены особыя суммы, составляемыя изъ ежегодныхъ взносовъ. Каждый мастеръ вноситъ ежегодно 10 р., подмастерья—5, а ученикъ — 1 р. ассиг.; сверхъ того, при удостоеніи въ мастера, при выдачѣ свидѣтельства, платится, одновременно, 5 р. асс. Въ колоніяхъ находятся учителя нѣмецкаго языка, обучающіе дѣтей обоего пола и содержимые на счетъ общества. Всѣ колонисты, при малѣйшихъ средствахъ, охотно отдають своихъ дѣтей учиться въ городскія учебныя заведенія. Вѣроисповѣданія они частію лютеранскаго, частію римско-католическаго; въ обѣихъ колоніяхъ устроены церкви (довольно бѣдныя).

О чистотѣ, опрятности и честности колонистовъ пѣчего и говорить: стоить только придти въ воскресный день въ церковь, чтобы увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованія колоній, едва-ли между колонистами было два-три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ, или о колонистахъ... (*)

Александръ Конисскій.

II

— — — Чи воно жъ-таки до ладу слухать усякого *полѣпанка*, якъ почне розводити—про народъ и школи? Чого вінъ не наговорить! Чижь

(*) Редакція весьма была бы благодарна почтенному автору за сообщеніе свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ туземцевъ — украинцевъ и поселенцевъ — нѣмцевъ; безъ-сомнѣнія, можно подмѣтить много характеристическихъ чертъ сходства и различія обохъ племенъ.

и між ними мало такихъ, що кажуть: «судовникамъ не соромъ братъ хаба рі, бо имъ малè жалованне дають;» такъ чи тожъ імъ и ймуть віри? Гай-гай! та її годі!... Нехай же наша недільня школа буває здорова, а ми поговоримо дè-про-що инче, приміромъ: хочъ про журнали й газети.

То-рікъ у Полтаві получалось усіхъ московськихъ и чужеземнихъ газетъ и вiстникiвъ мало не 800. Ми приведемо ліку тільки такихъ, которіхъ получалось більше 10-ти штукъ: *Московськихъ Відомостей*—45, *Сина Отчества*—43, *Современника* 36, *Петербурськихъ Відомостей* 34, *Руського Вістника* 29; *Бібліотеки для чтенія* 26; *Отечественнихъ Записокъ* 23; *Странника* 23; *Духовної Беседи, Вістника Министерства Юстиції и Вістника для Землеволодільцівъ по* 20; *Іллюстрації* 18; *Нашого Времени*—17; *Народнєго Чтенія, Московського Вістника, Искри, Семейного Листка и Иноземнихъ романивъ*—по 15, *Вази* 14; *Бібліотеки медицинськихъ наукъ* 12, *Руського Слова* 11. Приміромъ можно класти що усіхъ газетъ и вiстникiвъ торікъ у Полтаві виписувалось на 10,000 карбованцівъ; а въ сèму рокі мабуть буде більше. Книжокъ то-рікъ найбільше купували: «*Кобзаря, Хати, сочиненій Білінського и Гизо. Кобзаря* купували бъ въ трое більшъ, колибъ бувъ дешевіи; а то—якъ-таки бiдному селянинові заплатити за книжку 2 карбiванці? Отъ колибъ найшлась добра душа, та напечатала удруге дешевого «Кобзаря», такъ би сказати не дорожше коповика, щiбъ то за добре дiло було! П. А. Кулішъ надруковавъ у друге «Хату» да все таки не поцінно для селянъ. А скiльки доводилось мнi стрiчати людiй, котрi и проби ради бi купити «Кобзаря,» або «Хату», та ба! у кишенi пусто! и виходить, що *рада бi мама за пана, да панъ не бере...* Намъ здається, найкраще бъ було, коли бъ хто ставъ видавати для народу дешевіи вiстникъ на українській мові: изъ сèго бъ вийшла польза не тільки для селянъ, а й для всiхъ насъ; бо такимъ вiстникомъ ми скорiй усèго установили бъ чисту литературию и, разомъ, народню українську мову.

Теперъ поведемо рiчъ о *дорiгахъ*. Звiсно, що въ Полтаві грунтъ землі глiбватiй, а черезъ те—у весну, а особливче—осiнню, по улицяхъ стоить пекельна грязюка. Кому доводилось iхати въ грязь у Полтаву изъ—за Ворскли, черезъ Подiль на гору, той, певно, набрався доброї чиховици що и досi пам'ятає. У самому городi есть-таки улицi, вимощенi каменемъ. До 1860 року будо мiщенихъ улицъ, здається,

шість; улиці лагодивъ панятий Думою по *договору* Еврей Горштейнъ; та лагодивъ-то не дуже пильно: бувало, въ грязь, и на мощеній улиці ускочивъ такъ, що коли не колесо, то швирень лусне. Торішнєю весною, п. губернаторъ, зібравши городську громаду, сказавъ,—не хаїй би вона порадылася, якъ-би такъ лучче зробіть, щобъ и улиці похожі були на улиці и щобъ хазяїнамъ поменьшити мостову плату. Громада нарядила одъ себе виборнихъ,—людей чеснихъ и правдивихъ; виборні перемеряли улиці и, зібравшись на раду, вшчитали, що якъ будуть вони самі наймать роботниківъ лагодити улиці, то и хазяїнамъ буде легше и улиці краще можна держать. И справді, теперъ улиці тіжъ самі, що й були, та ізда по імъ и геть-то краща! От-такъ и у всякому громадському ділі—треба що бъ громада не здавалась на *пакимитівъ*. Коли бъ ще наша громада нарядила одъ себе виборнихъ на повірку, якъ поліціянти у темні ночі світять по улицямъ лхтарі. Не дала бъ вона и тутъ маху! Ми знаємо, що й до сєго діла старші приглядувались, такъ одному жъ чоловікові не розірватця; а лхтарі придумані для всеї громади и на громадські гроши; громада и повинна сама глядіть свое добро, а коли що найшла не такъ—объявить кому слідъ: — отъ и буде усе гараздъ! Ми чули що у насъ думаютъ Городську Думу переробити по приміру петербурської. Нічого й говорить яка бъ одъ сєго була польза для всеї громади. Я ніякъ не візьму собі въ голову: чого такъ, що тільки изъ самихъ кунцівъ та зъ міщанъ можна вибрати городського голову? Чому не можна настановити головою усякого розумного чоловіка, коли вінъ у горіді має свою осєлю? И чого се такъ, що головами вибірають людей—абн багатихъ, а тамъ—нехай хоть жуки гудуть у голові, коли кишеня у его повна. Хіба жъ таки у кишені водити розумъ? Хіба кишеня загляне уво всі народні нужді? Хіба вона ділитця зъ біднимъ? Ні, вона буде ділитця та не съ тимъ, кому справді треба, а.... вона знає съ кимъ....

Покиль-то ще переобразують Думу, скажемъ слово о погоді. Ні одинъ полтавський дідъ зъ 1836 року не зазнає такої зими, якъ була остатня. За неділю до Роздва, якъ ставъ валить снігъ, якъ стали кренить морозы, да такі що градусівъ въ 30-ть, та такечки більшь місяця крешили. Холоднеча така була, що крий Боже! Глянешъ—було на двіръ, та заразъ и назадъ, бо на дворі що-дня

«Ревé-стогне хуртовина,
Кóтить, вёрне полемъ»....

Черезъ такую холоднечу, топливо въ Полтавѣ дуже подорогшало: за сажинь дровъ платили карбованцівъ по 14, або й зъ половиною. Гіршъ усѣго зима далась у знакі, тимъ, у котрихъ нема своїхъ хатъ. Плата за квартирі геть-то повнзшала; проїзжаючі платили по гостиницямъ, за одну кімнатку, по шівтора карбованця въ сутки. А сплатешъ: чомъ такъ дорого? Кажуть: — топливо дороге. Не жаль би ще платити, колибъ хоть хату теплу одвели, а то — одинъ мій приятель розказувавъ, що у гостиниці вінъ шідъ двома кожухами цілісеньку нічъ дрижаки івъ. Да такі и всі хазяїні полтавскі *не вмюють* поцінно наймать квартиръ. Прійде, кажуть, Ильїнскій ярмалокъ, ми свого не загубимъ. И справді, у ярмаркову шору зъ приїзжого беруть якъ за рідного батька.

Хто бувавъ объ Иллі въ Полтаві, той знае чи правду я кажу. Правда, що у насъ хазяїнамъ тільки и заробітку, що зъ квартиръ: ну, да все жъ таки, треба и честь знать....

Олександръ Переходовець.

Изъ Лубенъ (Шолтавской губ.)

(21 апрѣля, 1861 г.).

Лубенская воскресная школа. Воскресная школа, объ открытія которой мы хлопотали еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, наконецъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ добрымъ дѣломъ тамъ, гдѣ еще не всѣ сознали его необходимость, открыта въ Лубнахъ 25 марта 1861 года при лубенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Средства школы такъ ограниченны, что мы не имѣемъ возможности поощрить учащихся предоставленіемъ имъ на домъ учебныхъ пособій, между-тѣмъ-какъ число учащихся для Лубенскаго народонаселенія, не превышающаго 4000 душъ, очень достаточно; 25 марта явилось въ воскресную школу учащихся 72, а 26 марта—77 человекъ; изъ этого числа было 40—ничего незнающихъ, 26—знающихъ склады, а 11—умѣющихъ читать.

Не смотря на то, что учрежденіе воскресныхъ школъ одобрено и поощряемо правительствомъ и обществомъ, отсталые люди, во что бы то ни стало, не хотятъ уступить современному направленію образованія: такъ, 9 апрѣля, въ воскресной лубенской школѣ оказалась половина только учащихъ, посѣтившихъ ее въ первый разъ, по той причинѣ, что неблагонамѣренныя люди увѣрили многихъ учениковъ въ томъ, что за обученіе въ воскресной школѣ будутъ впоследствии налагаемы на нихъ казенныя работы!.. Ученики, посѣтившіе воскресную школу 9 апрѣля, объявили, что именно по этой причинѣ не явились дѣти мѣщанина Костырки и работники портнаго Лейзера.

Преподаваніе въ школѣ раздѣлили между собою учителя Лубенскаго уѣзднаго и духовнаго училища. Блюститель школы, — онъ же первый подавъ и мысль объ ея учрежденіи, — Денисъ Дмитріевичъ Тирютинъ, кромѣ главной своей обязанности принялъ участіе и въ преподаваніи. По предложенію Дениса Дмитріевича, занятія въ школѣ распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

Школа раздѣляется на два класса: въ 1-мъ учатся, по группамъ, грамотѣ — ничего еще незнающіе, во 2-мъ — начинающіе и умѣющіе уже читать.

Во 2-мъ классѣ, 1	полчаса	опредѣляются для чтенія,
2	»	» ариметики,
3	»	» русскаго письма,
4	»	» вѣроченія.

Въ первые три полу-часа преподаватели занимаются по группамъ; 9 апрѣля на каждого преподавателя приходилось по 2 и по 3 человека. Старшіе ученики уѣзднаго училища помогаютъ въ преподаваніи подъ наблюденіемъ преподавателей:

Въ 1-мъ классѣ, 1	часъ	опредѣляется на обученіе грамотѣ,
	полчаса	» изустному счисленію,
	полчаса	» вѣроченію.

Такое распредѣленіе оказывается очень удобнымъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы — печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу — помочь намъ высылкою книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ нашемъ народѣ, любознательности и потребности сознательнаго образованія — много; позвольте же надѣяться, что и наша школа не останется безъ отъклика и участія.

Пособія для мужеской лубенской воскресной школы могут быть
высылаемы или на имя блюстителя школы, Дениса Дмитриевича Ти-
рютина, или на мое.

Распорядитель лубенской мужской воскресной школы,

Василій Шевичъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ф—ну Га—з—ку, въ Ніжинъ. Дуже Вамъ дякуемъ за тепле слово и за «Максіма Галúзу.»

В—са—р—ну И—чу В—св—ву, въ Уфу. Вы совершенно правы; мы искренно благодарны Вамъ за совѣтъ; постараемся исполнить его по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, намъ слѣдуетъ дорожить лишь тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляется не подъ вліяніемъ мгновеннаго впечатлѣнія. Нашъ незабвенный поэтъ выше всего цѣнилъ искренность и постоянство.

М—д—у Г—л—чу Д—ж—скому, въ Хоролъ. Гарáздъ говорите! Вашъ листъ и стихи прочтáли ми рáзъ и вдрúге. Не забывáйте про насъ, а ми Вамъ щíрою правдою оддичимо.

Ал—д—у П—т—п—чу К—р—т—ку, въ Екатеринославъ. Постараемся исполнить Ваше желаніе; но просимъ немного обождать. Отвѣтимъ особымъ письмомъ.

М—х—лу М—чу Л—ч—ку, въ Ананьевъ. Всѣ Ваши послышки получены; мы чрезвычайно признательны Вамъ за нихъ. Насъ очень радуеть Ваша неутомимость; отъ Вашего внимательнаго изученія мы ожидаемъ много полезнаго и весьма дорожимъ Вашимъ сотрудничествомъ.—Не забывайте писать къ намъ чаще обо всемъ, что вокругъ Васъ происходитъ; мы съ удовольствіемъ читали «Степныя письма».

Ан—р—ю Г—р—чу М—др—кль, въ Козелецъ и Вл—ру Шм—ч—ку, въ Кишиневъ. Ваши письма, съ статьями, получены нами съ благодарностью. Просимъ обождать окончательнаго отвѣта до слѣдующей книжки.

П—ну Га—ку, въ Москву. Багато дé-объ-чímъ треба Вамъ одписáти, да чи тóжъ лéгко вільного чáсу дíждатись? Найкраще, якби Ви самі у нáшу хáту заглянули.

М—х—лу С—пр—у, въ Воронежъ. Ваше желаніе и Вашъ

упрекъ вполне справедливы; мы вѣримъ Вашему участию и отвѣчаемъ искреннею благодарностью. Мы давно сознаемъ замѣченный Вами недостатокъ, котораго никакъ не могли предвидѣть въ началѣ дѣла, — принимаемъ мѣры къ его устраненію, и надѣемся, что время, а можетъ быть и наше стараніе исправятъ его.

М—кс—му Ч—ри—у, въ Кіевѣ. Безъ сомнѣнія, будетъ напечатано, — хотя не всегда вполне, — все, что Вы сообщите; возраженія могутъ найти мѣсто въ «Основѣ», если они не противорѣчатъ существеннымъ убѣжденіямъ. Ваше возраженіе съ эпиграфомъ: «правду рѣжь», тоже будетъ помѣщено, если Вы потрудитесь яснѣе высказать, развить, свои мысли. Надѣемся, «второе письмо», за которое искренно Вамъ благодарны, войдетъ въ VI кнѣжку. Съ терпѣніемъ ожидаемъ отъ Васъ извѣстїи о многихъ явленіяхъ мѣстной общественной жизни.

Отчетъ о перевезенїи тѣла покойнаго Т. Гр. Шевченка на родину, отлагается по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки. Ожидаемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и представимъ свой отчетъ въ возможно-полномъ видѣ.

Послѣ Т. Гр. Шевченка здѣсь остались еще непроданными нѣкоторыя его гравюры, рисунки и рисовальныя принадлежности. Желашіе приобрести себѣ что-либо изъ этихъ предметовъ, или узнать подробности, могутъ обращаться въ квартиру *Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, домъ Воронина, въ 5-й линїи, противъ сада Академіи Художествъ.*

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бáйдки битъ—проводитъ время въ праздности, битъ баклуши.

Бáчитця—кажется, видится.

Бáкати́сь—жаловаться на нужды, недостатки, неудачи.

Благущій—умоляющій.

Блѣмать—слабо свѣтиться.

Блудитъ—сбиться съ пути.

Бухикать—кашлять (густымъ кашлемъ).

Вáлява—куча, множество (снѣгу).

Вбивáтись—жалѣть, тосковать.

Вгамувáтись—уняться, успокоиться.

Вдоволювати—довольствоваться, удовлетворять.

Видирáть—забирать, вытаскивать (изъ гнѣздъ и норъ дѣвнышей).

Видъ—лицо.

Витребѣньковати—выдумывать, болтать.

Викликáти—вызывать.

Вогкій—сырой, влажный.

Волочитъ—боронить.

Га-га!—междометіе.

Гидкувати—брезгать.

Гнучкій—гибкій.

Годивникъ—часы.

Гóби—известное разстояніе; гоняи измѣряютъ вспаханное поле: «виоравъ гóней зо дві».

Грѣмъ—громъ.

Грúдочка—комочекъ.

Грляць—градъ.

Гúнуть—устремиться толпой; толкнутъ сильно.

Гучній—звучный, громкій.

Дзигáрі—часы.

Дѣхати—дышать.

Дудлѣть—пить съ жадностью (дуть).

Забитнá (дорога)—занесенная (снѣгомъ) дорога).

За-вѣтромъ—по теченію вѣтра.

Заволокти—подернуть, затянуть.

Задрипана (одежа)—съ запачканнымъ въ грязь подоломъ.

Зáйвий—лишній

Заморóчить—обмануть, затуманить.

Зáполочъ—красныя бумажныя нитки, которыми вышиваютъ воротники и рукава рубашекъ, полотенецъ и другія вещи.

Захолóпуть—застыть.

Зашамотитъ—зашумѣтъ платьемъ; зашестѣтъ.

Збито—вытоптано.

Злякáтись—испугаться.

Змигáть—мигать.

Зоупинитъ—удержать, остановить.

Истикъ—деревянная, заостренная, довольно большая палка, которую (*ялу-гáтарь*) (работникъ, управляющій сохою или плугомъ) во время оранія держитъ въ рукѣ и очищаетъ ею приставшую къ плугу или сохѣ землю.

Каламúтний—грязный, взболтаный (о водѣ и о другой жидкости).

Кѣ мині; кѣ сюди—подай мнѣ.

Клаць-кляць!—междометіе, выражающее шелканье зубами (о волкѣ).

Коверзувати—своенравничать, вертѣтъ по своему.

Ковтáть—глотать.

Козиритъ (ушима)—насторожить (уши), прислушиваться.

Копá—шестьдесятъ сноповъ ржи или другаго хлѣба.

Кублó—гнѣздо.

Лицо—(умен.)—лицо.
Лопъ-лопъ!—хлопъ-хлопъ! (междо-
метіе звукоподражательное, означающее
хлопанье птицъ крыльями).

Манія—привидѣніе, призракъ, фа-
томъ.

Манячить—видѣться издали въ
неопредѣленныхъ формахъ.

Ме-ме!—междометіе, обозначающее
блѣзніе овецъ.

Маниъ—мельница.

Мѹштра—солдатское ученье.

Набрѳить—наколѳбродить, надѳ-
лать безпорядку.

Навцерѳи—навстрѳчу (забѳжать
кому, чтобъ задержать),

Навпрѳшки—напрямикъ (о до-
рогѳ).

Нагибать—набрести, найги.

Нагодувать—накормить.

Назѳрнуть—усмотрѳть, завидѳть.

Нарикатъ—роптать, обвннать.

Настигнуть—догонять, поспѳвать,
подоспѳть.

Наський—домашній, доморощен-
ный.

Не-подалецъ—исподалеку.

Незабѳтний—незабвенный.

Нес-такъ—не такъ много, не столь-
ко какъ.

Несчѳтисъ—не замѳтить, не опом-
ниться; слово это происходитъ отъ гл.
чуть, слышать и всегда употребляется
въ отрицательной формѳ.

Нѳхворощъ—*artemisia campestris*,
L., растеніе, изъ котораго дѳлаютъ
вѳники.

Ні-щѳ—ничѳ.

Обдима (живить)—дуетъ (живѳть).

Одягъ—одежда.

Ополѳнка—прорубь.

Осторопъ—встрѳпѳ, поотдадь.

Отъ-отъ—вогъ-вогъ.

Пагощи—молодые побѳги, отрост-
ки.

Перелігъ—нива, вспаханная прош-
лый годъ.

Перепивечить—испортить, при-
вести что въ дурное состояніе. Слово это
употребляется въ рѳчи не только о
вешахъ, напр. изнѳвечить кожухъ
(тулупъ), но и о человекѳ, напр. чо-
ловикъ (мужъ) изнѳвечивъ жінку.

Перестрибнуть—перепрыгнуть,
перескочить.

Питати—спрашивать.

Підводитця—привставать.

Повертатиця—ворочаться (съ боку-
на-бокъ).

Позаторикъ—третьяго году.

Полѳнуть—полетѳть.

Поназбѳгались—сбѳжались, стол-
пились.

Поскоритьця—поторопиться, по-
спѳшиться.

Помістъ—погѳ.

Почимчикувать—побрести, по-
плестись.

Почѳть—слышать, почувствовать.

Притьѳмъ—скоро, поспѳшно.

Провалля—глубокій, обрывистый
оврагъ, проваль.

Прѳжогѳмъ—весьма быстро, стре-
мительно, произительно.

Пручатиця—высвобождаться, вы-
рываться.

Пѳга—плеть.

Ралець—приношеніе должностному
лицу; пану.

Розважати—развлекать, успоко-
вать.

Рештувати—снаряжать.

Рѳшнть—тронуть, трогать; тронуть-
ся съ мѳста.

Савка—Савелій.

Секлѳта—Сигклитинія.

Сѳла (вовківъ) — множество (вол-
ковъ).

Сѳбирний (ругат. слово) — заслужи-
вающей Сѳбири.

Скорбѳта—скорбь.

Слезина—слеза.

Слопецъ—

Срѳбло—серебро.

Срѳбнохвильнй—Сребровольный.

Ставѳкъ—небольшой прудъ.

Стойло—стойло.

Стовпъ—столбъ.

Стонѳваннй—истоптанный, вы-
битый.

Стрибайчикѳкъ — Зайчикѳкъ-
стрибайчикѳкъ — (умен.) пригун-
чикъ.

Торикъ—прошлый годъ.

Тѳрба—мѳшокъ.

Улягати—палегать.

Упадився—повнадлся.

Унишкннуть—утихнуть; прѳсми-
рѳть.

Хвѳбри—храбрый, бойкій.

Хихикати—хихикать, смѳяться.

Хлѳга—слякость.

Хѳля—нѳга.

Хуга—вьюга.

Хѳрія—мятелъ.

Хустиця—платочекъ.

Цькува́ти—травить (собаками).

Чепі́га—одно изъ созвѣздій.

Чері́дка—свиное стадо; уменьшительное слово отъ чередá (стадо коровъ). Коровы и свиньи, возвращаясь съ поля, идутъ одна за другой, въ нѣкоторомъ порядкѣ или очереди; вѣроятно, оттого и слово чередá.

Чистобрéха—тотъ, кто гладко вретъ.

Чийшуть—чмхать — сильно дышать (о волахъ, коровахъ).

Чѣр-зна-чогó—чортъ знаетъ чего.

Чудасія—диво, чудо.

Шáта—одѣяніе; окладъ на образахъ.

Эгé!—эге-гé!—да; а!

Ярочокъ—небольшой оврагъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫХОДѢ

ВТОРОЙ КНИЖКИ

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

При 4-мъ номерѣ «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», вышла 2-я книжка *Библиотеки для Дѣтскаго Чтенія*. Содержаніе ея слѣдующее:

- 1) Бесѣды о природѣ. (Бесѣда вторая: общія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи, съ тремя рисунками.)
- 2) Географія въ разсказахъ.
- 3) Солнце, земля и луна.
- 4) Секундные часы, съ 15-тью рисунками.
- 5) Теплая вода. Изъ Бока.
- 6) Лошадь. Изъ Бюффона.
- 7) Смерть Шевченка.
- 8) Украинскій козакъ въ степи. Изъ поэмы «Марія» Мальчевского.

При этой книжкѣ приложены: портретъ Тараса Григорьевича Шевченка, гравированный на камнѣ, и 18-ть рисунковъ (къ статьямъ 1-ой и 4-ой), гравированныхъ на деревѣ.

Подписка на «Библиотеку для Дѣтскаго Чтенія» принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ журнала «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшниксва.

Цѣна за годовое изданіе «Библиотеки», состоящее изъ шести книгъ, *6 рублей съ пересылкой и доставкой*, а для выписывающихъ ее вмѣстѣ съ «Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ» — *5 рублей*, или за «Русскій Педагогическій Вѣстникъ и Библиотеку для Дѣтскаго Чтенія» *13 рублей*. Можно получать каждую книжку отдѣльно по 1 руб.

Для воскресныхъ школъ уступается по слѣдующей цѣнѣ: за годовое изданіе «Библиотеки» — 2 руб. съ пересылкой, а отдѣльно — первая книжка по 25 коп. сер., вторая книжка по 41 к. сереб.

Редакторъ и издатель Александръ Григоровичъ.